

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

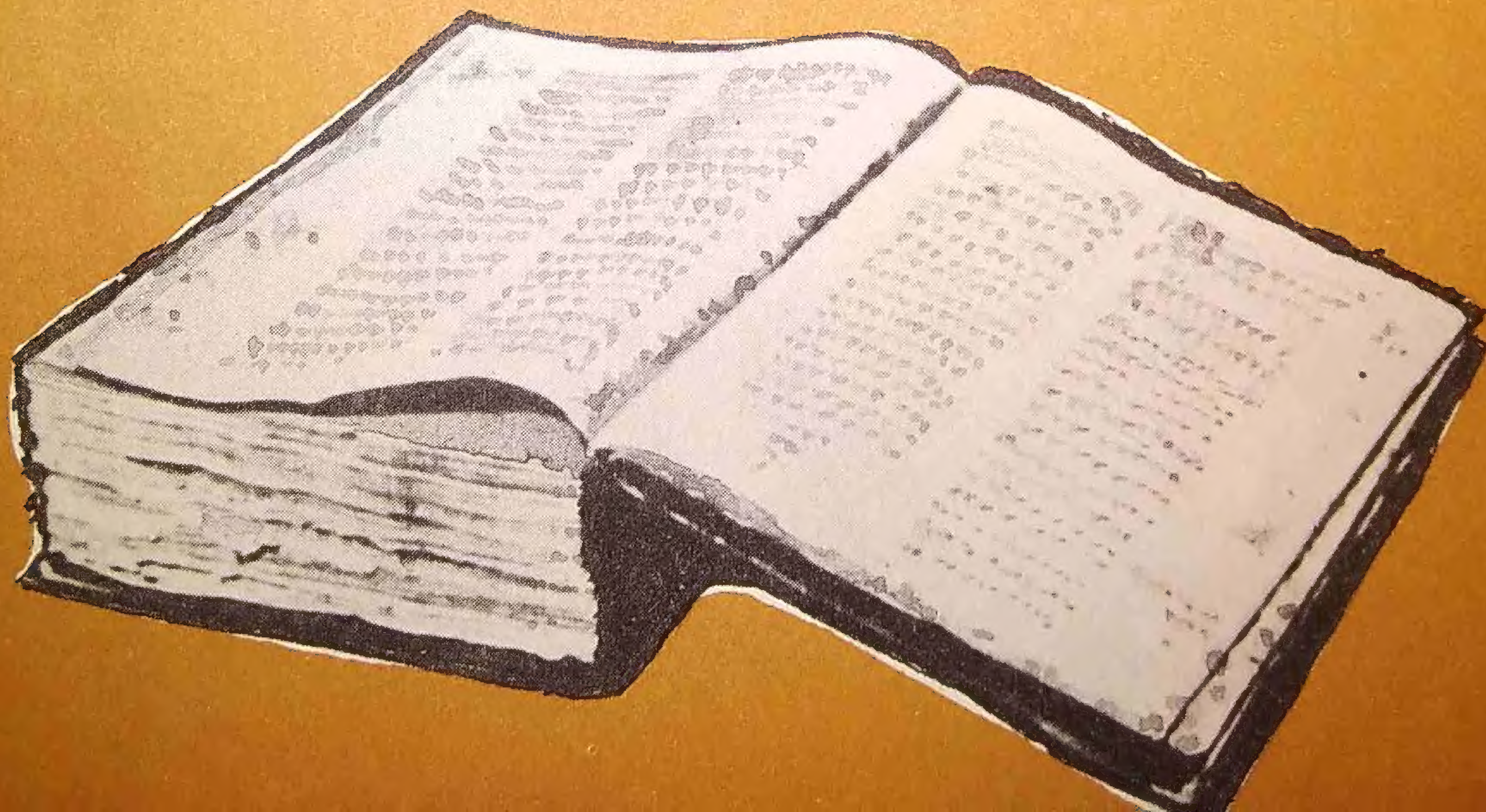
Древнерусская литература

Хрестоматия





С



ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА



ХРЕСТОМАТИЯ

Учебное пособие для 6—9 классов общеобразовательных учреждений

Составитель
О. В. ТВОРОГОВ

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1995

ББК 83.3Р1
Д73

Составитель, автор вступительной статьи и примечаний
доктор филологических наук О. В. Творогов

В книгу включены архивные фотоматериалы

Древнерусская литература: Хрестоматия: Учеб. пособие
Д73 для 6—9 кл. общеобразоват. учреждений/Сост., авт. вступ. ст. и примеч. О. В. Творогов.— М.: Просвещение, 1995.— 287 с.: ил.— ISBN 5-09-006212-9.

Хрестоматия вводит читателей в мир литературы Древней Руси, знакомит их с летописями, с жизнеописаниями русских святых, с воинскими повестями и т. д. Большинство произведений древнерусской литературы приводится в хрестоматии в переводах на современный русский язык. В конце пособия помещен словарь, содержащий краткие сведения об упоминаемых исторических персонажах, специальных терминах и вышедших из употребления словах.

Д $\frac{4306020000—350}{103(03)—95}$ уточн. план 1995 г. № 67(3) ББК 83.3Р1

ISBN 5-09-006212-9

Дорогие ребята!

Эта книга введет вас в совершенно особый мир — мир литературы Древней Руси. Вы прочитаете отрывки из летописи, жизнеописания русских святых, воинские повести о тяжелых годах Батыева нашествия и о славной победе на Куликовом поле. Вы узнаете о мудрой крестьянской девушке Февронии, исцелившей муромского князя, и о печальной судьбе княжеского слуги Григория, чья невеста неожиданно для него стала княгиней; вы прочитаете повесть о беспутном купеческом сынке Савве, продавшем душу дьяволу, о кругом виноватом горемыке, неожиданно избавившемся от наказания, о лукавом и умном пьянице, своими остроумными ответами добывшем себе место в раю. Вы найдете здесь и знаменитое «Слово о полку Игореве», и рассказ протопопа Аввакума о своей полной тяжелейших испытаний жизни.

Эти тексты лишь ничтожно малая часть огромной литературы XI—XVII вв. Если вы захотите узнать о ней больше, то загляните в приведенный на с. 284 список книг.

Большинство произведений приводится здесь в переводах на современный русский язык. Те же произведения, которые публикуются на древнерусском языке, сопровождаются пояснениями к отдельным выражениям и устаревшим словам. В конце хрестоматии помещен словарь, из которого вы получите краткие сведения об упоминаемых в Библии лицах, исторических персонажах, некоторых терминах и вышедших из употребления словах.

Пусть ваше первое знакомство с литературой и культурой Древней Руси окажется для вас интересным и полезным.



О ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Языческая Русь не знала литературы. Художественное слово бытовало в то время только в устной форме: рассказывали предания о мудрых князьях и храбрых воинах, легенды о языческих богах, бытовые и волшебные сказки; на праздниках, свадьбах и похоронах пели обрядовые и лирические песни, загадывали хитроумные загадки, тешились пословицами. Записывать все эти фольклорные произведения никто и не собирался: их знали наизусть, слышали многократно в течение всей жизни, сами рассказывали и пели. А известная уже с X в. письменность использовалась исключительно в деловых целях: записывались договоры между государствами или между князьями, снабжались грамотами купцы, отъезжавшие с товарами в далекие страны, грамотные люди составляли завещания. Возможно, уже в дохристианское время началась практика записок на бересте: берестяные грамоты известны нам с XII в., но они могли существовать и раньше хотя бы в узком еще кругу грамотных людей.

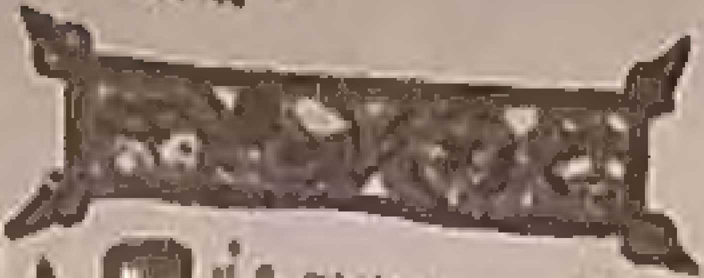
Но, когда в 988 г. великий князь киевский Владимир Святославич провозгласил христианство государственной религией на Руси, возникла необходимость в широком распространении книг, прежде всего тех книг, которые читаются во время богослужения. Древнейшие книги писались на пергамене (особо обработанной телячьей коже), одевались в деревянные переплеты, обтянутые кожей, с обязательными застежками: без них книга с толстыми кожаными страницами беспрестанно бы раскрывалась. Итак, после принятия христианства на Руси появились книги. Постепенно стала возникать и литература: не просто сумма богослужебных книг, а множество произведений различных жанров: переписывались отдельные книги Священного писания (полностью Библия станет известной на Руси лишь в XV в.), сочине-

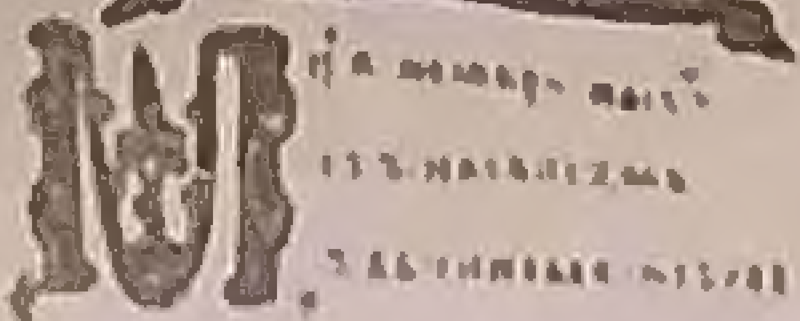


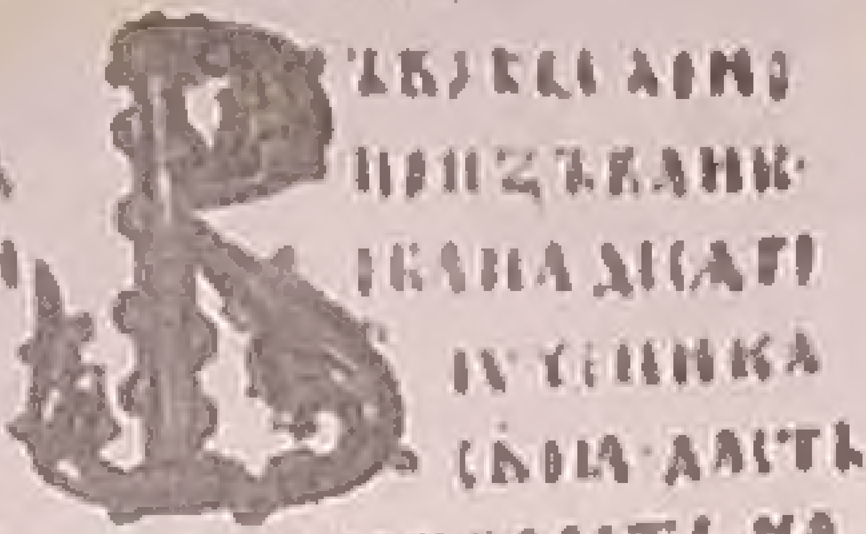
Вид хранилища Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

ния византийских и болгарских богословов и проповедников, жизнеописания (жития) православных святых, исторические сочинения. На первых порах литература была исключительно переводной. Это понятно: принявшая христианство Русь должна была ознакомиться и с христианской литературой, уже веками существовавшей в Византии или Болгарии.

Но уже в середине XI в. создаются первые из известных нам сочинений древнерусских писателей. Таковым было «Слово о Законе и Благодати», написанное священником княжеской церкви (а в дальнейшем — киевским митрополитом) Иларионом. По жанру своему это богословский трактат, в котором доказывается превосходство Нового завета над древней частью Библии — Ветхим (т. е. старым) заветом. Если Ветхий завет был обращен к одному только еврейскому народу, то Новый завет — это благодать, ниспосланная всем христианам независимо от национальности. Но наряду с этой богословской проблемой Иларион в своем «Слове» провозглашает и другую важную для него мысль: принявшая христианство Русь отныне ни в чем не уступает авторитетнейшему христианскому государству Восточной Европы — Византии. Если Византия чтит своего императора Константина, провозгласившего христианство государственной религией страны, то так же и Русь чтит князя-крестителя Владимира Святославича. Как и в Византии, на Руси строятся церкви и создаются монастыри, христиане Руси в своем благочестии не уступают христианам других стран. Да и сама Русь еще



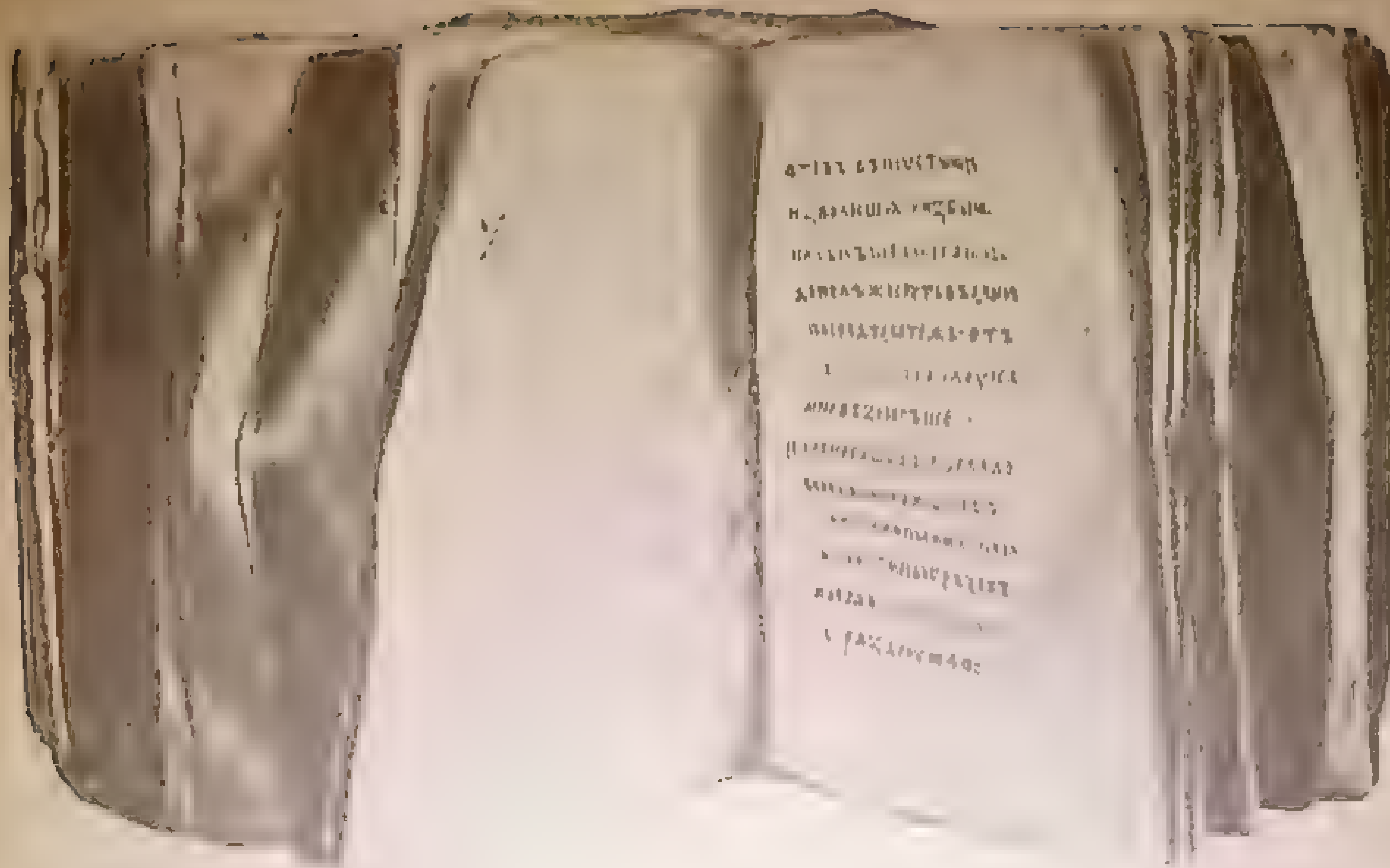




Остромирово евангелие — древнейшая русская рукопись. *1056—1057 гг.*

в языческие времена была землей, ведомой во всем мире, которую знали и чтили соседние государства Европы. Завершается «Слово» похвалой князю Владимиру и его сыну Ярославу.

В середине XI в. на Руси рождается совершенно особый, незнакомый другим странам жанр исторического повествования — летопись. Какие-то записи о важнейших событиях велись, вероятно, и ранее, но именно в это время возникает летописание — систематическое, год за годом, изложение всех важнейших событий, которые произошли во всех уголках Русской земли. В древнерусском языке слово «лето» обозначало не только сезон года, но и сам год. Каждая новая годовая запись в летописи начиналась словами: ***«В лето...»*** — отсюда и название жанра. В начале XII в. монах Киево-Печерского монастыря Нестор создает новую редакцию летописи, которую мы по первым ее словам называем «Повесть временных лет». Нестор использовал записи своих предшественников-летописцев, во многом дополнил их, но, самое главное, он рассмотрел прошлое своего народа не как собиратель преданий или исторических фактов, а как подлинный историк. Поэтому свой рассказ он начинает со сведений о происхождении славян, затем повествует о территории Русской земли, о населявших ее в древности племенах и их обычаях, рассказывает об основании Киева и первых русских князьях из династии Рюриковичей: храбром воителе Олеге Вещем, князе Игоре, убитом древлянами за непомерную жадность, его мудрой и — признаем! — жестокой жене Ольге, о славном полководце Святославе Игоревиче. Далее в «Повести временных лет» повествуется о Владимире Святославиче и принятии Русью христианст-



«Изборник» 1076 г. — одна из древнейших рукописных книг

ва, о коварстве [illegible] Святополка, начавшего истреблять свою [illegible] победе над ним и славном княжении Яро[illegible] затем в «Повести» рассказывается о кня[illegible] Ярослава. У Нестора есть темы, [illegible]. Он настойчиво проводит мысль о необходимости мира [illegible] ведь все они — родственники по крови [illegible] от киевского князя Игоря. В годы, когда феодальные междоусобицы начинают сотрясать Русь, Нестор не только обращает внимание читателей на евангельские заповеди братолюбия, но и подчеркивает, что междоусобные распри ослабляют Русь перед лицом половецкой опасности. Борьба с погаными — другая важная для Нестора тема летописания. Погаными именовали в то время кочевые народы — печенегов, а затем сменивших их в южнорусских степях половцев. Слово это не имело того осудительного, грубого оттенка, который оно приобрело позднее: поганый значило всего лишь язычник, не христианин. Если свое отрицательное отношение к междукняжеским распрям летописец выразил наиболее отчетливо во вставленном в «Повесть временных лет» рассказе об ослеплении Василька Теребовльского, жуткие подробности расправы над которым не могли не вызвать гнев и негодование читателей, то тревогу летописцев о тяжких последствиях половецких набегов отражает рассказ о событиях 1093 г.: там повествуется о гибели при переправе через Стугну молодого князя Ростислава Всеволодича и о страданиях русичей, угоняемых в половецкий полон.

Текст «Повести временных лет» в Лаврентьевской летописи. 1377 г

Летопись дорога нам не только как ценный исторический источник — она и блестящий литературный памятник, которому придают особую поэтичность пересказанные устные предания: о смерти Олега, о мести Ольги древлянам, о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем и др.

В XI — начале XII в. создаются и первые русские жития святых. «Житие Бориса и Глеба» и написанное Нестором «Житие Феодосия Печерского» представляют собой как бы два типа житийных рассказов. В «Житии Бориса и Глеба» много условного, неестественного, но оно производит глубокое впечатление драматизмом ситуации и красотой возвышенной, патетической речи. Действительно, может показаться странно, что князья-воины Борис и особенно Глеб безропотно, не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления, отдают себя в руки убийц. Неправдоподобным кажется эпизод, когда воины Святополка, словно бы застыв с обнаженными мечами и устремленными на свою жертву копьями, терпеливо ждут, пока Глеб не кончит свою долгую молитву. Но это не писательский просчет, а задуманный автором прием: он тем самым подчеркивает душевную чистоту святых князей

(они простодушны, как дети), их неукоснительное следование евангельским заповедям смирения, покорности старшему, а долгая молитва Глеба еще ярче оттеняет всю жестокость злодея Святополка, посягнувшего на жизнь смиренного своего брата и благочестивого христианина. Автор «Жития...» напоминает, что подчинение киевскому князю — святой долг всех удельных князей и тем отвратительнее злодеяние Святополка, который, опираясь на этот благой принцип, осуществил кровавый план трех (помимо Бориса и Глеба, был убит и Святослав) братоубийств.

Совсем иначе построено «Житие Феодосия Печерского». Феодосий не святой мученик, а святой праведник. Он не погибнет под мечами убийц, а мирно умрет в своей келье, окруженный почитанием и любовью монастырской братии. Поэтому автор ставит своей целью создать, как бы мы сказали сейчас, реалистический образ святого. Поразительно правдоподобен рассказ о том, как мать Феодосия тщетно пыталась отвратить сына от высоких христианских идеалов и подвижничества, не останавливаясь перед самыми суровыми наказаниями, лишь бы сохранить для мирской жизни горячо любимого сына. И сам Феодосий, благочестивый, кроткий, трудолюбивый, описан так естественно и живо, что, читая о творимых им чудесах, мы словно бы видим своими глазами, как, например, по молитве святого пустой сусек с заметенной в уголок горсточкой отрубей вдруг наполняется мукой настолько, что она даже пересыпается через высокие стенки.

В конце XII в. древнерусская литература обогащается произведением, снискавшим и поныне мировую славу, — «Словом о полку Игореве». Как считают сейчас ученые, «Слово...» — песнь, созданная княжеским певцом-профессионалом, умудренным политиком, страстным патриотом всей Русской земли, сумевшим подняться над узкими интересами отдельных князей. Он гневно осуждает княжеские распри, видит главную опасность в постоянных набегах половцев, призывает всех князей сплотиться вокруг киевского князя — организатора победоносных походов в Половецкую степь. При этом, размышляя об исторической обстановке на Руси времен «Слова...», не следует впадать в крайность: видеть в половцах только жестоких врагов, а в русских князьях — всегда доблестных защитников родной земли. Все было гораздо сложнее: между русскими князьями и половецкими ханами постоянно заключались военные и политические союзы, князья не раз (и это особенно осуждает автор «Слова...») сами приглашали половецкие отряды принять участие в очередной междукняжеской распре. На ханских дочерях были женаты многие русские князья, в том числе Олег Святославич (дед Игоря), в первом браке и отец Игоря — Святослав Ольгович (сам Игорь — его сын от жены-новгородки), князь Юрий Долгорукий (первым браком) и другие князья.

События 1185 г. нашли отражение и в летописи: походу Игоря, битве на Каяле и дальнейшей судьбе новгород-северского князя посвящена подробная статья в Ипатьевской летописи. Ее сравнение с текстом «Слова о полку Игореве» помогает лучше представить себе ход событий, прояснить многие художественные образы «Слова...».

В 20-х гг. XIII в. на русские княжества обрушилось страшное бедствие: в битве с монголами на реке Калке потерпели поражение объединенные силы русских и половецких князей. Правда, оценить в полной мере надвигающуюся опасность русичи смогли лишь в конце 1237 г., когда монголы, предводительствуемые ханом Батыем, вторглись на территорию Рязанского княжества. В течение трех лет монголам удалось разгромить силы русских князей, не сумевших дать организованный отпор превосходившим их по численности и имевшим уже богатый военный опыт монгольским полчищам. Были захвачены и разрушены все крупнейшие центры Русской земли — Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль, Киев. Погибли в огне пожаров прекрасные творения русских зодчих, были угнаны в неволю тысячи искусных ремесленников, пали на полях битвы лучшие ратники. Огромный удар был нанесен Русской земле и ее культуре. Литература не могла не откликнуться на эти драматические события: обстоятельно фиксировали события летописцы, со скорбными проповедями выступали в церквах священники, слагались героические предания о подвигах защитников родины. Одно из них — сказание о захвате Батыем Рязани. Видимо, сразу же после событий зимы 1237—1238 гг. сложились рассказы о гибели в ставке Батыя рязанского князя Федора Юрьевича, о том, как, узнав о гибели мужа, княгиня Евпраксия выбросилась из окна терема с малышом-сыном на руках, как мстил Батыевым воинам богатырь Евпатий Коловрат. Все эти предания вошли впоследствии в цикл, самой известной и самой поэтичной частью которого является так называемая «Повесть о разорении Рязани Батыем». Говоря о произведениях, посвященных теме монгольского нашествия и золотоордынского ига, нужно помнить об одном распространенном заблуждении: воинов Батыя, а затем и золотоордынцев вообще вслед за древнерусскими памятниками именуют татарами и ошибочно отождествляют с татарами — основным населением республики Татарстан. Это отождествление совершенно ошибочно. Народность татары существовала и в XIII в., татары жили на северных границах Китая и враждовали с монголами Чингисхана. Тем не менее в средневековой литературе как Руси, так и других государств монголов, а затем и золотоордынцев называли татарами. Этот термин обычно сохраняется и в переводах древнерусских повестей. В действительности же население Золотой Орды состояло из множества народов: ханы, полководцы, военная верхушка были монголами; среди воинов было много половцев, а также выходцев из других, покоренных

монголами стран. В войске Мамая было даже немало наемников-европейцев. Что же касается современных татар, то они в основном потомки волжских булгар, также покоренных монголами. Еще в XVI в. их называли не татарами, а казанцами, и лишь после присоединения Казани к Русскому государству выходцев из бывшего Казанского ханства стали называть татарами.

Событиям Батыева нашествия, помимо «Повести о разорении Рязани», было посвящено, вероятно, и «Слово о погибели Русской земли». До нас дошло лишь несколько строк — самое начало произведения, но и они [illegible] о том, что это был литературный памятник, по своим [illegible] достоинствам не уступавший «Слову о полку Игореве».

Каждая победа русских воинов в эти [illegible] ла к себе восхищенное внимание современников. [illegible] шен святым новгородским, а [illegible] князь Александр Ярославич, [illegible] на западных рубежах Новгородской земли. [illegible] Александра Невского [illegible] нает [illegible] пают воинские [illegible] тя он предстает [illegible] с горячими [illegible] ему и его воинам [illegible] мые святыми [illegible] подробно описывается [illegible] Невы, в память [illegible] чил почетное прозвание Невский.

Образ святого [illegible] ских людей, [illegible] ствий ордынцев. [illegible] Руси византийский [illegible] но было его посмертное [illegible] Изображение [illegible] огромного змея, [illegible] элемент и в герб Руси. [illegible] водится в нашей хрестоматии.

В 1380 г. на Куликовом поле [illegible] Дмитрий Иванович [illegible] фактическому правителю Золотой Орды [illegible] вым поражением татар [illegible] ской битвы Дмитрия Ивановича [illegible] на реке Воже, но именно победа над всесильным Мамаем в грандиозном [illegible] ще на поле Куликовом», особенно запечатлелась в сознании современников и потомков. О Куликовской битве рассказывают два знаменитых произведения древнерусской литературы — «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище».

Автор «Задонщины» не ставил своей целью подробно описать битву. «Задонщина» всего лишь радостный, эмоциональный от-

клик на победу. Обмениваются ободряющими призывами русские князья, гремят золочеными доспехами удальцы-воины, скачут по полю битвы борзые кони, в смятении бегут потерпевшие поражение ордынцы... Радостный, оптимистический настрой произведения не могут омрачить ни плач русских жен о погибших в битве мужьях, ни заключающий «Задонщину» перечень погибших князей и воевод. «Задонщина» не получила широкого распространения: известно лишь четыре ее полных списка, но зато она привлекла внимание исследователей тем, что автор «Задонщины» на протяжении всего текста подражает «Слову о полку Игореве», используя его образы, даже перенося из него в свой текст отдельные, полюбившиеся ему словосочетания и целые фразы.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище», напротив, повествует о событиях степенно и обстоятельно, демонстрируя свое литературное мастерство и широкие знания. В центре повествования великий князь Дмитрий Иванович. Он предстает перед читателями как умудренный политик и дипломат, как умелый стратег, тщательно готовящийся к предстоящему сражению, как доблестный воин, в рядах воинов принимающий участие в битве и раненный в ней, как благочестивый христианин, постоянно обращающийся с пространными молитвами к Богу, получающий благословение от Сергия Радонежского. Подробно описывает «Сказание...» весь ход сражения. Драматична сцена, когда воины засадного полка тщетно упрашивают своих воевод разрешить им вмешаться в битву: «Так какая же польза от стояния нашего? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, неотвратимо погибают от рук поганых, будто трава клонится!» Но выступать еще рано, и лишь в нужный момент возглашает Волынец: «Княже Владимир, наше время настало...» — и засадный полк вступает в битву: «...точно опытные воины-волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилостиво». Наступает решающий перелом в сражении. В «Сказании...» много возвышенной риторики, цветистого красноречия, однако глубоким лиризмом проникнуты плач жены Дмитрия Донского — Евдокии и сцена ночного гадания перед битвой. Автор «Сказания...» владеет не только литературными приемами исторического повествования и церковного красноречия — он нередко обращается к художественной образности фольклора; отсюда сравнение воинов с соколами, отсюда сравнение битвы с пиром, плач Евдокии.

В XIV—XV вв. создается много житий русских святых, творят выдающиеся русские писатели-агиографы (т. е. авторы житий) — Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. С их именами связано и житие особо чтимого русского святого — Сергия Радонежского. «Житие Сергия Радонежского» было написано Епифанием между 1417—1418 гг., несколько лет спустя оно было переработано Пахомием. Публикуемая в хрестоматии редакция

«Житие протопопа Аввакума». 1674–1675

Жития [illegible] Сергия Радо-
нежского [illegible]
всю жизнь [illegible]
быть ничего [illegible] чудес-
ном знамении, данном матери святого еще до его рождения,
о том, как он, с трудом учившийся, вдруг, после встречи с чудес-
ным старцем, [illegible]
ность глубоко вникать [illegible]
ваются в Житии [illegible]
в одиночестве в глухом ле[illegible]
дикие звери. Необычайная [illegible] Сергия [illegible]
ляются неоднократно [illegible]
им же созданного монастыря [illegible]
предложенного ему высокого [illegible]
влияние, которое оказывал Сергий [illegible] Руси,
огромно: его [illegible]
к его советам прислушивались [illegible] «Житие Сергия Радонеж-
ского» ценно не только [illegible]
Это блестящий литературный [illegible] отразилось,
в частности, влияние так называемого [illegible]
автор умышленно ставил рядом однокоренные слова или вы-
страивал длинные ряды синонимов, сходных по смыслу сравне-
ний и метафор. Таким образом писатели как бы заставляли
вслушиваться в звучание слов, вдумываться в их глубинный

смысл, повторяя и варьируя один и тот же образ; они подчеркивали значительность события, поступка, черты характера. Так, в завершающем «Житие...» Похвальном слове святому мы, например, читаем: Сергий был «...старец чудесный, добродетелями всякими украшенный, тихий, кроткий нрав имевший, смиренный и добронравный, приветливый и благодушный, утешительный, сладкогласный и мягкий, милостивый и мягкосердечный, смиренномудрый и целомудренный...».

XVI в. на Руси — время расцвета официальной, парадной литературы: составляется крупнейшая русская летопись — Никоновская, создается огромное сочинение по всемирной истории — «Русский хронограф», по повелению Ивана Грозного составляется Лицевой (т. е. украшенный цветными иллюстрациями-миниатюрами — всего их более 16 тысяч) свод, включающий библейские книги, переводные исторические сочинения, извлечения из византийских хроник и полный текст Никоновской летописи. Таким образом, Лицевой свод содержал изложение всемирной истории от сотворения мира до 60-х гг. XVI в. В двенадцати огромных томах переписываются все «чтомые» тексты, рекомендуемые для чтения благоверным христианам. В этот свод, получивший название «Великие минеи-четьи» (минеи — сборники произведений, которые предписывалось читать в определенные дни месяца), были включены все известные тогда жития святых, многие сотни «Слов» на церковные праздники, поучения [illegible] среди русских, болгарских и византийских [illegible] сборники произведений отдельных [illegible] по теме [illegible]. В этом же ряду следует рассматривать и «Домострой», [illegible] суммировались советы и рекомендации [illegible] по воспитанию и домоводству. «Домострой» уделяет большое внимание воспитанию благочестивого христианина, определяет нормы и правила взаимоотношений членов семьи, господ и слуг, [illegible] со знакомыми и соседями. Много глав «Домостроя» посвящено чисто хозяйственным рекомендациям: как содержать в чистоте и порядке дом, двор, огород, как принимать гостей. Из «Домостроя» мы узнаем о многих бытовых подробностях жизни XVI в. — о яствах и напитках, одеждах и посуде, предметах утвари и хозяйственного обихода. Разумеется, «Домострой» не отражает условий жизни среднего горожанина, это был идеал «богатого дома», к которому могли стремиться и приближаться лишь зажиточные горожане.

Шестнадцатый век — век монументальных произведений, рассчитанных как бы на чтение в царских палатах, в хоромах бояр или покоях церковных иерархов,— оставил нам, однако, и произведения иного рода. Жемчужиной литературы этого периода является небольшая «Повесть о Петре и Февронии» писателя и публициста Ермолая-Еразма. Строго говоря, это житие муромских святых — благоверного князя Петра и его супруги Февронии. Но признаки житийного жанра мы заметим разве что

[illegible]

в сцене кончины Петра и Февронии, когда княгиня, обещавшая мужу умереть [illegible] ное дело — вышить воздух (плат) для церкви с изображением святого. Все остальное в сюжете «Повести...» — из нар[illegible] сказки: и коварный змей, принимавший облик князя П[illegible] и чудесный и чудом же найденный Агриков меч, которы[illegible] змей будет убит [illegible] сказки, [illegible] ки, собранные [illegible] смолу, [illegible] княгини [illegible] с ветвями, покрытыми листвой).

Много новых [illegible] де всего существенно [illegible] вые на Руси [illegible] и исполняются [illegible] ные сатирические про[illegible] протокол судебного [illegible] церковное богослужение [illegible] генду («Повесть о бражнике» [illegible] с переводными рыцарскими романами [illegible] повестями. Но главное новшество литературы XVII в. состоит в том, что литература отказывается от стремления изображать только действительно бывшее, все чаще обращается к откровенному литературному вымыслу. Героями литературных произведений станo-

вятся теперь не только князья и бояре, святые подвижники или церковные иерархи, но и простые люди: красавица Ксения — дочь деревенского пономаря; купеческий сын Савва Грудцын — убогий (т. е. бедный, неимущий) крестьянин из «Повести о Шемякином суде»; пропившийся безымянный молодец из «Повести о Горе-Злочастии». В произведениях начинают причудливо сочетаться признаки и приемы разных литературных жанров и в построении сюжета, и в изображении действующих лиц, и в выборе языковых и стилистических средств.

Рассмотрим хотя бы «Повесть о Тверском Отроче монастыре». Легенд об основании монастырей древнерусская литература знала немало. Но перед [illegible] сюжетом (отрок видит знамение и на этом месте основает монастырь, в котором и постригается сам), в «Повести» мы видим [illegible] рассказ о [illegible] отрока к [illegible] ной девушке Ксении, которая предрекает, что мужем ее станет не отрок, а сам великий [illegible]. По [illegible] и историческое предание [illegible] тверского князя Яро[illegible], о котором говорится в «Повести...», ничего подобного не случалось.

Повесть о Савве Гр[illegible] о чудесном [illegible] повесть Саввы [illegible] 1632—1634 гг., в «Повести» [illegible] Федорович, бояре Стрешневы [illegible] Усовых известен [illegible] лигиозной легенды [illegible] мешаны, создается [illegible] му занимательный [illegible] чтобы возвратить [illegible] продал свою душу дьяволу [illegible]. С помощью своего [illegible] стись за [illegible] вает всеми [illegible] в поединках [illegible] данным оказывается [illegible] для религиозной [illegible] лезнью [illegible] дарность пострадал[illegible] в монастырь. С Саввой случается то же. Но он не просто [illegible] путствует и помогает [illegible] оставил Савву в беде, и [illegible] ведь только будучи смертельно больным, Савва испытал угрызение совести, призвал священника и исповедовался. Далее сюжет традиционен: Савве помогает Богородица, его приносят в церковь, из-под купола ниспадает чистый листок бумаги, на котором прежде было начертано богоотметное рукописание, Савва выздоравливает и постригается в монахи в кремлевском Чудовом монастыре.

Текст Повести
о Шемякином суде.
Рукопись XVIII в.

Повесть о Шемякином [illegible] дебные порядки (судья Ш[illegible] деясь на взятку), но про[illegible] злоключениях пе[illegible] [illegible] совершает невольно, по недоразумению. Приговоры [illegible] кальное отражение самих [illegible] Ш[illegible] гачу, чью лошадь убогий [illegible] вому лошадь и пусть он владеет ею до тех пор, пока хвост снова не отрастет. Бессмысленность [illegible] Но читатель при этом заме[illegible] Ш[illegible] ветствовали тогдашним [illegible] ли, за поджог сжигали, [illegible] ли в горло расплавленный свинец, [illegible] ветствовало самому преступлению.

«Повесть о бражнике» [illegible] и апостолами, не пускавшими бражника [illegible] в рай, а более всего просто веселый рассказ о том, как [illegible] в Священном писании и находчивый бражник, ссылаясь на евангельские

заповеди, сумел доказать, что имеет право войти в рай и даже сесть «на лутчем месте».

«Повесть о Горе-Злочастии» также новое явление в русской литературе — литературе, всегда осуждавшей грешников, какими бы малыми ни были их проступки. Здесь же, по словам академика Д. С. Лихачева, впервые сочувствием автора пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского благословения, слабохарактерный. «Впервые в русской литературе с такой силой и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким трагизмом рисовалась судьба павшего человека».

В 60-х гг. XVII в. в духовной жизни России произошли важные события: московский патриарх Никон осуществил церковную реформу: предписал очистить богослужебные книги от вкравшихся в них неточностей, привести их в соответствие с современными греческими текстами, ввести перемены в обрядах, например заменить [illegible] двумя, а тремя сложенными [illegible] Никона сблизить русские [illegible] греческими (а также [illegible] нявшими те же [illegible] нами он хотел [illegible] вселенского характера [illegible] вия, мечтал об [illegible] вян и даже самого [illegible] что русская церковная [illegible] тив, на Руси сохранялась [illegible] затем нарушены в Византии. [illegible] ства мало кого волновали. Реформы Никона [illegible] приятие у значительной части [illegible] у крестьян, стрельцов, казаков [illegible] сада) противники Никона [illegible] диционных обрядов, представлений, формулировок в [illegible] книгах, видя в этом [illegible] и делом. Противников Никона стали именовать [illegible] старообрядцами. При этом в разных лагерях оказались [illegible] рон люди, соединенные в прошлом узами дружбы и единомыслия (Никон и вождь старообрядцев Аввакум когда-то входили в один кружок «ревнителей благочестия»). И, хотя Никон в 1658 г. был сведен с патриаршества, а в 1666—1667 гг. осужден церковным собором, тем же собором были осуждены и вожди старообрядчества, на них начались жестокие гонения, их истязали (вырывали языки и отрубали пальцы, чтобы лишить возможности словом и письменным текстом защищать свои убеждения), их годами и десятилетиями морили в темницах и монастырских кельях. В 1682 г. Аввакум и его ближайшие сподвижники были заживо сожжены в Пустозерске (в Архангельской области). Старообрядцы создали значительную литературу церковно-

полемические и богословские сочинения, жизнеописания деятелей старообрядчества. Именно у старообрядцев, спасавшихся от преследования властей в северных лесах, до нового времени сохранились в подлинниках или в поздних копиях многие памятники «дониконовской литературы», прежде всего богослужебные и богословские тексты. Остатки деревенских старообрядческих библиотек существуют и поныне.

Не был сломлен ни ссылками, ни многолетним «сидением» в земляной тюрьме авторитетнейший вождь старообрядцев — протопоп Аввакум. Он оставил после себя много сочинений: проповеди, беседы на богословские темы, обширную переписку. Но лучшим как в творчестве самого Аввакума, так, пожалуй, и во всей литературе XVII в. остается его «Житие...». Жанр «Жития...» предполагал, что жизнеописание святого составляет «самовидец» его подвигов — его ученик или же, по рассказам очевидцев или знавших святого, его позднейший почитатель. Аввакум написал свое «Житие...» сам. В этом было, конечно, нарушение традиций жанра, но Аввакум пошел на создание собственной биографии не ради самовосхваления: он рассматривал свое «Житие...» как своего рода страстную антиниконовскую проповедь, на примере своей жизни Аввакум хотел показать единоверцам и единомышленникам, как должно, несмотря ни на что, отстаивать свои взгляды, бороться с никоновской ересью. Однако Аввакум был не только высокообразованным богословом, но и необычайно талантливым писателем. Поэтому его «Житие...» стало одной из вершин древнерусской литературы, памятником, который всегда воспроизводится и в современных изданиях только в оригинале: ни один перевод не сохранит богатство, живость, непередаваемое мастерство языка Аввакума.

Такова в самом кратком очерке история русской литературы XI—XVII вв., с некоторыми памятниками которой вас познакомит хрестоматия.



ИЗ СБОРНИКА 1076 ГОДА

Когда читаешь книги, [illegible] следующей [illegible] и в тексте ее [illegible] в сердце мое западут слова твои[1], и не ослушаюсь тебя.<...>

Нельзя [illegible] не читая книг, [illegible] дителях своих, так и [illegible] в его оружии, [illegible] праведника в чтении книг

Послушав ты жития[2] [illegible] Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа[3] [illegible] как в них прежде всего [illegible] читали святые книги [illegible] Видишь, что начало добрых [illegible] Поэтому, братья[4], [illegible] делам их, и всегда [illegible] полняя заветы их, как [illegible] ны вечно.<...>

(Перевод О. В. Творогова)

Примечания

[1] Здесь говорится о Боге и книгах Священного писания.

[2] Житие — жизнеописание христианского подвижника, признанного святым.

[3] Упоминаются византийские богословы и проповедники Василий Великий и Иоанн Златоуст, а также Константин (Кирилл) Философ — создатель славянской грамоты.

[4] Братья — обычное в средневековых текстах обращение к слушателям-христианам

ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА

…Прославляет [illegible] Римская [illegible] Петра и Павла, которыми [illegible] сына Божия [illegible] Индия — Фому, Египет — Марка[1]. Все страны, и го[illegible] люди чтут и славят каждого из своих учителей, которые на[illegible] их православной вере. [illegible] ми малыми похвалами [illegible] го учителя и наставника [illegible] мира, внука старого Игоря, [illegible] рые, в свое время владычествуя, [illegible] славились во многих странах, [illegible] и поныне и славят. Ведь правили они не [illegible] стране, но в Русской земле, которая ведома [illegible] четырех концах Земли.

Сей славный от славных родился, благор[illegible] родных, князь Владимир, и когда возрос [illegible] деческого возраста, или, точнее, [illegible] и силе своей, в мужестве и мудрости преуспел, [illegible] цем земли своей, покорив себе соседние народы [illegible] ром, а непокорных — мечом. И [illegible] своею управлял мудро, в мужестве и разуме [illegible] милость всевышнего, призрело на него всемилостивое око благого Бога. И воссиял разум в сердце его, так что уразумел он суету идольского заблуждения и обратился к единому Богу, сотворившему все видимое и невидимое.

К тому же часто слышал он о благоверной земле Греческой[3], христолюбивой и сильной верою, как чтут там единого Бога в Троице[4] и поклоняются ему, какая власть духовная и какие чуде

са и знамения творятся там, что церкви там полны людей, что все города правоверны, все прилежно молятся, все Богу предстоят. И, слыша это, возжелал сердцем и возгорелся духом, чтобы стать христианином самому, и христианской — земле его. <...>

Как же мы тебя восхвалим, о честный и славный среди земных владык, безмерно мужественный Василий? Как выскажем восхищение твоей добротой, крепостью и силой? Какую благодарность воздадим тебе за то, что благодаря тебе познали мы Господа и избавились от прельщения идольского, ибо по твоему повелению по всей земле твоей славится Христос? Что еще тебе скажем, христолюбец, друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия?

Как уверовал? [illegible] Христа? Как [illegible] вселился в тебя разум, [illegible] чтобы возлюбить невидимого [illegible] ты Христа? [illegible] дай, [illegible] Духа? Каким образом [illegible] видел ты Христа, не следовал за ним, как же ты его учеником стал? [illegible] Повеле[illegible] [illegible]

[illegible] Георгии [illegible] уменьшающим устроении твоего благоверия, но умножающим их, [illegible] Божии [illegible] и освящение [illegible] золотом [illegible] полунощных землях от востока и до запада!

И славный [illegible] и вручил [illegible] мощь [illegible] ких врат [illegible] святого [illegible] деве, распространенная [illegible] Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!», а граду речем: «Радуйся, благоверный город, Господь с тобою!»

Встань, о честная глава, из гроба твоего, встань, отряхни сон! Ведь ты не умер, но спишь до общего всем воскресения. Встань! Ты не умер! Не подобало умереть тебе, уверовавшему в Христа — жизнь всего мира. Отгони сон, возведи очи и увидишь, что Господь, таких почестей удостоив тебя там, и на земле память

о тебе оставил в сыне твоем. Встань, посмотри на сына своего Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, кого Господь создал от чресл твоих, посмотри на украшающего престол [illegible] и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри и на благоверную [illegible] Ирин[illegible], посмотри на внуков твоих и правнуков, как они [illegible] дом, как благоверие сохраняют [illegible] лежат к святым церквам, как [illegible] имени его. Посмотри же и на [illegible] ри на церкви процвет[illegible] стающееся, посмотри на [illegible] иконами, [illegible] хвалами и божественным [illegible]

И, видев [illegible] того Бога, устроителя [illegible] лом, но духом [illegible] об этом [illegible] явные, не [illegible] Божья [illegible]

Радуйся [illegible] шии, [illegible] ший! [illegible] ста [illegible] дени [illegible] бесовско[illegible] очей, [illegible] всесвятого Бож[illegible] слова, и ныне [illegible] Радуйся, [illegible] правдой, [illegible] и украшен [illegible] был, о честная глава, [illegible] милен ты был жаждущим [illegible] вам — помощник, ты [illegible] домным — укрытие, ты [illegible] обогащение.

За эти и иные благие де[illegible] бесах, которое уготовил Бог вам [illegible] сладостным лицезрением лика его, помолись о зе[illegible] и о народе, над которым ты [illegible] храни его Господь в мире и [illegible] и пусть славится правоверие и будет проклято всякое еретичество[14], и да соблюдет его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от гол[illegible]

И еще помолись о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, чтобы он в мире и здравии пучину жизни переплыл и в тихую небесную пристань невредимым привел корабль ду

шевный, сохранив веру и стяжав богатство добрых дел, чтобы, без искушений окончив правление людьми, вверенными ему Богом, предстал он вместе с тобой непостыдно, пред престолом вседержителя Бога и за труд правления народом своим принял от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися его ради!

(Перевод Л. А. Дмитриева)

Примечания

«Слово о Законе и Благодати», как полагают ученые, было написано и произнесено Иларионом, священником церкви в княжеском селе Берестове (в 1051—1054 гг. — митрополитом) между 1037 и 1050 гг. Иларион рассуждает о превосходстве Нового завета (см. Словарь), возвещающего благодать всем народам, над Ветхим заветом, содержащим законоустановления только для иудейского народа. В «Слове» подчеркивается, что принявшая в 988 г. христианство Русь [illegible] не уступает крупнейшему [illegible] того времени — Византии. Перевод [illegible] списков «Слова...», относящемуся к XV в.

[1] Петр, Павел, Иоанн, Фома и Марк — апостолы (см. Словарь).

[2] Здесь упомянуты [illegible] Владимир Святославич (умер в 1015 г.), его отец [illegible] (умер в 972 г.) и дед Игорь (умер в 945 г.).

[3] То есть о Византийской империи.

[4] Троица — см. Словарь.

[5] Василий — имя, данное Владимиру Святославичу при крещении (крестильное имя).

[6] Крестильное имя Ярослава Владимировича (Ярослава Мудрого), великого князя киевского в 1016—1018 и 1019—1054 гг.

[7] Соломон и Давид — см. Словарь.

[8] Здесь говорится о Киевском соборе, носившем имя Софии Премудрости Божией.

[9] На Золотых воротах, главных крепостных воротах Киева, была построена церковь в память Благовещения (см. Словарь).

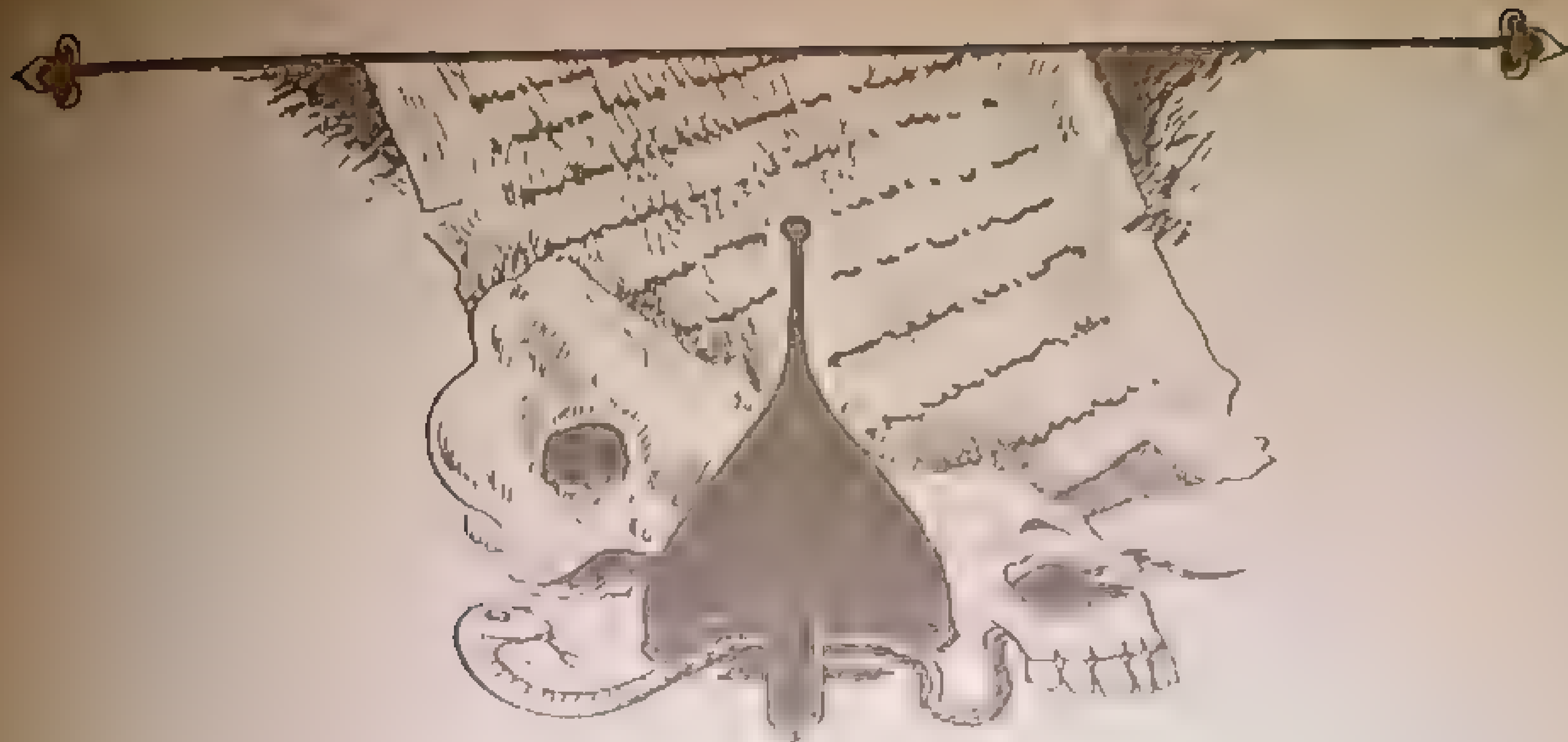
[10] Архангел — высший ангельский чин.

[11] Ирина — крестильное имя жены Ярослава — Ингигерды, дочери шведского короля Олафа.

[12] Фимиам — см. Словарь.

[13] Гривна — см. Словарь.

[14] Еретичество — отступление от взглядов, признанных церковью единственно правильными и узаконенных на церковных соборах.



ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля

Так начнем повесть сию.

Сим же, Хам и Иафет[1] разделили землю, бросив жребии, и порешили не вступать [illegible] в своей части. И был единый [illegible] на земле, замыслили они создать столп до неба — было это в дни Иоктана и Фалека. И [illegible] строить столп до неба и [illegible] город Вавилон, и [illegible] столп тот сорок лет, и не свершили его. И [illegible] видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы[2], и [illegible] рода, и рассеял по всей земле. По смешении же [illegible] ром великим разрушил столп, и [illegible] Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя[3], и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и [illegible] новья Сима восточные страны, а [illegible] ны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух языков произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне[4].

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались

морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи[5] напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами — по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская». <...>

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами, ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком: был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок[8] невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище[9] то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер, и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались. <...>

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников[10]: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не

увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилою Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. <...>

В год 6453 (945)[11]. В тот год сказала дружина Игорю[12]: «Отроки Свенельда[13] изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам[14] за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня[15], убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле[17], но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города: был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор уставщика[18] позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне,

и призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?». Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле,— пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому,— Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша,— мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем ни на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье»,— и вознесут вас в ладье»,— и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя»,— и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну[19] по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу[20] и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить

древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок[21]. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето, и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались платить дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут[22], завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала

в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород[23] городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов; и сохранились места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мете[24] погосты[25] и дани и по Луге[26] оброки и дани; и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви. <...>

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус[27], и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах,— такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу[28] с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их Белую Вежу[29] взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги[30] на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром[31] в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь»,— и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он

по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли уже?» Претич же ответил: «Я муж его и пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю, стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит, меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: на Лыбеди печенеги. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Ужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе

князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня[32]: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и [illegible] болгары. И сказал Святослав своим воинам: [illegible] им же мужественно, братья и дружина! [illegible] Святослав, и взял город [illegible] ми: «Хочу идти на вас [illegible] И сказали греки: «Не [illegible] ми с нас дань и на [illegible] бы разочлись мы [illegible] греки, обманывая [illegible] И сказал им Святослав [illegible] сять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава [illegible] Святослав на греков, [illegible] ские убоялись [illegible] ва воинов, но сказал Святослав [illegible] мы волей не хотим [illegible] Русской, но ляжем [illegible] зора. Если же побежим [illegible] но станем крепко, а я пойду [illegible] то о своих сами позаботьтесь». [illegible] лова ляжет, там и свои головы [illegible] и была жестокая сеча, и [illegible] И пошел Святослав к городу [illegible] ят и поющие песни. И созвал царь [illegible] им: «Что нам делать [illegible] И сказали ему бояре: «Пошли к нему [illegible] ли он золото или паволоки?» И [illegible] локи с мудрым мужем, [illegible] и лицом, и мыслями». [illegible] И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз, пошли ему

оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: „Хочу иметь любовь с царем греческим твердую на все будущие времена"». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. <...>

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь. <...>

В год 6500 (992). Пошел Владимир [?] на хорватов. Когда же

возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет

от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы корм от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд, и Олег, и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю —

Перемышль, Васильку — Теребовль»[41]. И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель, если же от зависти говоришь, Бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько это не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь[42], и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не уходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господия да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пой-

ду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха: ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И, как скоро вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября, и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подучать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти, и привезли его в телеге закованным, и ссадили с телеги, и ввели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина[43], точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенанием. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, расстлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не смогли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир[44]. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище, и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали, и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть при-

нял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору. Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: „Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире“. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд, он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не выставляй оправданья, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить ...»

(Перевод Д. С. Лихачева)

Примечания

«Повесть временных лет» — древнейшая из дошедших до нас русских летописей. Она была написана в начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря — Нестором, как полагает большинство ученых,— автором жития Феодосия Печерского и Бориса и Глеба. В «Повести» рассказывается [illegible] истории Руси от времени создания государства [illegible] XII в. Нестор предпослал истории Руси [illegible] истории славян, возводя их к тем [illegible] ствует Библия. «Повесть» не только [illegible] источник, но и блестящее [illegible] и его предшественники — летописцы XI [illegible] исторические предания [illegible] вы предания об Олеге [illegible] времен Владимира Святославича.

Перевод «Повести [illegible] вившемуся в составе Лаврентьевской [illegible] по Радзивиловской летописи XV [illegible]

1 Сим, Хам и Иафет [illegible] Ноя [illegible] енном им [illegible]

2 Так Библия [illegible] братьев [illegible]

3 Локоть [illegible]

4 Норики [illegible] рии, находившейся [illegible]

5 Волохи [illegible]

6 Боричев [illegible] рах к низменному берегу Днепра [illegible] посад.

7 Царьград — Константинополь [illegible]

8 Срубить город [illegible] леные) стены.

9 Городище — место, где раньше был [illegible]

10 Волхвы и кудесники — [illegible] шаманы.

11 В средневековой Руси летоисчисление [illegible] мира (первая цифра), рядом [illegible] временному летоисчислению — от Рождества Христова.

12 Игорь — киевский князь (912—945).

13 Отрок — см. Словарь.

14 Свенельд — воевода Игоря и его сына — Святослава.

15 Древляне — племя, обитавшее к северо-западу от Киева.

16 Ныне это город Коростень на севере Житомирской области Украины.

17 Берег Днепра — Подол стал заселяться ремесленниками и купцами позднее, чем нагорная часть Киева.

[18] Уставщик — старший среди церковных певчих.

[19] Тризна — часть погребального обряда у язычников: ритуальное пиршество и военные игры.

[20] В языческой Руси над могилой умершего князя насыпали высокий земляной холм — курган.

[21] По обычаю, битву начинал сам князь. Поэтому мальчику Святославу также дают бросить копье в сторону врага.

[22] Трут — гриб-трутовик, нарост на березе; высушенный трут использовали для поддержания огня.

[23] Вышгород — княжеское село, расположенное на берегу Днепра к северу от Киева.

[24] Мста — река, впадающая с востока в озеро Ильмень.

[25] Погост — селение, в котором располагалась княжеская администрация, руководившая сбором дани.

[26] Луга — река, протекающая по территории современных Новгородской и Ленинградской областей.

[27] Пардус — хищный зверь из семейства кошачьих, славившийся выносливостью и быстротой бега. В средневековье пардусов использовали как охотничьих зверей.

[28] Хазарский Каганат — государство, располагавшееся на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа. После победоносных походов киевского князя Святослава Каганат пришел в упадок и в конце X в. прекратил свое существование. Щеляг — название монеты.

[29] Белая Вежа — хазарская крепость Саркел (на Дону).

[30] Печенеги — союз кочевых племен, обитавших в IX—XI вв. в Причерноморских степях.

[31] Ярополк, Олег и Владимир — сыновья киевского князя Святослава.

[32] Добрыня — воевода киевских князей. Память о нем сохранилась в фольклоре (Добрыня Никитич).

[33] Паволоки — дорогие шелковые ткани.

[34] Харатья — пергамент, особо обработанная телячья кожа. На пергаменте вплоть до XIV в. писали книги и важнейшие документы.

[35] Владимир Святославич стал киевским князем около 980 г. При нем в 988 г. Русь приняла христианство. С именем Владимира связано много исторических преданий, некоторые из них и пересказываются в летописи.

[36] Переяславль в XI—XII вв. был одним из крупнейших городов в Южной Руси. Ныне это Переяслав-Хмельницкий, город на юго-востоке Киевской области Украины.

[37] Белгород — город к западу от Киева.

[38] Медуша — кладовая, где хранился мед; выдержанный мед в Древней Руси использовался как хмельной напиток.

[39] Здесь упоминаются киевский князь Святополк Изяславич, Владимир Всеволодич Мономах, Давыд Игоревич — внук Ярослава Мудрого, Василько Ростиславич — сын Ростислава

Владимировича, правнук Ярослава, и сыновья Святослава Ярославича — Олег и Давыд.

[40] Вероятнее всего, это не город Любеч на Днепре, а село под Киевом.

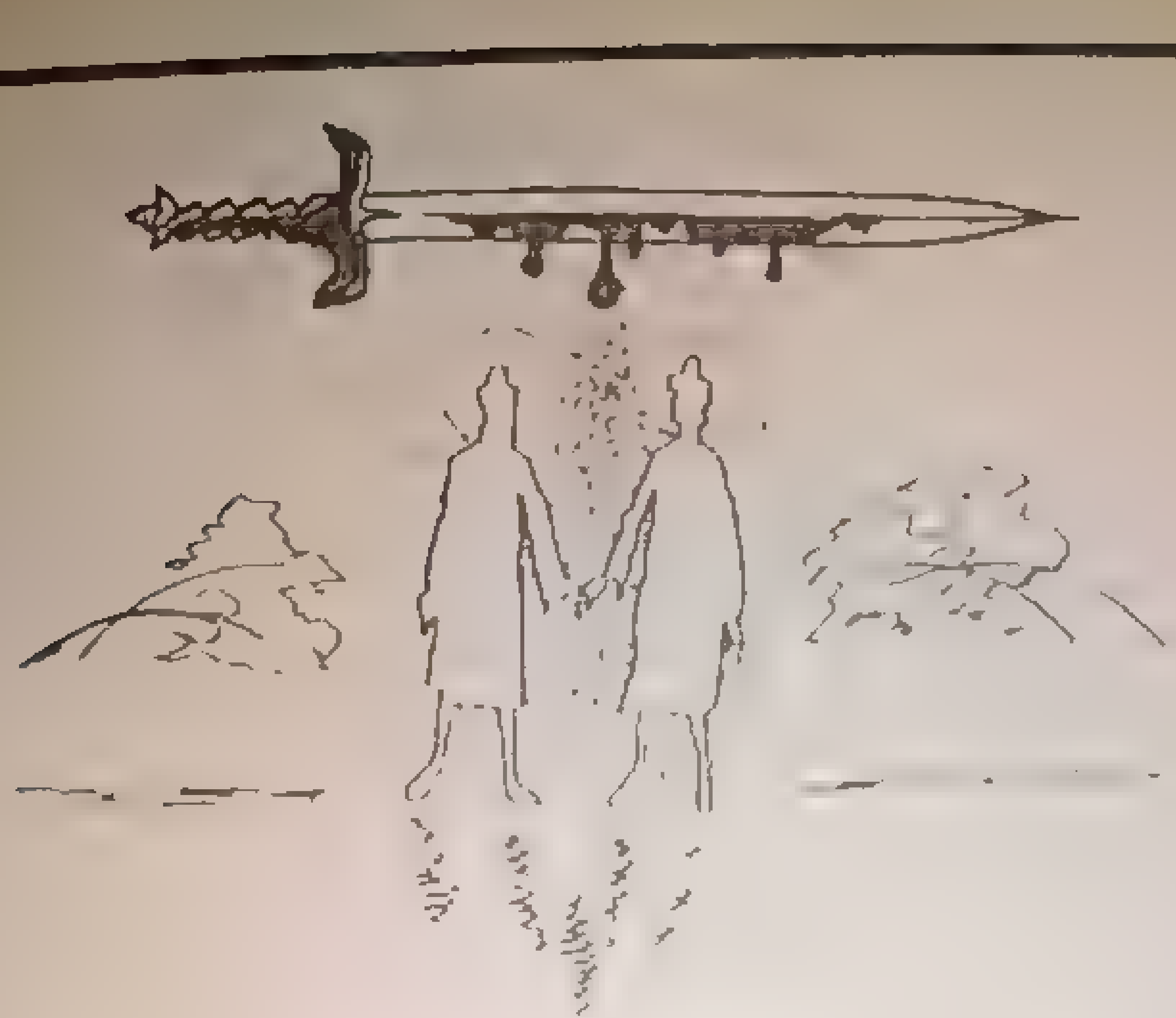
[41] Перемышль — город в Западной Руси, ныне на территории Польши, Теребовль — ныне Теребовля в Тернопольской области Украины.

[42] Называются Выдубицкий монастырь (к югу от Киева) и киевский Михайловский монастырь.

[43] Торчин — из торков; торки — тюркское племя, бывшее союзником киевских князей.

[44] Город Владимир на Волыни был стольным городом Давыда Игоревича.

[45] Вторая жена Всеволода Ярославича, мачеха Владимира Мономаха.



ЖИТИЕ БОРИСА И ГЛЕБА

Сказание, и страдание, и похвала святым мученикам Борису и Глебу

Господи, благослови, Отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго перед сим при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте скажем, ныне же не время, а о страстотерпцах этих поведаем все по порядку.

Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: от разных матерей. Старший среди них — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее и взял в жены, и зачал от нее этого окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеди имел Владимир четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же поведаем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир этого окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Росто-



Святые Борис и Глеб. *Икона XIV в.*

ве[1], а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но о ком начал, поведаем вот что.

Протекло много времени, и когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них. И это сильно печалило его, и призвал он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скорослушливого, и, дав

ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник[2] сказал: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове[3] и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И, как услышал это святой Борис, стал телом слабеть, и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестного тела твоего, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа моя разум смущает, и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль. Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола[4] сказано: «Кто говорит: „Я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?[5]» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь, и слава мира сего, и багряницы[6], и шелка, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани

и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было никогда. Все с ним исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон[7], все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, рассмотрев все это, сказал: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви.

Идя же путем своим, думал Борис о [illegible] своей и весь обливался слезами. И хотел [illegible]. И все видевшие его тоже оплакивали [illegible] телесную и духовную. И каждый [illegible] сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, [illegible] эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его [illegible] но, ибо был блаженный [illegible], всех он жалел и всем [illegible].

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знаю, что брат [illegible] и погубит он меня и [illegible] ком пред [illegible] забыв смертную [illegible] словом: [illegible] учения, обретет [illegible] стным сердцем, [illegible] ня, на тебя [illegible]».

Святополк же, [illegible], призвал к себе киевлян [illegible] же послал такую весть: [illegible] лученному от отца владению [illegible] в его словах. Святополк [illegible] звал к себе Путьшу и вышегородских [illegible] найтесь мне без утайки [illegible]. Путьша [illegible] тил: «Все мы готовы головы свои [illegible]».

Когда увидел дьявол, искони [illegible], что святой Борис всю надежду [illegible] строить козни и, как в древние времена [illegible] братоубийство, уловил Святоп[illegible] полка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить [illegible] наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть. Тогда призвал к себе окаянный [illegible] злодеяния и зачинщиков всей неправды, [illegible] скверные уста и вскричал злобным голосом [illegible] дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, [illegible] давно, братья мои, и, где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк сказал: «Скоры они на [illegible] убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несча-

стья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте[9]. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками[10] своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки. Аминь!»

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары[11] был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда, и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрестанными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тяжкие мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и уготованный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутрене Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов, и тельцы тучные обступили меня», продолжал и далее: «Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон[12]. И, когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею изволивший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим.



[illegible]

Не захотел ты сам избегн[illegible]
следуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему [illegible]
рит, не завидует и не гордится [illegible]
ха, ибо истинная любовь [illegible]
ша моя в руках твоих [illegible]
Как Господу угодно — так и будет». И [illegible]
Борисов и отрок, прислуживавший [illegible]
объятого скорбью и печалью, [illegible]
«Милостивый и дорогой господин [illegible]

ту, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия и обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!» Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили.

А раненый Борис выскочил в испуге из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите? Начнем, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И, воззрев на небо со слезами, и горько вздохнув, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый, и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от прелести этой обманчивой жизни! Слава тебе, прещедрый живодавче, что сподобил меня подвига святых мучеников! Слава тебе, Владыка человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святыни твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника своего, — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уподобили овну, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имея под своей рукой всех воинов отца своего и всех, кого любил отец мой, ничего не замыслил против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавидящий меня клеветал на меня — укрылся бы я от него». Но ты, Господи, будь свидетелем и сверши суд между мною и братом моим, и не осуди их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь!»

И, воззрев на своих убийц горестным взором, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха, и печали горькой, и слез обильных, но с горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел ве-

личия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских[6]. Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли потом опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И, когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, [illegible] и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался [illegible] увядаемый венец. И, принеся тело его [illegible] городе[1], и погребли в земле [illegible]

И не остановился на этом убийстве [illegible] в неистовстве своем стал [illegible] И, увидев [illegible] о злодейском своем [illegible] кавался [illegible] подстрекать [illegible] говорил в душе [illegible] на этом [illegible] служившем [illegible] горше [illegible] вусь престола [illegible] моей [illegible] ея, и княжение [illegible] нется [illegible] и к болезни добавлю [illegible] законие. Ведь и [illegible] мя я не буду [illegible] и случилось, о [illegible]
а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это злой дьявол [illegible] ным Глебом, говоря: «Приходи [illegible] болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня [illegible] дружиной. И когда [illegible] конь в яме и повредил [illegible] ленск, отошел от Смоленска [illegible] владье. А в это время [illegible] о смерти отца. И Ярослав [illegible] брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный [illegible] плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть ты принял? Увы мне! Луч-

ше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И, когда он так стенал и плакал, и орошал слезами землю, и призывал Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепых зверей душу имеющие.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись сердцем, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, господа мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком безлобия налитого! Не срезайте лозы, еще не выросшей, а плод имеющей! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: „Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте“. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но, как свирепые звери, напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри

и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его [illegible]

И, преклонив колени, стал молиться [illegible] стивый Господь! Не презри слез моих [illegible] печалью. Возри на сокрушение сердца моего [illegible] за что, неизвестно, за какую вину [illegible] мой! Помню слова, сказанные тобою своим [illegible] мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы [illegible] ми и друзьями, и брат брата [illegible] ради имени моего [illegible] Смотри, Господи, и суди [illegible] бою, Господи! И тебе славу [illegible] Духу, ныне и [illegible] Аминь!

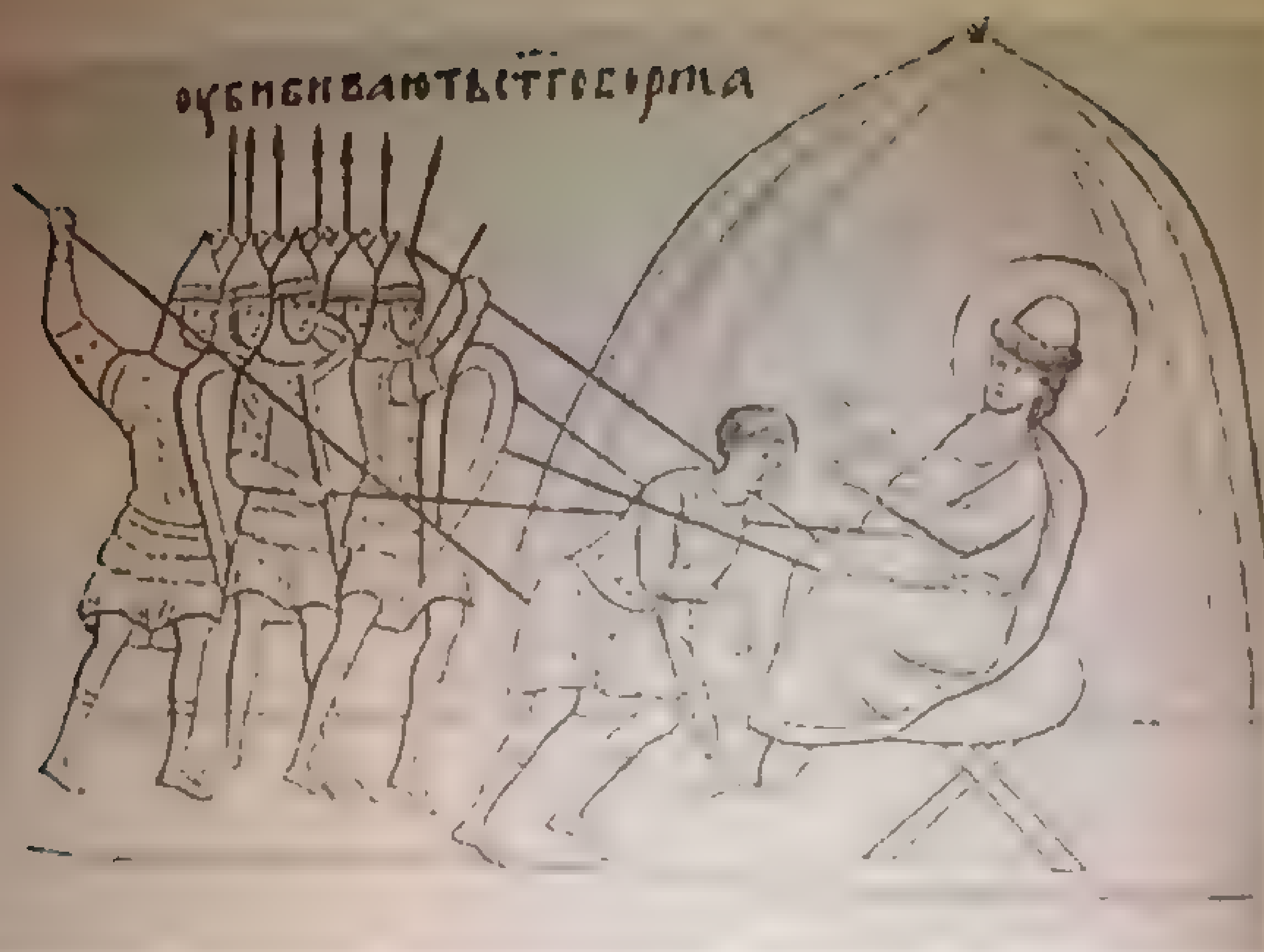
Потом [illegible] ющимся голосом [illegible] что посланы!

Тогда окаянный [illegible] ления. Повар же [illegible] блаженного, [illegible] месяца сентября [illegible]

И была прин[illegible] и поднялся в небес[illegible] мым братом, и [illegible] мились, и возра[illegible] торую и получили

Окаянные же убийцы возвратились [illegible] ворил Давид[22] [illegible] щие Бога [illegible] И еще [illegible] свой, чтобы поразить [illegible] в их же сердце и луки их [illegible] И когда сказали Святополку [illegible] то, услышав это, вознесся он сердцем [illegible] молением Давидом: «Что хвалишься [illegible] законие в сей день, неправду [illegible] зло больше добра, больше [illegible] возлюбил всякие гибельные речи, и язык [illegible] Посему Бог сокрушит тебя до конца, изринет и искоренит тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод[23]. Но Господь, не оставляющий своих рабов, как сказал Давид, «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».



Убийство Бориса. *Миниатюра. Сильвестровский сборник. XIV в.*

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И никому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем Божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева[4], вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него, и, как братоубийцу Каина, поверги Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи, да получат отмщение! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы, и предстоите перед Господом, и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча злая, трижды вступали в схватку

и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью[26]. Он же говорит: «Бежим — ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше — гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Ляшскую землю, гонимый гневом Божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей, и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа, как показала это посланная на него кара гибельная: по смерти — мука вечная. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит из нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз [illegible]. Такова месть творящим зло: вот Юлиан [illegible] крови святых мучеников, и [illegible] ная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, [illegible]

И с тех пор прекратилась усобица в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: [illegible] в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это мой брат». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью[27], и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как сказал Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы освещала тьму». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными



«Сказание о Борисе и Глебе» 1. Убийцы Бориса находятся в шатре. 2. Убиение Бориса. *Миниатюры. Сильвестровский сборник XIV в.*

чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Не могу я описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были

церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать. Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. [illegible] то ведь своими бесчисленными чудесами [illegible] превосходите вы разум человеческий. [illegible] рями или князьями, но [illegible] взошли вы своим смирением, [illegible] и жилища [illegible]

Воистину вы цесари цесарям [illegible] помощью и защитой [illegible] и вашей помощью [illegible] щита и опора, [illegible] [illegible] мнении могу сказать [illegible] [illegible] так же, как и [illegible] Как был [illegible] Но если [illegible] так сказал, [illegible] ления [illegible]

О блаженны [illegible] вище [illegible] гробницы [illegible] о Христовы угодники! [illegible] городов русских [illegible] Нет равного ему во всем мире [illegible] выше и превыше всех городов [illegible] земле, исцеляющий [illegible] наш единый народ, но вся земля [illegible] дящие из всех земель даром [illegible] евангелиях Господь говорил [illegible] ли, даром давайте». О таких [illegible] в меня, в дела, которые я творю, [illegible] сотворит».

Но, о блаженные [illegible] чества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Также и в молитвах всегда [illegible] нас беда и болезни, да не коснутся тела рабов ваших. Вам [illegible] благодать, молитесь за нас, вас [illegible] Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не [illegible] вражеской, и рука нечестивых да не [illegible] нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и междоусобных раздоров, и от всякой беды и напасти защитите нас, на вас уповающих.

И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и, хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас, и, как мытаря, оправдай!

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избави нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, Господи! Рассуди нас по милости твоей, Господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас, и спаси, и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты Бог наш и тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряяся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, борода небольшая, и усы, ибо молод еще был. Сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цветок цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

(Перевод Л. А. Дмитриева)

Примечания

Гибель Бориса, Глеба и Святослава — сыновей Владимира Святославича — от руки их сводного брата Святополка произвела тяжкое впечатление на современников. В борьбе за киевский стол одержал победу князь Ярослав Владимирович, выступавший как мститель за своих убитых братьев. Ему важно было напомнить о жестокости и вероломстве Святополка, а в убитых братьях увидеть святых мучеников, отдавших жизнь во исполнение евангельских заповедей — братолюбия и покорности старшему. Борис и Глеб были торжественно признаны святыми, а о их жизни и трагической гибели рассказывали и летописи, и их жития. Наиболее распространено было анонимное (автор его неизвестен) «Сказание о Борисе и Глебе», перевод которого по древнейшему списку XII в. приводится далее.

[1] Ростов — город на озере Неро, ныне в южной части современной Ярославской области.

[2] Приточником называли царя Соломона — см. Словарь.

[3] Берестово — княжеское село под Киевом.

[4] Здесь имеется в виду апостол Иоанн — см. Словарь.

[5] Иосиф и Вениамин — младшие сыновья Иакова, одного из

библейских праотцев. Здесь имеется в виду рассказ о том, как радостно встретились после долгой разлуки нежно любившие друг друга братья.

[6] Багряница — см. Словарь.

[7] Соломон — см. Словарь.

[8] Каин — см. Словарь.

[9] Альта — небольшая речка, приток Грубежа, левого притока Днепра.

[10] Отрок — см. Словарь

[11] Упоминаются герои житий: Никита, убитый своим отцом, царем-язычником, Вячеслав — чешский князь, убитый своим братом; Варвара — царевна, убитая по приказу своего отца

[12] Заутреня — церковная служба, совершаемая ранним утром

[13] Псалтырь — см. Словарь

[14] Канон — церковное песнопение

[15] Гривна — в данном случае это нашейное украшение

[16] Календы — в древнеримском календаре первые дни каждого месяца

[17] Вышгород — княжеское село к северу от Киева

[18] Смядынь — небольшая речка, приток Днепра, протекающая в окрестностях Смоленска. В [illegible] г. на месте гибели Глеба была воздвигнута памятная [illegible]

[19] Предслава — сестра Бориса и Глеба

[20] Василий — крестильное имя Владимира Святославича

[21] Агнец — ягненок

[22] Давид — см. Словарь

[23] Возможно, говорится о гробе, составленном из двух выдолбленных внутри бревен

[24] Авель и Каин — см. Словарь

[25] Берестье — ныне Брест, город на границе Беларуси с Польшей

[26] Юлиан — римский император (361—363), пытавшийся возродить языческие верования как государственный культ. За это христианская церковь именовала его Отступником и приписывала ему всяческие злодеяния

[27] Даже в христианское время на Руси покойника везли к месту погребения либо в ладье, либо на санях

[28] Дмитрий — византийский святой. Особенно почитался в Солуни (ныне Салоники в Греции), где он был убит за проповедь христианства императором Максимианом Галерием в 306 г. Существовало сказание о его посмертном чуде: восстав из гроба, Дмитрий, несмотря на повеление Бога, переданное ему ангелами, отказался покинуть город, осажденный врагом, и тем самым спас его от беды. На Руси Дмитрий почитался как святой-воин. Поэтому далее Вышгород именуется вторым Солунью

ИЗ «ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО»

Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского

Господи, благослови, Отче!

Благодарю тебя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках, сначала написал я о житии и о погублении и о чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба, побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и недостоин я его, ибо невежда я и не далек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. <...>

В пятидесяти поприщах[1] от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы

дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосием[2]. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух святой от рождения вселился в него.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа [illegible].

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божьей и ходил каждый день в церковь Божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеваться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал их [illegible] и по-прежнему ходил [illegible]. К тому же и попросил [illegible] отдать его учителю поучиться божественным книгам [illegible]. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались [illegible] уму его и способностям [illegible]. А кто расскажет о покорности и послушании, [illegible] в учении не только перед учителем [illegible] с ним?

В это время истек [illegible] божественному Феодосию 13 лет. [illegible] трудиться и вместе со смердами выходил [illegible] и работал там с великим смирением. Мать же [illegible] не разрешала работать, снова упрашивала его [illegible] играть со сверстниками. И говорила ему, что [illegible] и себя срамит, и семью свою. Но [illegible] в ярость и гнев, избивала она сына, [illegible] и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал [illegible] святых местах[3], где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы

разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его к себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо[4]

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками[5], и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в Божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры[6], очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла сми-

риться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он [illegible] и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то [illegible] Господь наш Иисус Христос возлег на вечери [illegible], то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им [illegible] вами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов»[8]. Если уж сам Господь наш хлеб назвал [illegible] своею, то как же [illegible] доваться мне, что сподобил он меня приобщиться к [illegible]. Услышав это, подивилась мать [illegible] вила его в покое. Но и впредь не [illegible] вовать смирению сына. И как-то спустя [illegible] он, почерневший от печного жара, печет [illegible] она и с той поры [illegible] угрозою, а иногда и [illegible] Пришел в отчаяние [illegible] делать. И вот тогда [illegible] гой город, находившийся [illegible] ника, принялся [illegible] в своем городе и не найдя, гор[illegible] дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, на[illegible] ме священника, и [illegible] перла его, сказав [illegible] а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу [illegible] и с побоями приведу обратно [illegible] ва стал молиться Богу и ежедневно [illegible] смирен сердцем и покорен нравом

Когда же властелин этого города [illegible] шании отрока, то полюбил его, и повелел [illegible] у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней [illegible], ибо чувствовал себя так, как будто носит [illegible] он снял ее и отдал нищим, а сам оделся [illegible] ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он [illegible] раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоя

сал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле Божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только Бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии[*], живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не ви-

дишь пещеру эту: уныло место и неприглядное всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется [illegible] чернецов. [illegible] вдохновенный же Феодосий отвечал ему [illegible]: «[illegible], честной отец, что сам Бог, все [illegible] тости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему [illegible]: «Благословен Бог, укрепивший [illegible] твое место, оставайся здесь».[1] Феодосий [illegible] шись ему. Тогда благословил его старец [illegible] кону[11] постричь его, был тот Никон [illegible] черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия [illegible] тых отцов, и облек его в монашескую [illegible]. О[illegible] досий всей душой отдался Богу [illegible], Антонию [illegible] пор стал истязать плоть свою [illegible] станных молитвах, превозмогая [illegible] своей трудился [illegible] ся в псалмах. [illegible] сти все грехи мои [illegible] ем, а тело изнурял [illegible] преподобный Антоний [illegible] Никон [illegible] сти и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И [illegible] видел отрока, [illegible] за известие о нем [illegible] и рассказали ей, что [illegible] де, когда собирался [illegible]. Услышав об этом, она [illegible]. И [illegible] не медля и не побоявшись [illegible] ный город разыскивать [illegible]. [illegible] шла она в поисках его все монастыри. [illegible] он обитает в пещере у преподобного Антония. [illegible] чтобы найти его. И вот стала [illegible] сказать преподобному, чтобы он [illegible] путь прошла, чтобы побеседовать [illegible] сти твоей, и получить от тебя [illegible]. И [illegible] старцу, и вот он вышел к ней. [illegible] Потом сели оба, и начала [illegible] и лишь в конце разговора упомянула о [illegible]. И сказала: «Прошу тебя, отче, [illegible] сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Про[illegible] душный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «[illegible] твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась

лась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаешься с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой же день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере, и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми этой пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного, чтобы вышел к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, едва успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, приговаривая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души, то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня всегда, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом ведь и говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пе-

щеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облекшись в монашеские одеяния [illegible] много лет в искреннем покаянии, мирно скончала[illegible]

Об этой жизни блаженного отца нашего Ф[illegible] лет и до той поры, когда пришел он в пещер[illegible] одному из братии, [illegible] отце нашем Феодосии. Я [illegible] сказывал мне — [illegible] досия. Однако [illegible] отрока, а нужно [illegible] вослов < [illegible] >

А какова [illegible] и печали [illegible] одному Богу [illegible] сказать. К тому [illegible] В субботу же и в [illegible] дни не было [illegible] этом и трудились [illegible] буки[12], и иным [illegible] род, продавали, и [illegible] делили между собой [illegible] для печения [illegible] нимались [illegible] вая овощи [illegible] сте сходились [illegible] ли святую службу [illegible] лись каждый в своем [illegible] гасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосий [illegible] восходил, и трудолюбием [illegible] лом был могуч и крепок [illegible] ся и дрова из леса [illegible] славя в молитвах Бога. Ко[illegible] взяв выделенную [illegible] на то место, откуда взял. Ин[illegible] оводов и комаров, ночью [illegible] нажив свое тело до пояса, [illegible] обуви и распевая Дави[illegible] ли все его тело, и кусали его, и [illegible] пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не насту пал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии той, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия[14]. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую уставил по чину, и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех, и всем услуживал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию[15]. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножилось число братии, и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяким благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением, отдавая ему какую-то часть своего богатства.

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочими подвигами; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто же он ходил в пекарню, с радостью и молитвой вместе с пекарями месил тесто и выпекал хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упоминавшийся Федор, который многое поведал мне о преподобном этом муже. И вот пошел тот Федор к блаженному отцу нашему, говоря, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его носящим воду один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те с готовностью прибежали и наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же ответил ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взял каждый свой топор, и столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блажен-

ного Феодосия, ибо [illegible] смирением и необыкновенной кротостью [illegible] Богу, [illegible] му [illegible] Поэтому, [illegible] нейшим [illegible] образом. [illegible]

[illegible]

до! [illegible] одосию, прин[illegible] и продо[illegible] И все бояре, встреч[illegible] стыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную[illegible] и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так

же постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. <...>

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: "Не заботься о завтрашнем дне", и Бог нас не оставит». Как только удалился эконом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию и, ни слова не говоря, положил на столп золотую гривну, и так же молча вышел. Тогда встал блаженный и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду. <...>

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина и принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес

и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе: вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведавшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо, как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина в избытке», — так и случилось. <...>

Боголюбивый же князь Изяслав, который и крепко и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата, по призыву Господню, он, как говорилось, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды приехал князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, и время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и с другой братией на вечерней молитве. И [illegible] дождь, и блаженный, [illegible] и сказал ему: «Приготовь [illegible]» [illegible] му ключник [illegible] предложить князю и спутникам [illegible] «Нисколько нет [illegible] осталось, я же, как [illegible] жил набок». Блаженный [illegible] смотри лучше, вдруг [illegible] ся». Тот же говорит в ответ: «[illegible] где было это питье, перевернул [illegible]». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, говорит ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и [illegible] меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божье». Тем временем дождь перестал и христолюбец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впрок на много дней еще хватило меда. <...>

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к Богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника. Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов[13], и приставников, и слуг,

чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божьим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь Богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, [illegible] меж себя: «Что такое он говорит? [illegible] скрыться от нас в неизвестном месте и жить [illegible] собирался он так сделать, [illegible] мольбам [illegible] и особенно мольбам [illegible] И [illegible]

А блаженный тем временем [illegible] уже совсем обессилев, [illegible] будет воля Божья, что [illegible] Но, однако, молю тебя, [illegible] души моей [illegible] не встретит [illegible] и сквозь [illegible] милосердия [illegible]» И, [illegible]

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о [illegible] А блаженный им говорил: «Чада мои [illegible] с вами, ибо отхожу [illegible] Иисусу [illegible] И вот вам [illegible] Так повинуйтесь же ему, и [illegible] и делайте все [illegible] словом своим и [illegible] лукавого [illegible] и сохранит [illegible] и взаимной [illegible] вместе. Да будет [illegible] и быть всем, как [illegible] И будьте же [illegible] небесный. Да пребывает [illegible] заклинаю [illegible] в пещере, где [illegible] мое тело, и пусть [illegible] меня на месте, которое [illegible]» Братья же, слыша [illegible] из уст святого Отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова [illegible] говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед Богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете об усердии моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте

что я возле Владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновения ему молиться

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому Богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу Богородицу, и молил ее именем Господа Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. [illegible] на постель свою, и, немного полежав, [illegible] и воскликнул громко в радости [illegible] свершилось [illegible] от света сего!» И можно думать, что сказал он так, увидев видение некое. Ибо потом [illegible] накрест [illegible] Божьи, и [illegible] братья [illegible] и отпели как подобает [illegible] вению [illegible] люди [illegible] монастырскими [illegible] ный князь Святослав [illegible] блаженного [illegible] монастырем [illegible] только князь один [illegible] и сказал окружающим [illegible] блаженный Феодосий [illegible] и видел, что он тяжело [illegible] и вправду умер Феодосий [illegible]

Братья же [illegible] лел блаженный, [illegible] дутся люди, чтобы тогда [illegible] И немало бояр пришло [illegible] Божьей затянуло небо облаками [illegible] люди. И тотчас же перестал дождь и засияло солнце. И [illegible] несли Феодосия в пещеру, о которой [illegible] ли его, и, закопав гроб, разошлись, и весь день пребывали [illegible]

Умер же отец наш Феодосий в году 6582 (1074), месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказывал, после восхода солнечного

(Перевод О. В. Творогова)

Примечания

«Житие Феодосия Печерского» — описание жизни и подвижничества монаха, а затем и игумена Печерского (т. е. «пещерного», первоначально монахи жили в пещерах, выкопанных в кру-

том берегу Днепра) монастыря в Киеве — одно из лучших произведений древнерусской агиографической (т. е. житийной) литературы. «Житие...» написано Нестором, выдающимся агиографом и летописцем, в 80-х гг. XI в. Текст «Жития...» переведен по древнейшему из сохранившихся списков в составе сборника XII в.

[1] Поприще — см. Словарь.

[2] Феодосий в переводе с греческого значит «посвященный Богу».

[3] Святые места — Палестина, где протекала земная жизнь Иисуса Христа.

[4] В христианской литературе часто встречается этот художественный образ: [illegible], проповедник — это пастух, разумные ([illegible] разумом), или словесные (т. е. обладающие речью), овцы — верующие, паства.

[5] Паломники — т. е. [illegible] путешественники в Палестину, возвращаясь, они приносили с собой пальмовую ветвь.

[6] [illegible] употребляемые при церковном таинстве причастия.

[7] Враг — дьявол.

[8] Рассказывается о последнем перед осуждением и распятием ужине Христа с учениками («Тайная вечеря»), на котором он и установил таинство причащения вином и хлебом.

[9] [illegible] основателей Киево-Печерского монастыря.

[10] Никон — монах, впоследствии игумен Киево-Печерского монастыря.

[11] Келарь — монах, ведавший хозяйством.

[12] Клобук — монашеский головной убор.

[13] [illegible] (см. Словарь) — одна из монашеских добродетелей.

[14] Дмитриевский (в честь святого Дмитрия Солунского) монастырь [illegible] Изяславом Ярославичем, крестальное имя [illegible] Дмитрий.

[15] [illegible] богослужении, включающие чтения [illegible] (см. Словарь), пение псалмов, проповеди и молитвы.

[16] Изяслав Ярославич — великий князь киевский (1054—1073) и (1077—1078).

[17] Трапезная — помещение, где монахи обедают.

[18] Гривна — см. Словарь.

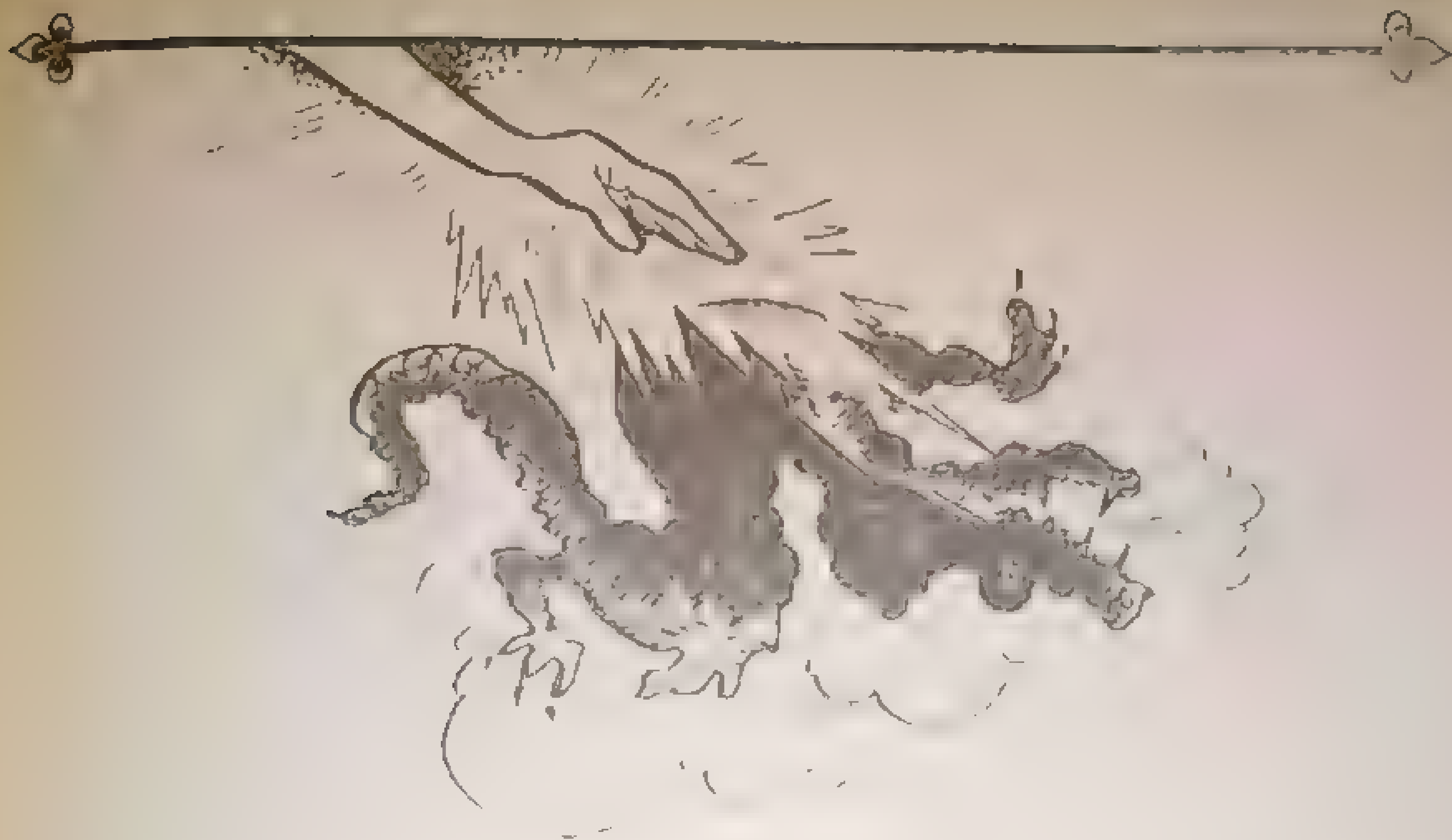
[19] Тиун — управитель.

[20] [illegible] представления, согласно [illegible], возносимую на небо ангелами, пытаются отнять и унести в ад бесы, напоминающие о совершенных умершим грехах.

[21] Ранее рассказывалось, что братия просила Феодосия назначить его преемником Стефана.

[22] Лукавый — т. е. дьявол.

[23] Святослав Ярославич — великий князь киевский (1073—1076).



ЧУДО СО ЗМЕЕМ, БЫВШЕЕ СО СВЯТЫМ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОМ ГЕОРГИЕМ

Благослови [illegible]

Как поведа[illegible] возглашу и о чем [illegible] об этой дивной [illegible] но надеюсь на ми[illegible] и страстотерпца Георгия, возвещаю вам чудо это, самое див[illegible] из всех чудес [illegible]

Был в древние [illegible] ле Палестинской [illegible] жество людей жило в нем, и все поклонялись [illegible] их, как завещало предание и по царскому повелению, но [illegible] пили они от Бога и Бог отступил [illegible]

Около города этого [illegible] За верования и за деяния их ниспослал [illegible] в этом озере огромный змей и, выходя из озера того [illegible] рода этого пожирал. [illegible] гих же, удушив, [illegible] неутешимый в городе том из-за этого зверя

Собрались однажды [illegible] своему, говоря: «Что будем делать [illegible] нам от этого змея?» Ответил им царь: «[illegible] ги, то и вам возвещаю, и давайте примем совет их. [illegible] день кто-либо из вас отдает сына своего или дочь [illegible] змею по очереди, пока не настанет и мой черед. [illegible] единственную дочь». И полюбился совет этот всем жителям, и отвечая, сказали они царю: «Воистину, о царь, сердце [illegible]

ках богов; вознесем же хвалу им, давшим тебе совет этот». И, удалившись, поочередно исполняли они царское повеление, начиная с великих князей и до самых незнатных, и каждый день отдавали детей своих в пищу змею на берегу озера, тот — сына своего, другой же — дочь свою, рыдая и плача горько. Выходил змей, и уносил их, и поедал.

Когда же все люди отдали детей своих, снова придя к царю, сказали ему: «Владыка, все мы отдали одного за другим детей своих, каждый из нас по очереди. Что теперь повелишь?» И отвечал им царь и сказал: «Отдам и я единственную свою дочь, а потом, что объявят мне бессмертные боги, то и порешим». Призвав единственную дочь свою, обрядил царь ее в багряницу и, поцеловав ее и горько оплакав, повелел отвести на погибель к змею. Привели ее и оставили у озера.

Святой же и великий мученик, страдалец за веру Христову, Георгий, воин, чтимый царем небесным и после смерти живущий и славящийся великими чудесами, по соизволению Божьему, желая спасти нас, гибнущих, и избавить город наш от такой беды, в тот самый час оказался на месте том, словно бы некий воин, возвращающийся с войны и спешащий в родные места. Увидел на берегу озера отроковицу, великий и прославленный мученик Георгий спросил ее, так говоря: «Зачем ты стоишь здесь, отроковица?» Она же ответила ему: «Отойди отсюда, юноша, скорее отойди, а не то ужасно погибнешь». Он же сказал отроковице святой Георгий: «О чем говоришь ты, девица? Разбойники ли здесь или что иное?» Отроковица же сказала: «Змей страшный обитает в пучине озера этого, и теперь он пожрет тебя, господин мой, уйди отсюда! Вижу прямую осанку твою и красоту, и молодость, и светлость лица твоего — и не хочу, чтобы погиб ты ужасно!» Сказал ей святой и великий мученик Георгий: «А ты почему стоишь здесь и не уходишь?» Отвечала ему отроковица: «Многое могла бы я тебе поведать и рассказать о себе, но как бы змей не пришел и тебя со мною не утащил бы». И сказал ей святой и великий мученик Георгий: «Расскажи мне, отроковица, всю правду, не бойся: я не оставлю тебя». И отвечала ему всю правду отроковица: «Видишь ли, господин мой, как город этот велик и очень красив, и изобилие великое в нем, и не хочет отец мой уйти и оставить город этот. Однако живет здесь, в озере этом, змей, огромный и страшный безмерно, и поедает множество людей; и порешили горожане с царем, отцом моим, и отдавали они ежедневно по очереди детей своих в пищу змею. Дошла же очередь и до царя, отца моего; не желая нарушить повеления своего, меня, единственную дочь свою, повелел отдать на съедение змею. И вот уже, господин мой, все я тебе рассказала, уходи же отсюда поскорее, пока не явился змей и не схватил тебя».

Услышав же это, великий мученик и страстотерпец Христов Георгий сказал девице: «Не бойся, отроковица!» И тут же, возне

дя взор свой к небу, помолился раб божий, говоря так: «Безначальный, источник всего живущего, Бог всего мира, не имеющий ни начала, ни конца, установивший течение времени и лет, [illegible] ставивший солнце властвовать днем и луну для освещения [illegible] послушавший святых своих апостолов и ниспославший им Д[illegible]

[illegible]

веруем [illegible] Сына его — Господа нашего Иисуса Христа и во свят[illegible] творящии Ду[illegible]

Тогда с[illegible]ии, протянув руку, извлек меч свой и о[illegible] веры. Увидел все это, царь и все люди подошли к нему и поклонились ему, [illegible] дав хвалу Богу и угоднику его великому чудотворцу Георгию. И повелел царь создать церковь во имя преславного и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия и украсил церковь



эту золотом, и серебром, и дорогими каменьями. И повелел поминать его месяца апреля в 23 день.

Святой и великий мученик Христов Георгий, увидев веру их, что всей душой своей веруют они в Господа нашего Иисуса Христа, сказал им: «Покажу вам и другое чудо и знамение и силу Господа Бога своего»[3]. И когда построена была церковь и завершили ее строители, послал им щит свой и повелел повесить его над святой трапезой[4]. Силой же и действом святого Духа доныне висит щит в воздухе, ничем не поддерживаемый, во все времена и годы, чтобы обращать в веру неверующих. Таковы страшные и преславные чудеса преславного и великого чудотворца и мученика Христова Георгия. Не только эти таинства свершились именем его святым, но и исцеления многие творит Бог по молитвам его приходящим в церковь его с верою: хромые начинают ходить, слепые снова видят, глухие слышат, страдающие от духов нечистых выздоравливают, и великая радость бывает всякий день от чудесных его деяний.

Поэтому и мы, братья, подобно им, воздадим славу милосердному Богу, чтобы молитвами его святого и преславного и великого мученика и страстотерпца Георгия обрести вечные и непреходящие блага в Христе Иисусе, Господе нашем, ему же подобает вся слава и владычество, честь и поклонение с Отцом и со святым и животворящим его Духом и ныне, и всегда, и веки веков. Аминь!

(Перевод В. В. Колесова)

Примечания

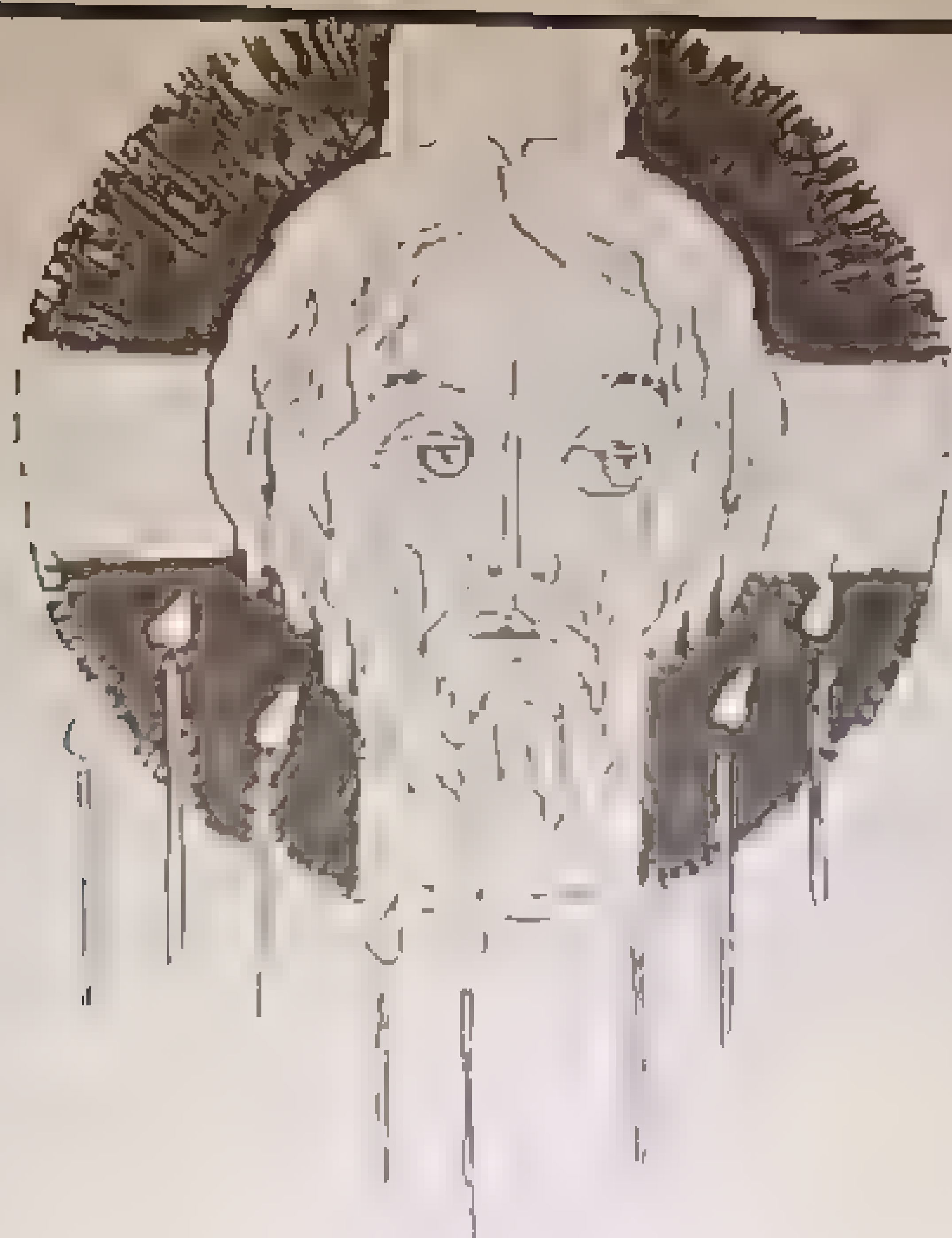
В Древней Руси было широко распространено переведенное с греческого языка Житие Георгия Победоносца, мученика, казненного, по преданию, в 303 г. римским императором Диоклетианом. Особую известность получил рассказ об одном из чудес Георгия — его борьбе со змеем. Изображение Георгия, поражающего дракона, встречается на многочисленных иконах; с конца XIV в. изображение воина, поражающего копьем дракона, стало гербом Москвы.

[1] Багряница — см. Словарь.

[2] По тексту можно понять, что рассказывается о посмертном чуде Георгия. В конце повествования также говорится, что Георгия царь велел поминать 23 апреля, в день гибели.

[3] В книге «Деяний апостолов», в Новом завете (см. Словарь), повествуется, как Дух святой снизошел на апостолов на пятидесятый день после Пасхи.

[4] Трапеза — престол в церковном алтаре.



ИЗ «ПОУЧЕНИЯ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Поучение

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях[1], помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей[3] и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь[4], в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся

слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите. <...>

Ибо как Василий учил[4], собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь, не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестия свершителем, научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела порабощению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех. Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. «Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их» и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния», очистим себя, братья, от всякой скверны телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: «Слава тебе, Человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и кровь его пролить вскоре, а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех: не тяжки ведь они, ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

Что такое человек, как подумаешь о нем? «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит силу твою и твоих великих чудес

и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят, а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не хвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегод-

ня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна[6] или на отрока[7], чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод, ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою». Так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

(Рассказ Мономаха о своей жизни)

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей, послал меня отец, а сам он

пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир[10]. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске[11] мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу [illegible] до Чешского леса, и ходил в земле их четыре [illegible]. И в том же году и сын родился у меня старший [illegible] дил я в Туров [illegible] в Переяславль [illegible] Туров. И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск [illegible] той же зимой в Новгород [illegible] с отцом [illegible] Полоцк, и пожгли Полоцк, [illegible] ми на Одреск [illegible] в Чернигов [illegible] Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег [illegible] выведенный [illegible] Чернигове на Красном дворе, и [illegible] Смоленска же [illegible] ем до Переяславля [illegible] ходили мы опять [illegible] гову биться с Борисом [illegible] шли в Переяславль [illegible] Киев до ста [illegible] А всего походов [illegible] и не упомню меньших [illegible] ями без [illegible] много скота и много [illegible] князей половецких [illegible] барсовых трех [illegible] ших князей [illegible] сусь с сыном, Аклан Бурчевич, [illegible] витязей молодых [illegible] и бросил в ту речку [illegible] ло двухсот лучших мужей [illegible]

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове [illegible] Чернигова выйдя, и до [illegible] трудов, не считая другой охоты, вне Турова [illegible] ся на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура[12] метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и ко

ня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею и не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие оберегание лучше человеческого.

(Письмо Мономаха к Олегу Святославичу)

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо, кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вас не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиря-

ется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя мое и твое перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица[23] на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба[24], но не дай мне Бог видеть кровь ни от

руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский[25], а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

(Перевод Д. С. Лихачева)

Примечания

Сочинения великого князя киевского Владимира Всеволодича, по матери — внука византийского императора Константина Мономаха дошли до нас благодаря счастливой случайности: переписчик Лаврентьевской летописи 1377 г. [illegible] летописный текст, включил в его состав найденные им «Поучение» и Письмо к Олегу Святославичу. Так нам стало известно, что Мономах не только мудрый государственный деятель, не только удачливый полководец, но и талантливый писатель, начитанный и мыслящий человек. Письмо к Олегу раскрывает перед нами Мономаха с другой стороны: он справедлив, он готов простить гибель сына, так как знает, что тот сам был инициатором распри.

[1] Сидя на санях — т. е. на склоне лет, накануне смерти (в Древней Руси покойника перевозили в любое время года на санях). «Поучение», как полагают, было написано около 1117 г., когда Мономаху было 64 года.

[2] Ростиславичи — Рюрик, Володарь и Василько, сыновья Ростислава Владимировича, двоюродного брата Мономаха.

[3] Здесь Псалтырь (см. Словарь) используется как гадательная книга.

[4] Василий Великий (330—379) — знаменитый византийский богослов и проповедник.

[5] Мытарь — сборщик податей. Имеется в виду евангельский рассказ: среди учеников и последователей Христа были мытари, которых в то время окружало презрение.

[6] Тиун — управитель.

[7] Отрок — см. Словарь.

[8] Ростов — город на озере Неро, на юге современной Ярославской области.

[9] Берестье — ныне Брест, город на границе Беларуси с Польшей.

[10] Владимир — город на Волыни, на северо-западе Украины.

[11] Сутейск — город к юго-востоку от Люблина (Польша).

[12] Глогов — город на реке Одра, на западе Польши.

[13] Туров — в XI–XII вв. относительно крупный город, центр княжества. Ныне это небольшой городок в западной части Гомельской области Беларуси.

[14] Упоминается битва на Нежатиной ниве близ Чернигова, в которой против Олега Святославича и Бориса Вячеславича сражались черниговский князь Всеволод Ярославич с сыном Владимиром и пришедший им на помощь киевский князь Изяслав Ярославич. Об этой битве вспоминает и «Слово о полку Игореве».

[15] Тур — крупный дикий бык, отличавшийся особой свирепостью. В средневековье туры водились во всей Европе, но были истреблены; долее всего они уцелели в Литве и Польше, где последний тур погиб в 1627 г.

[16] Посадник — избираемый горожанами высший представитель княжеской власти.

[17] Бирич — сборщик податей.

[18] Смерд — крестьянин; здесь обобщенно — бедняк

[19] На владения Олега Святославича напал младший сын Владимира — Изяслав и был убит.

[20] Сын Владимира — Мстислав был крестником Олега.

[21] Убитый Изяслав также был крестником Олега.

[22] Давид — см. Словарь.

[23] Горлица — небольшая лесная птица.

[24] Стародуб — город в западной части современной Брянской области.

[25] «Хлеб едят дедовский» — т. е. княжат в своем родовом уделе.



СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Древнерусский текст)

Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова

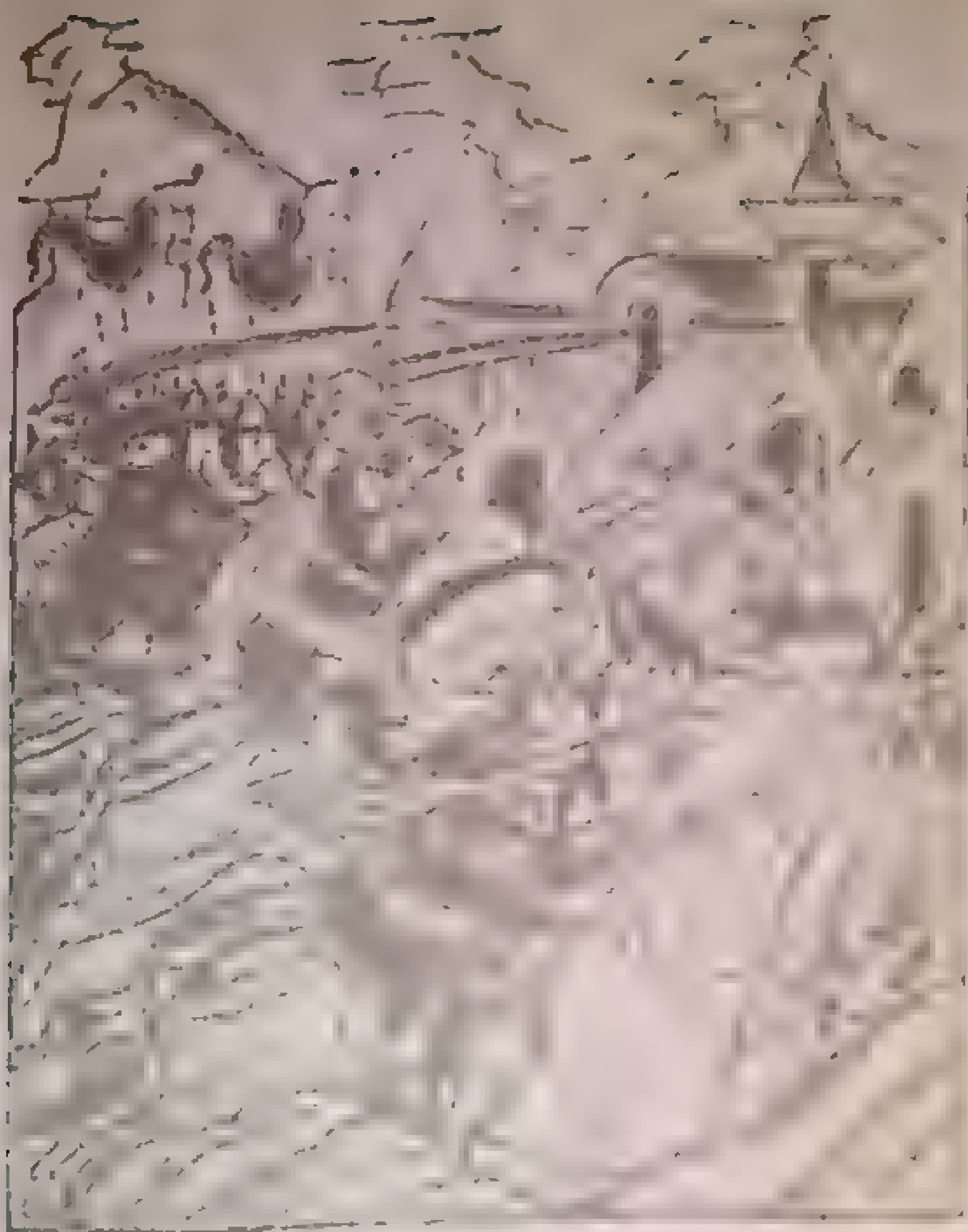
Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повестии о пълку Игореве, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй песни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобице. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружине своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Половцы захватывают
русский город
*Миниатюра из Лицевого
свода. XVI в*



О Бояне, соловию стараго време[illegible]
коталъ, скача, славию, по мыслен[illegible]
лакы, свивая славы оба полы [illegible]
Трояню чресъ поля на горы!

Пети было песнь Игореви, того вну[illegible]
се чресъ поля широкая — галици стады [illegible]
му». Чи ли въспети было, вещеи Бояне [illegible]
ржуть за Сулою — звенить слава въ [illegible]

Трубы трубять въ Новеград[illegible]
ждеть мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всево[illegible]
«Одинъ братъ, одинъ светъ светлый — ты, Игорю! Оба [illegible]
Святъславличя! Седлай, брате, свои бр[illegible]
тови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни сведоми
къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяни, конець
копия въскръмлени, пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци
у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами ска
чють, акы серыи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю
славе».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чис[illegible]

тому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди, свисть звериъ въста, збися Дивъ, кличеть връху древа, велить послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутораканьскый блъванъ. А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону Великому: крычатъ телегы полунощы, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо беды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звери зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Дльго ночь мрькнетъ. Заря светъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славии успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бела хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было онъ обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бежитъ серымъ влъкомъ, Кончакъ ему следъ правитъ къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле у Дону Великаго.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веютъ съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рекы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ. Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша. Дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая!



Набег половцев на Русскую землю и сопротивление русских князей. *Миниатюра Радзивиловская летопись XV в.*

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сеяше. Ступаетъ въ златъ стременъ въ граде Тьмутороканe, той же звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе,

Набег половцев на Русскую землю и сопротивление русских князей. Миниатюра *Радзивиловская летопись. XV в.*

и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелея отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь — Божа внука, въ княжихъ крамолахъ веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ра

гаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зарания до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворачаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону; плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себе крамолу ковати, а поганыи съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья, — къ морю! А Игорева храбраго плъку не кресити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна течетъ средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которою, ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый Киевскый грозою, бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеся Кобякъ въ граде Киеве, въ гриднице Святъславли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы, рекы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево.

А Святъславъ мутенъ сонъ виде въ Киеве на горахъ. «Синочи съ вечера одевахуть мя, — рече, — чръною паполомою на кроваты тисове, чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено, сыпа-

хуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и негуютъ мя. Уже дьскы безъ кнеса в моемъ тереме златовръсемъ. Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плесньска на болоньи, беша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины железны. Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста и въ море погрузиста, и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На реце на Каяле тьма светъ покрыла. по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо, и великое буйство подасть хинови. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса Дивь на землю. Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелеютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святъславъ изрони злато слово, слезами смешено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовоя брата моего Ярослава съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовь съ засапожникы, кликомъ плькы побеждаютъ, звонячи въ прадеднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие, наниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железны

ми плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть, отворяеши Киеву врага, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ ваю умъ на дело. Высоко плаваеши на дело въ буести, яко соколъ на ветрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи паворзи подъ шеломы латинскими. Тем и тресну земля, и многи страны — хинова, литва, ятвязи, деремела и половци — сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утрьпе солнцю светъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго плъку не кресити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии собе власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи. Исхыти юна кровь, а тьи рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие. Уныли голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскии.

Ярославли вси внуци и Всеславли! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю! Которою бо беше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ веце Трояни връже Всеславъ жребий о девицю себе любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града, обесися сине мьгле, утръже вазни с три кусы: отвори врата Нову граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоце животъ кладутъ, веютъ душу отъ тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киеве звонъ слыша. Аще и веща душа въ дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боянъ и пръвое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевскимъ, сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. Копиа поютъ.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть. «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, аркучи: «О ветре ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеялъ еси на себе Святославли насады до плъку Кобякова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое слънце! Всемъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля меритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою; велить князю разумети: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа». Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вълнахъ, стлавшу ему зел

Первая бит[illegible]

ну траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мьглами подъ сению зелену древу. Стрежаше его гоголемъ на воде, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрехъ». Не тако ли, рече, река Стугна: худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князя Ростислава затвори дне при темне березе. Плачется мати Ростиславля по уноши князи

Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо с тугою къ земли преклонилось.

А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ реце кажуть, соловии веселыми песньми светъ поведають. Млъвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнезду летитъ, соколича ростреляеве своими злачеными стрелами». Рече Кончакъ ко Гзе: «Аже соколъ къ гнезду летитъ, а ве соколца опутаеве красною девицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаеве красною девицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны девице, то почнуть наю птици бити въ поле Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, песнотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы», — Руской земли безъ Игоря!

Солнце светится на небесе, — Игорь князь въ Руской земли. Девици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь едет по Боричеву къ святеи Богородици Пирогощеи.

Певше песнь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пети! Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъкы! Княземъ слава а дружине! Аминь!

(Текст с упрощением орфографии и исправлениями О. В. Творогова)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

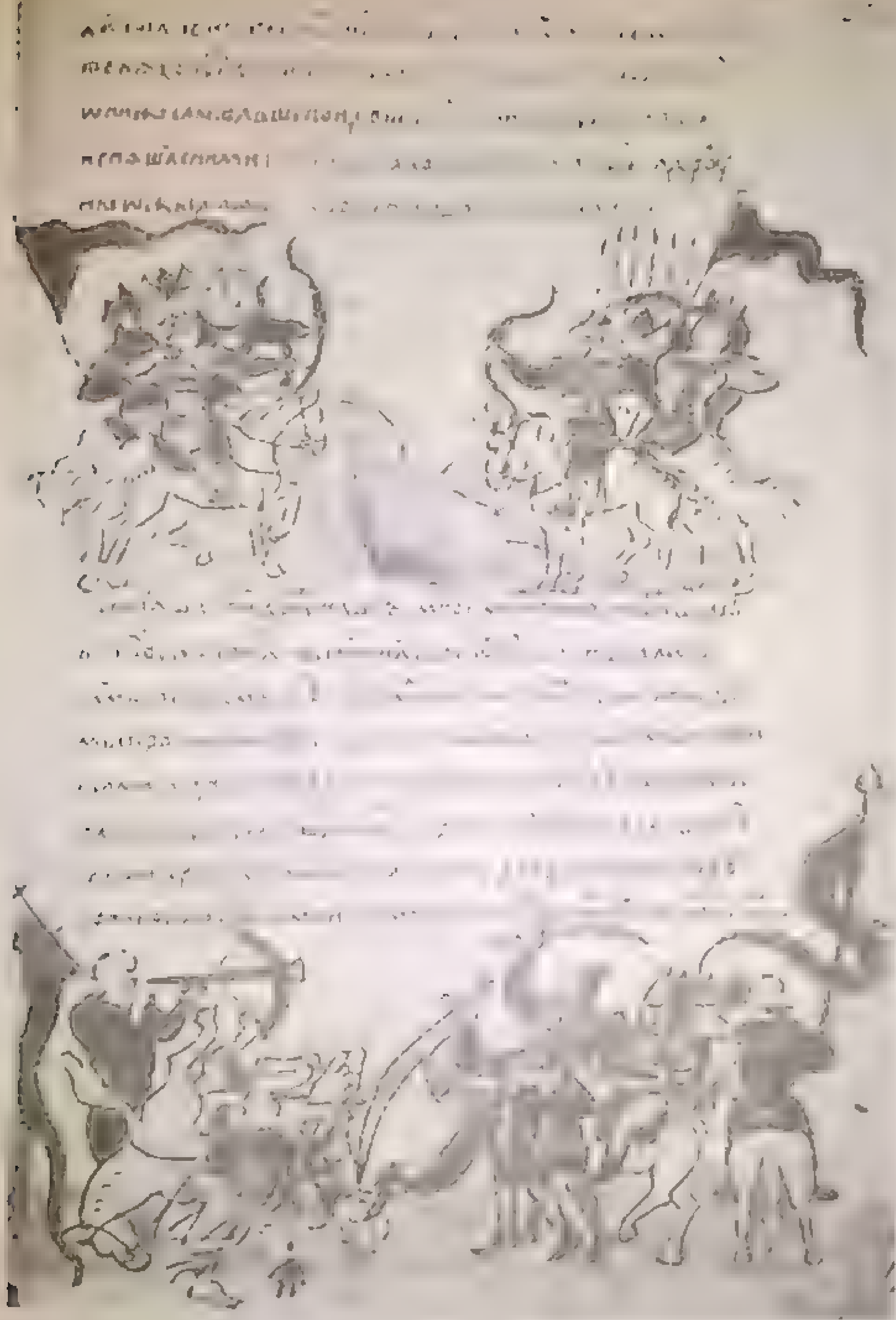
(Перевод)

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославича? Начаться же той песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий[1], если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу[2], храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими[3], прекрасному Роману Святославичу[4]. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира[5] до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа,



Вторая бa[illegible]

навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть, так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон»[5]. Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона ве-

ликого заслонило ему предзнаменование. Хочу,— сказал,— копье преломить на границе поля половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».[7]

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой[8] с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса[9]: «Кони ржут за Сулой[10] — звенит слава в Киеве!

Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле[11]. Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне — бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див[12], кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню[14], и тебе, тмутороканский идол[15]. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому. Скрипят телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже беды его подстерегают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы лают на червленые щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, говор галочий пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись, словно стрелы, по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты[16]. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому[17].

На другой день раным-рано кровавые зори рассвет возвещают

ют, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца[17], а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле[18], у Дона великого!

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят: половцы идут[19] от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат головы поганых половецких. [illegible] шлемы аварские[20] от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана устрашит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова [illegible] и своей милой жены, прекрасной Глебовны, [illegible] и ласку!

Были века Трояна[21], минули годы Ярослава, были и походы Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по [illegible] в городе Тмуторокани[23], звон же тот слышал давний великий Ярославов сын Всеволод, [illegible] в Чернигове[24]. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Каяле [illegible] Олега, храброму и молодому князю. С такой же Каялы и Святополк бережно повез [illegible] к святой Софии, к Киеву. [illegible] внуков[28], в княжеских [illegible] на Русской земле [illegible] граяли, трупы между собой [illegible] собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли половецкой. Черная земля под копытами костьми засеяна, а кровью полита; горем взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зарею? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы[29]. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Даждь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога[30]. Жены русские зарыдали, причитая: «Уже нам своих милых мужей ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидеть, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Кручина разлилась по Русской земле, печаль горькая потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора[31].

Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством распрю разбудили, которую усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою — усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем, вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава[32]. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы[33] прославляют Святослава, корят князя Игоря, потопившего благоденствие в Каяле, реке половецкой, русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие сникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах[34]. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых иноземцев и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, из дебри Кисановой понеслись к синему морю»[35].

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани или хотя бы испить шеломом Дону. Но соколам уже крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись[36]. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались по-

ловцы, точно стая гепардов[38], и великую радость пробудили в хинове[39]. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красавицы-девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана[40]. А мы, дружина, лишились радости»

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в доблести закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

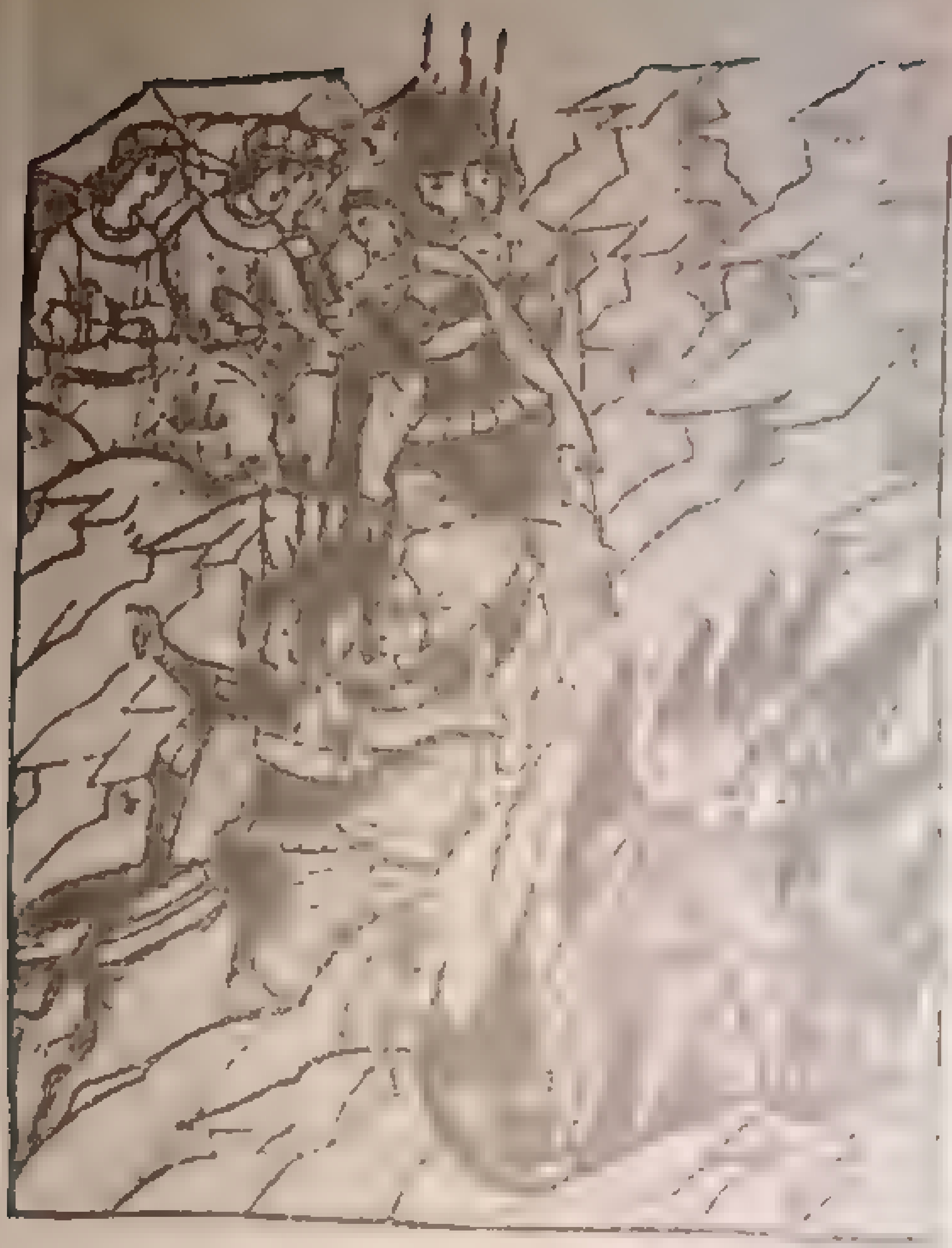
А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами[41]. Ведь они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня прадедней славой. Но сказали вы: «Помужествуем сами: мы и прежнюю славу поддержим, а нынешнюю меж собой поделим». Но не дивно ли брату старому помолодеть? [illegible] не даст гнезда своего в обиду. Но вот в чем бе[illegible] непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!»[42]

Великий князь Всеволод![43] Н[illegible] издалека отцовский золо[illegible] Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. [illegible] ты был здесь, то была [illegible] резане[44]. Ты ведь можешь [illegible] шереширами стрелять — удалыми сынами Глебовыми!

Ты, доблестный Рюрик, и ты, Давыд![45] [illegible] злачеными шлемами в крови плавали? [illegible] храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремена за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав![46] Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака[47], суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, доблестный Роман, и Мстислав![49] Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремящийся птицу дерзко одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи[50] под шлемами латин-



Игорь бежит из половецкого плена. Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

скими. Поэтому и дрогнула земля и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделены. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича, не худого гнезда шестокрыльцы! Не по праву побед расхитили вы себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет к тем грозным полочанам под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода.

так он один и изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелие[55]. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы![56] Не вздымайте больше стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо растеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь [illegible]

На седьмом веке Трояна [illegible] Всеслав [illegible] ему милой. Тот хитростью [illegible] нулся копьем своим [illegible] жал, словно лютый зверь [illegible] ней милой [illegible] разбил славу Ярославову [illegible] гок[59]. На Немиге [illegible] ными, на току [illegible] от [illegible] Немиги [illegible] вые берега [illegible] сынов.

Всеслав [illegible] а сам ночью [illegible] Киева [illegible] до Тмуторокани [illegible] в Полоцке [illegible] ла, а он в Киеве [illegible] по в [illegible] давно [illegible] му [illegible]

О, [illegible] и первых князей! [illegible] дить к стягам киевским [illegible] Давыдовы [illegible]

На Дунае [illegible] она спозаранку, как [illegible] кою по Дунаю, омочу [illegible] ю кровавые его раны на [illegible]

Ярославна с утра плачет на [illegible] тер-ветрило! Зачем, господин, [illegible] хиновские стрелы на [illegible] ды? Разве мало тебе [illegible] нем море? Зачем, господин, [illegible]

Ярославна с утра плачет на [illegible] Путивле, [illegible] «О Днепр Словутич! Ты пробил [illegible] ловецкую. Ты лелеял на себе ладьи [illegible] Кобякова[60]. Взлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море». Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки стянуло, горем колчаны им заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца[64]. В полночь свистнул Овлур[65] коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул — стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком[66], и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, стряхивая студеную росу, ибо загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе славы, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева? Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в воздухе»[67]. Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе[68]. Уныли цветы от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, то не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы[71], песнотворцы старого времени Ярославова, Олега-кагана любимцы: «Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей[72]. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, защищая христиан от полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь!

Примечания

В 1185 г. князь Новгорода-Северского Игорь Святославич (1151—1202) со своим братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом Ольговичем отправился в поход на половцев. Русичи потерпели поражение, и случилось неслыханное: в плен попали не только дружинники и простые воины, но и все князья. Это событие произвело тягостное впечатление на современников. Рассказывает о нем и летопись (см. ниже, с. 109—116), ему посвящено и одно из лучших произведений древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», созданное неизвестным нам автором в конце XII в. Автор «Слова...» не столько рассказывает о событиях, сколько размышляет о причинах и последствиях случившейся трагедии, призывает князей прекратить междоусобные распри, вместе выступить на защиту Русской земли. Благодаря своим высоким художественным достоинствам «Слово...» намного пережило эпоху своего создания: прозаические переводы, поэтические переводы и переложения на десятки языков мира продолжают появляться и в наши дни, к «Слову...» обращаются в своем творчестве живописцы и книжные графики, скульпторы и композиторы.

В «Слове...» немало [illegible] сбереглось [illegible] отдельных слов, [illegible] споры. Поэтому в изданиях [illegible] сопровождается подробными историческими [illegible] комментариями Д. С. Лихачевым [illegible] (см.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. 2-е изд. М., 1982. С. 51—79). В хрестоматии приводятся лишь [illegible].

[1] Боян — поэт, [illegible] в конце XI — начале XII в.

[2] Ярослав Владимирович Мудрый — [illegible] князь киевский (1019—1054).

[3] Брат Ярослава — Мстислав в 1022 г. [illegible] в поединке касожского князя Редедю. Касоги — предки черкесов или адыгейцев.

[4] Роман Святославич (умер в 1079 г.) — князь тмутороканский.

[5] Владимир — Владимир Святославич, киевский князь (980—1015), общий предок всех князей, упоминаемых в «Слове...».

[6] Доном в «Слове...» называется Северский Донец.

[7] Испить воды из неприятельской реки в образной речи воинов значило покорить, завоевать эту землю.

[8] Об имени Трояна идут споры: одни считают, что подразумевается римский император, другие — что Троян — языческий бог.

[9] Велес — языческий бог скота и богатства, судя по «Слову...», он считался и покровителем певцов или поэтов.

[10] Сула — левый приток Днепра, река, пограничная с половецкой степью.

[11] Новгород-Северский — город на Десне, стольный город Иго

ря; Путивль на притоке Десны Сейме — город старшего сына Игоря, Владимира.

[12] Брат Игоря, Всеволод, сравнивается с туром — могучим и свирепым диким быком.

[13] Див — фантастическое существо, враждебное русским.

[14] Поморие — земли по берегам Черного и Азовского морей, Посулие — земли по берегам Сулы, Сурож и Корсунь — города в Крыму.

[15] Речь идет о какой-то статуе (маяке?) в Тмуторокани — городе на Таманском полуострове; в XI в. эти земли принадлежали черниговским князьям.

[16] Паволоки и аксамиты — дорогие шелковые ткани.

[17] Гзак, Кончак — половецкие ханы.

[18] Четыре солнца — князья, участники похода: Игорь, Всеволод, Владимир Игоревич и Святослав Ольгович Рыльский.

[19] Точное местонахождение Каялы неизвестно. Большинство ученых считают, что битва с половцами произошла в районе современного города Славянска, на севере Донецкой области Украины.

[20] Стрибог — языческий бог ветра.

[21] Авары (народность Северного Кавказа) были искусными оружейниками.

[22] См. примечание 8.

[23] В 1078 г. дед Игоря, князь Олег Святославич (умер в 1115 г.), княживший в то время в Тмуторокани, двинулся со своим союзником — Борисом Вячеславичем отвоевывать Чернигов.

[24] Всеволод Ярославич (1030—1093) — в то время черниговский князь, Владимир (Мономах) — его сын.

[25] Паполома — погребальное покрывало; с паполомой сравнивается трава, на которую упал убитый Борис Вячеславич.

[26] Отец Святополка — великий князь киевский Изяслав (1024—1078), пришедший на помощь Всеволоду, был убит, его погребли в киевском Софийском соборе.

[27] Олег Святославич, зачинщик многих междоусобиц, приводивший на Русь союзных ему половцев, именуется Гориславличем, либо с осуждением (приносящий горе), либо с сочувствием: князь и сам перенес много невзгод.

[28] Даждь-Бог — главное языческое божество, податель благ; вероятно, в нем видели покровителя русичей, поэтому они и именуются внуками Даждь-Бога.

[29] Падение стягов означало, что войско потерпело поражение.

[30] Карна и Жля — олицетворение горя и печали; огненный рог символизирует либо огонь погребальных костров, либо пожары сел и городов во время войн.

[31] Половцы, разумеется, не облагали русских данью; здесь образно говорится об унизительных поборах и грабежах, которыми сопровождались половецкие набеги.

[32] Святослав Всеволодич (ок. 1125—1194) с 1181 г. в соправи-

тельстве с Рюриком Ростиславичем был великим князем киевским, Игорь Святославич приходился ему двоюродным братом, Святослав называется отцом как старший по положению (киевский князь) и как старший в роду Ольговичей.

[33] Вспоминается о победоносном походе 1183 г., возглавлявшемся Святославом и Рюриком, против лукоморских половцев (в низовьях Днепра). Были захвачены в плен хан Кобяк и другие знатные половцы.

[34] В 1182 г. Моравия — область Восточной Чехии, была провозглашена самостоятельным графством. Быть может, поэтому «Слово...» вспоминает ее жителей, а не более известных на Руси чехов (т. е. жителей Чехии).

[35] Сон Святослава полон дурных примет: его покрывают черной паполомой, словно покойника, и дают ему пить вино, смешанное с горем, сыплют крупный жемчуг, что предвещает слезы, крыша его терема без опорной балки (князька), а это напоминает, что по древнему обычаю покойника выносили из дома, разобрав крышу.

[36] Фраза непонятна. Полагают, что Плесньск и дебри Кисани находились в окрестностях Киева.

[37] Два сокола — князья Игорь и Всеволод, молодые месяцы — княжичи Владимир и Святослав Рыльский.

[38] Гепарды — хищные звери из породы кошачьих, отличались быстротой бега.

[39] Хинова — вероятно, собирательное обозначение восточных народов.

[40] О том, кто такой Бус, вед[illegible]. Шарукан — половецкий хан, разбитый в войне 1106 г. русскими князьями.

[41] На службе у черниговского князя Ярослава, брата Святослава киевского, находились тюркские племена, которые и перечисляются в «Слове».

[42] После поражения Игоря Кончак осадил Переяславль, города он не взял, но переяславский князь Владимир Глебович был тяжело ранен в бою; возвращаясь из Переяславля, половцы взяли город Римов (на реке Суле).

[43] Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212) — с 1176 г. стал великим князем Владимиро-Суздальской земли.

[44] Ногата и резана — мелкие денежные единицы.

[45] Сыны Глебовы — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича, зависимые от Всеволода. Значение слова «шереширы» неизвестно.

[46] Рюрик Ростиславич (умер в 1212 г.) — с 1181 г. соправитель Святослава, князь Киевской земли; Давыд (умер в 1197 г.) — его брат, с 1180 г. князь Смоленской земли.

[47] Ярослав Владимирович (умер в 1187 г.) — с 1153 г. был князем Галицкой земли, на его дочери был женат Игорь Святославич.

[48] Украинский историк Л. Махновец предположил, что речь идет о катапультах, из которых с вершин гор (через облака) могли обстреливаться камнями дороги и тропы в случае нашествия врагов.

[49] Роман Мстиславич (умер в 1205 г.) — с 1170 г. был волынским князем; какой Мстислав имеется здесь в виду, неясно.

[50] Паворзи — покрытые металлическими пластинками ремешки.

[51] Ятвяги и деремела — литовские племена.

[52] Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — волынские князья, они сравниваются с соколами (шестокрыльцами).

[53] Сулицы — короткие метательные копья.

[54] Всеслав Брячиславич (умер в 1101 г.) — полоцкий князь; об этом воинственном князе «Слово...» рассказывает далее.

[55] Вероятнее всего, имеется в виду расшитый золотыми нитями ворот княжеского одеяния.

[56] Речь идет о враждующих группировках князей — потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Брячиславича.

[57] В 1068 г. находившийся в Киеве в заточении Всеслав был освобожден киевлянами и провозглашен князем.

[58] Прокняжив семь месяцев, Всеслав ночью бежал из Белгорода (город к западу от Киева) в Полоцк.

[59] В 1067 г. братья Ярославичи (Изяслав, Святослав и Всеволод) победили Всеслава в бою на реке Немиге (в районе Минска). Упоминаемые здесь Дудутки нам неизвестны.

[60] Хорс — языческое божество солнца.

[61] Дунай — в данном случае поэтическое обозначение реки.

[62] Зегзицу в тексте «Слова...» толкуют и как кукушку, и как чайку. Отдаем предпочтение второму толкованию, так как речь идет о птице, живущей на воде.

[63] См. примечание 33.

[64] Малый Донец, как полагает Б. А. Рыбаков, современная река Уды, приток Северского Донца, именуемого в «Слове...» Доном.

[65] Овлур (Влур, Лавр) — половец, помогший Игорю бежать из плена.

[66] «Босой волк» — т. е. быстроногий, быстро бегущий волк.

[67] Гоголь, чернядь — водоплавающие птицы.

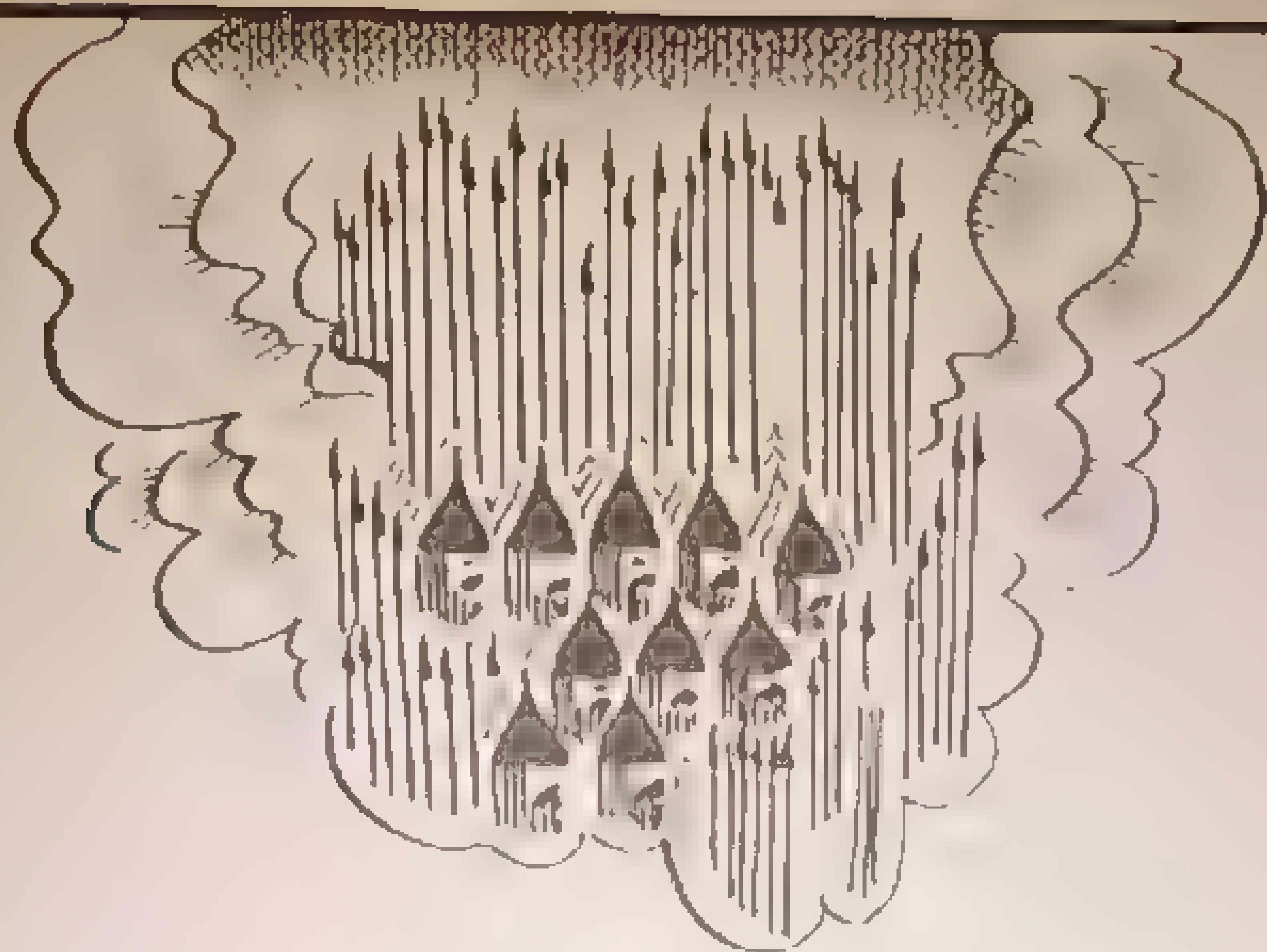
[68] О гибели при переправе через Стугну князя Ростислава, сводного брата Владимира Мономаха, рассказывается и в «Повести временных лет».

[69] Полозы — крупные змеи.

[70] Половецкие ханы обсуждают судьбу Владимира Игоревича, оставшегося в плену. Кончак остался верен прежнему обещанию: Владимир женился на его дочери и вместе с ней и родившимся сыном вернулся на Русь.

[71] Имя Ходыны — певца, подобного Бояну,— реконструировано исследователями «Слова...». Ходына, как полагают, мог быть княжеским певцом у Святослава Ярославича и его сына Олега, носившего, как князь Тмуторокани, титул коган.

[72] Церковь Богородицы Пирогощей находилась на дороге, связывавшей княжеский двор в Киеве с Подолом, на берегу Днепра; Игорь мог посетить ее как приехав в Киев, так и уезжая из него в свое княжество.



О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ

(Из Ипатьевской летописи)

В год 6693 (1185) Даровал Господь избавление — дал победу русским князьям, Святославу Всеволодичу[1] и великому князю Рюрику Ростиславичу[2], месяца марта в первый день. Узнав о бегстве Кончака[3], послали за ним следом Кунтувдыя с шестью тысячами воинов. Но тот, преследуя, не мог его догнать, ибо помешала распутица за Хоролом[4]. Святослав же и великий князь Рюрик одержали победу по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба[5] и пошли каждый восвояси, славя Бога в Троице — Отца и Сына и Святого Духа[6].

А князь Ярослав черниговский не пошел с братом своим Святославом, говоря так: «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа». Этим и оправдывался перед братом своим Святославом. Игорь же отвечал Святославову мужу: «Не дай Бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг[7]». Потом стал совещаться Игорь с дружиной, каким путем поехать, чтобы соединиться с полками Святослава. Отвечала ему дружина: «Князь наш! Не сможешь ты перелететь как птица: вот приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он идет из Киева в воскресенье, то как же ты сможешь, князь, догнать его?» Игорю не по душе пришлись эти слова дружины, хотел он ехать по степи напрямик, по берегу Сулы[8]. Но была распутица, так что войско за целый день не смогло бы преодолеть и поля от края и до края, поэтому Игорь и не мог выступить со Святославом.

А на ту же весну князь Святослав послал Романа Нездиловича с берендеями[9] на поганых половцев. С Божьей помощью захватили вежи половецкие, много пленных и коней, двадцать пер-

вого апреля, на самый Великий день[10]. В ту пору князь Святослав отправился по своим делам в землю вятичей, к Карачеву[11].

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска[12], и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска[13], и Владимира, сына своего, из Путивля[14]. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими[15]. И двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стало видом как месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же посмотрели, и увидели, и все понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божественной никто не ведает, а знаменье творит Бог, как и весь мир свой. А что нам дарует Бог — на благо или на горе нам,— это нам суждено увидеть».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу[17], и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице[18]. Здесь приехали к ним разведчики, посланные добыть языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги наши в полном вооружении ездят, так что либо отправляйтесь без промедления, либо возвратимся домой: неудачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если мы, не бившись, возвратимся, то позор нам будет хуже смерти, пусть же будет так, как Бог даст». И, так порешив, поехали ночью.

Наутро же в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими. Успели половцы приготовиться: вежи свои отправили в тыл, а сами, собравшись все от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши выставили шесть полков: Игорев полк посредине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Это мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив надежды свои на Бога. И когда приблизились к реке Сюурлий, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюурлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, сохраняя строй своих полков. Те русичи, что прорвались вперед, избивали половцев и хватали плен

ных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, доскакав до веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И, когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот Бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы полки половецкие — множество их, чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут догнать: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как Бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли, если мне сейчас [illegible]». Согласился с ним Всеволод и предложил [illegible]. И сказал Игорь: «[illegible], братья, [illegible] и умереть». И заночевали в том месте.

Когда же занялся рассвет субботы, [illegible] дить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них [illegible], так много было половцев. И сказал Игорь: «[illegible] всю землю половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и токсобичей, колобичей, и етебичей, и тертробичей». [illegible], все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донец, ибо говорили: «[illegible] бросим, а это [illegible]. Так либо умрем, либо [illegible]». И, сказав так, все [illegible] ранили Игоря в руку, [illegible]. И [illegible] лись все в полку [illegible] других. И так яростно [illegible] и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, [illegible] сражаясь. На рассвете же в воскресенье [illegible] ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поскакал к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но, заметив, что слишком отдалился от своих, снял он шлем и поскакал назад к своему полку, ибо [illegible] жавшие уже узнали князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только немногие из простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приближался Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, схватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже плененный, видел Игорь брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он Бога о смерти, лишь бы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озера.

И так в день святого воскресения низвел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, как говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, о том, что немало убийств совершил и кровопролития на земле христианской: как не пощадил я христиан, а передал на разграбление город Глебов у Переяславля[20]. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруги с подругами. И все были в смятении: тогда был полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в жизни этой испытание огнем претерпели. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилосердных побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — сетовал Игорь,— и недостоин я остаться жить! И вот теперь вижу возмездие Господа Бога моего. Где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо, мною рожденное? Где бояре, советники мои? Где мужи воители? Где строй полков? Где кони и оружие многоценное? Не всего ли этого я лишен теперь! И связанного предал меня Бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне Господь за беззакония мои и за злобу мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен Господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен остаться среди живых. Но теперь вижу, что другие принимают венцы мучеников; так почему же я — один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но Владыка, Господь, Бог мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из вобурцевичей, а Владимира — Копти из улашевичей. Тогда же на поле боя поручился Кончак за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам — словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули[21].

В это время великий князь Святослав Всеволодич отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о том случившемся в поло-

вецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне Бог победу над погаными, а вы, не сдержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата моего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье[illegible]. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде Северском, и во всей земле Черниговской: [illegible] или перебита. И метались люди в смятении, [illegible] началось, и не милы были тогда никому и свои близкие, но многие забывали [illegible] слал Святослав к Давыду в Смоленск [illegible] мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, [illegible] Днепру пришли [illegible] а Ярослав [illegible]

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начались у них споры; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была [illegible] няк [illegible] и дети, там для нас [illegible] рать, никого не опасаясь». И так разделились надвое: К[illegible] пошел к Переяславлю, окружил город и бился там весь день. Владимир же Глебович [illegible] в бою, выехал он из города [illegible] из дружины решились ехать за ним. Яростно бился и окружен был множеством половцев. [illegible] как мужественно [illegible] чили князя своего, [illegible] этот Владимир, тяжело раненный, [illegible] жественный пот за отчину свою[illegible]. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду с просьбой: «Половцы у [illegible] помогите же мне». Святослав [illegible] к Давыду, а Давыд [illegible] у Треполя со смолянами. Смоляне же [illegible] и сказали так: «Мы пришли к Киеву [illegible] сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем: устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, [illegible] на помощь, пошли по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смолянами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И проходя мимо Римова[illegible], осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все забороли, и, по воле божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх,

кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе — тех всех пленили. <...>

Игорь же Святославич в то время находился у половцев и говорил себе постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка Господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не заслуживаю я сочувствия, ибо за злодеяния свои обрек я себя на беды, которые испытываю». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил, и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого из них куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе для святой службы, не зная еще божественного промысла, но полагая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его Господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половчин, по имени Лавр. И пришла ему мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же хранил он высокие помыслы своей юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, опасаясь бесчестия, не бросил тогда дружину свою и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те побуждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то воля божья — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, отступили половцы от Переяславля, и сказали Игорю советники его: «Высокомерие твое не угодно Богу: ты ждешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же не подумаешь о том: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их, испугавшись возвращения половцев, решился он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но нашел удобное время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора[17] с конем поводным[18]», ибо решился бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и смятении, поклонился образу божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, Владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, приподнял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись

и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца[29] одиннадцать дней, а оттуда в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Ярослав возвращению Игоря и обещал помощь. Оттуда отправился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также Рюрик, сват его[30].

(Перевод О. В. Творогова)

Примечания

Рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. был включен в летопись, видимо, уже в конце XII в., до нас он дошел в составе Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в. Другой, более краткий рассказ о том же событии читается в Лаврентьевской летописи 1377 г. Так как летописная повесть и «Слово о полку Игореве» повествуют об одном и том же событии, упоминают одни и те же имена и географические названия, в ряде случаев мы отсылаем к примечаниям к «Слову» (см. выше, с. 105—108).

[1] См. «Слово», прим. 32.

[2] См. «Слово», прим. 46.

[3] См. «Слово», прим. 17.

[4] Хорол — правый приток реки Псел, протекает на территории современной Полтавской области Украины.

[5] Борис и Глеб — см. Словарь.

[6] Троица — см. Словарь.

[7] Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве».

[8] Сула — левый приток Днепра; по Суле проходила граница русских княжеств с Половецкой степью.

[9] Берендеи — кочевое племя, союзники русских князей.

[10] Великий день — Пасха.

[11] Карачев — город на востоке современной Брянской области.

[12] Трубчевск — город на Десне, на юге Брянской области.

[13] Рыльск — город на реке Сейм, в западной части современной Курской области.

[14] Путивль — город на Сейме, в Сумской области Украины.

[15] Ковуи — союзные черниговскому князю половецкие отряды.

[16] Оскол — левый приток Северского Донца.

[17] Сальница — приток Донца, впадавший в него около современного города Изюма.

[18] Сюурлий — река, которую отождествляют с рекой Голая Долина, притоком реки Тор (в районе города Славянска, в Донецкой области Украины).

[19] Здесь перечисляются половецкие орды или родовые объединения.

[20] Игорь вспоминает, как во время предыдущего похода на половцев он, рассорившись с переяславским князем Владимиром Глебовичем, захватил и разграбил принадлежавший тому город.

[21] Некоторые ученые предполагают, что часть воинов Игоря, спасаясь от половцев, доскакала до побережья Азовского моря. Вероятнее всего, речь идет о каком-то большом озере в районе битвы.

[22] Посемье — земли по берегам реки Сейм, притока Десны.

[23] См. «Слово», прим. 46.

[24] Кончак говорит о событиях 1107 г., когда русичами были разбиты полки ханов Шарукана и Боняка.

[25] Эти раны дали о себе знать впоследствии: Владимир Глебович умер еще молодым в 1187 г.

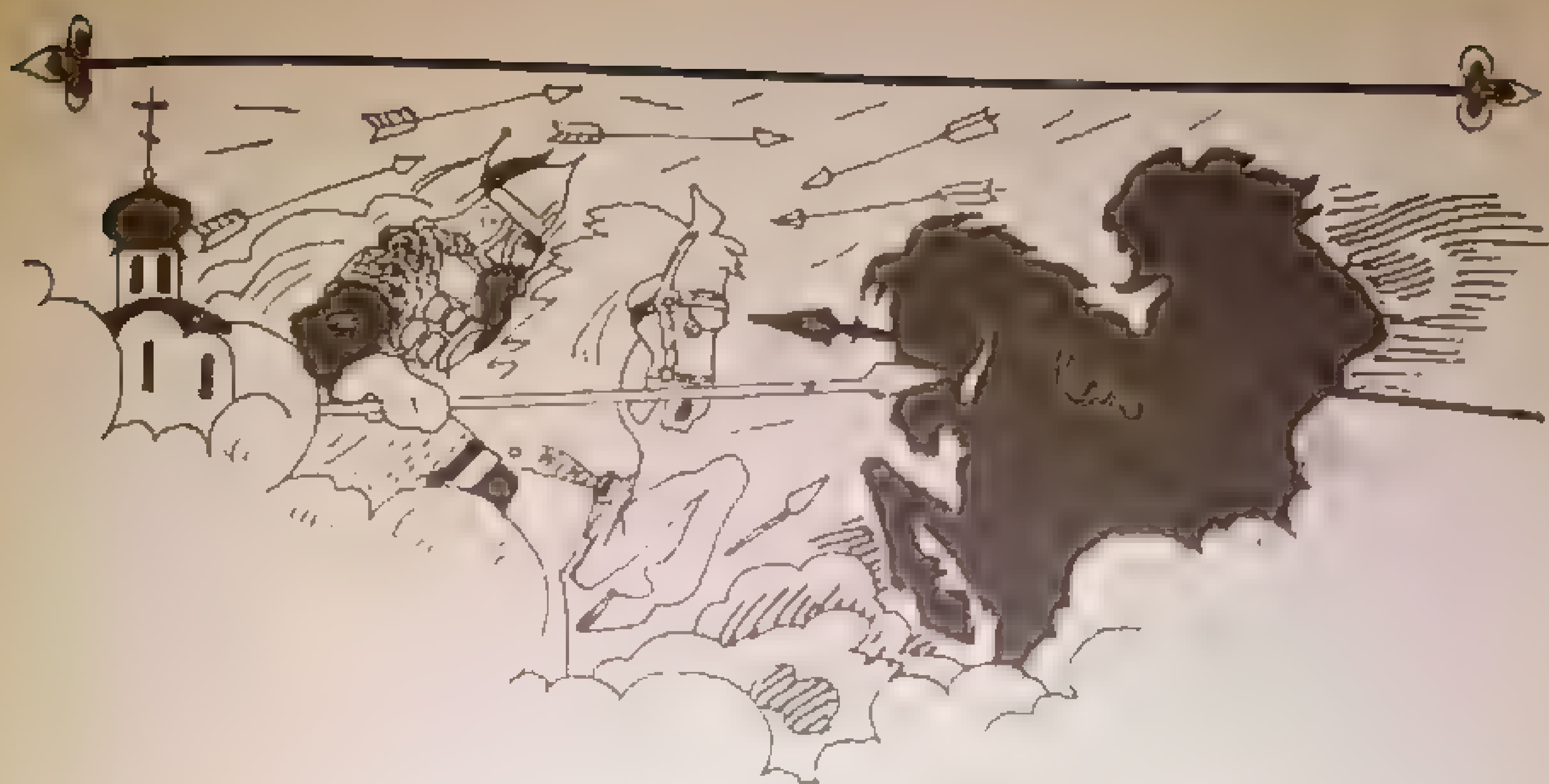
[26] См. «Слово», прим. 42.

[27] В «Слове» помощник Игоря именуется Овлур. Полагают, что это истинное имя организатора побега, летописец же называет его сходным по звучанию христианским именем Лавр.

[28] На Торе, правом притоке Северского Донца, располагались вежи Кончака.

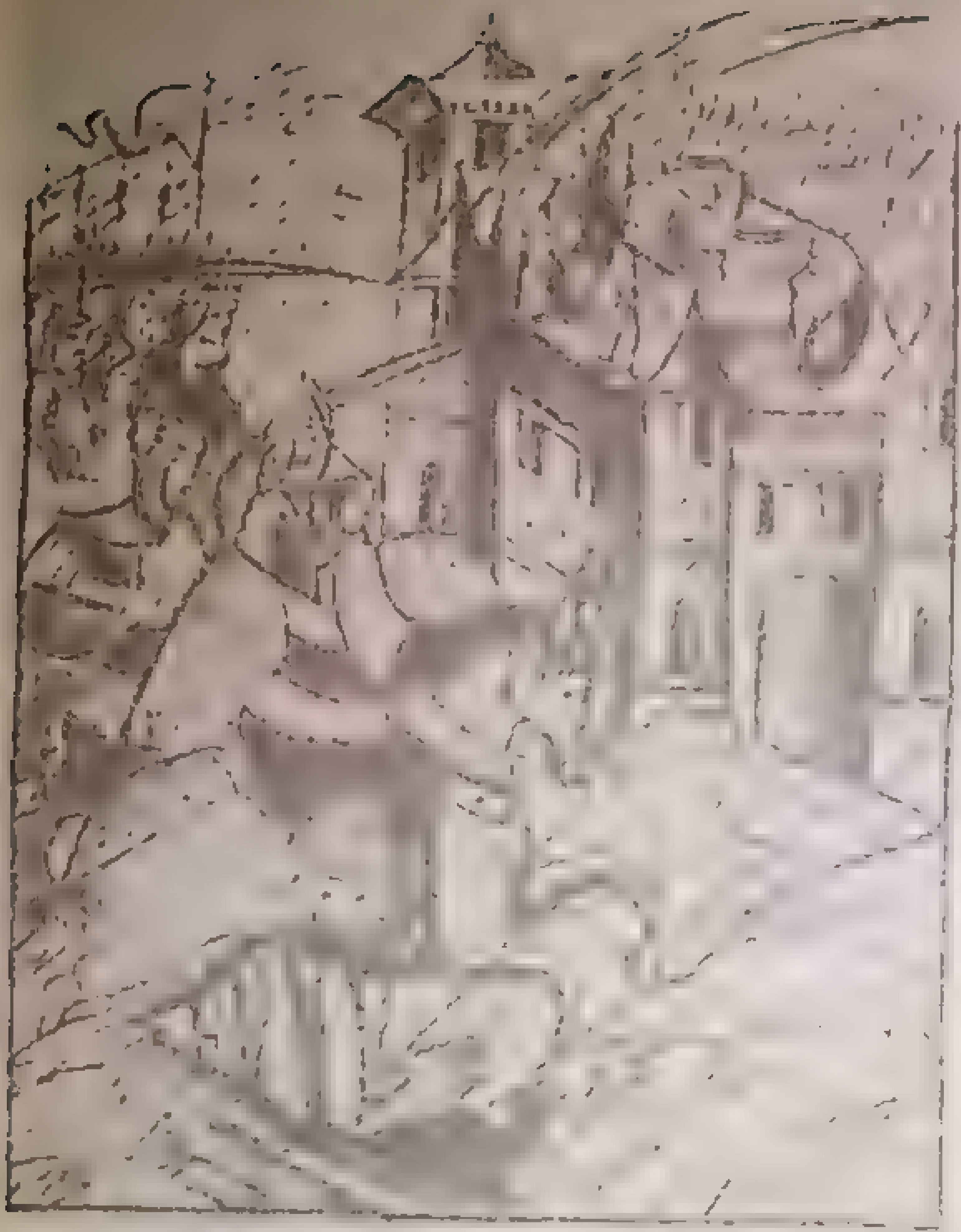
[29] Донец — пограничный город Северского княжества, его городище (археологические остатки) находится недалеко от современного Харькова.

[30] Рюрик Ростиславич (соправитель Святослава Всеволодича) в 1187 г. выдал свою дочь Ярославну за сына Игоря — Святослава.



ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингоревичу[3] Рязанскому, требуя у него десятины во всем: во князьях, и во всяких людях, и во всем остальном. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому[4], прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингоревичем Муромским, и за князем Глебом Ингоревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским[5], и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского[6] к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-гро-



Осада Рязани Батыем в 1237 г. *Миниатюра из Лицевого свода XVI в.*

зился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотою телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов[1] князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как

нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингоревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других [illegible] лучших людей, и стал плакать о них [illegible] княгинями и с братией своей. И плакал [illegible] ня. И едва отдохнул князь от [illegible] стал собирать воинство свое и [illegible] князь великий Юрий Ингоревич [illegible] евод, храбро и мужественно [illegible] зал со слезами: [illegible] мающихся на нас [illegible] стивых и от множества [illegible] темен и скользок. И [illegible] и братия, если [illegible] терпим ли? [illegible] во власти поганых [illegible] шу смертную [illegible] и за отчину [illegible] ча». И пошел [illegible] лицы. И плакал [illegible] и молился великому [illegible] рису и Глебу». И [illegible] рвшине Ростиславе [illegible] и всех священнослужителей. И [illegible] Батыя, и встретили его [illegible] го, и стали биться с ним крепко [illegible] и ужасна. Много сильных полков [illegible] Батый, что сила рязанская [illegible] гался. Но против гнева Божия кто постоит! [illegible] велики были и [illegible] а два — с десятью тысячами. И [illegible] брат его, князь Давыд Ингоревич [illegible] милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем! И [illegible] биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы [illegible] насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингоревич, брат его князь Давыд Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, удальцы и резвецы

рязанские. Все рáвно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел Бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингоревича[11] захватили еле живого. Царь же, увидев многие полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск[12], и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингоревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингоревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан[13], принял венец страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани[14]. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекли. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. И храмы Божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого, все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингоревичем

И услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а от полка Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича[15] своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь взять его живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на́полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков[16], и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами[17], и князьями, и санчакбеями[18], и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат

Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингоревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского [1], сохранен Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингоревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно вскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингоревич нашел тело матери своей, великой княгини Агрипины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых Бог сохранил, и похоронил матерь свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая матерь свою, и братьев своих, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней ничего из благ ее — только дым и пепел, и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингоревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзшие, никем не блюдомые. Звери тела их пое

ли, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингоревич великое множество мертвых тел лежащих, и вскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой погибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозрелые? Уже не подарите сладость душе моей? Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единой грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где сила ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюсь с вами! Светочи мои ярые, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит Бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за весельем плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все ра́вно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, матерь Христа, Бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингоревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингоревича,

Разорение Рязанской земли. *Миниатюра Лицевой свод. XVI в.*

и князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых им, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингоревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингоревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингоревичем в одном гробу. А братьев

своих, князя Давыда Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингоревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте заразила (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского[20]. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пированье скоры, до господарских потех охочи, ратному делу искусны, перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасли они святого корени и Богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии со всяким наставлением духовным. От самих пелен Бога возлюбили. О церквах Божиих усердно пеклись, пустых бесед не вели, непотребных людей отвращались, а с добрыми всегда беседовали, Божественные писания всегда с умилением слушали. Ратным в сражениях страшными являлись, многих супостатов, восстававших на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и лаской своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингоревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича[21]. И обновил землю Рязанскую, и церкви по-

ставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

(Перевод Д. С. Лихачева)

Примечания

Трагические события Батыева нашествия описывались в летописях и отдельно существовавших произведениях, среди которых своим художественным совершенством выделяется так называемая «Повесть о разорении Рязани Батыем», входившая как часть в обширное сказание о перенесении чудотворной иконы Николы Зарайского, почитавшегося как святого покровителя Руси, из Корсуни (Херсонеса в Крыму) в пределы Рязанского княжества. Предания о взятии и разорении Рязани в декабре 1237 г. стали складываться, видимо, вскоре после самих событий, затем были записаны, подвергались литературной обработке и дополнениям и уже в таком виде дошли до нас в рукописных сборниках XVI в.

[1] Батый (Бату) — монгольский полководец.

[2] Русские называли монголо-татар татарами, хотя речь должна была идти о монголах (см. выше, с. 10—11).

[3] Юрий Ингваревич — великий князь Рязанский, погиб в 1237 г.

[4] Георгий (Юрий) Всеволодич — сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимирский в 1218—1238 гг. Погиб в битве с монголами на реке Сити.

[5] Перечисляются рязанские князья, некоторые из них известны нам только по «Повести о разорении Рязани».

[6] Князь Федор Юрьевич (по «Повести» он — сын Юрия Ингваревича) по другим источникам неизвестен.

[7] Пестун — воспитатель юного княжича, он мог оставаться и при взрослом князе как его советник и помощник.

[8] Существовало предание, что в память о гибели княгини, которая, упав, «заразилась» (расшиблась) до смерти, назван город Зараеск (ныне Зарайск на юго-востоке Московской области).

[9] Здесь имеется в виду Игорь Глебович (умер в 1195 г.), отец Юрия Игоревича. Игоря и его братьев вспоминает автор «Слова о полку Игореве» («удалые сыны Глебовы»).

[10] Борис и Глеб — см. Словарь.

[11] По летописям известен Олег Ингваревич — племянник Юрия Игоревича. Он умер в 1258 г. Сын его Роман действительно был замучен в Орде, описания гибели Олега в «Повести» и Романа в летописи очень сходны.

[12] Пронск — город на западе Рязанской области; разрушенные Батыем Белгород и Ижеславец не возродились

[13] Стефан — один из первых христианских мучеников.

[14] Рязань находилась на берегу Оки вблизи от современного города Спасск-Рязанский. Современная Рязань — это бывший город Переяславль Рязанский, переименованный в Рязань в 1778 г.

[15] Шурич — шурин, брат жены

[16] Пороки — стенобитные машины, тараны

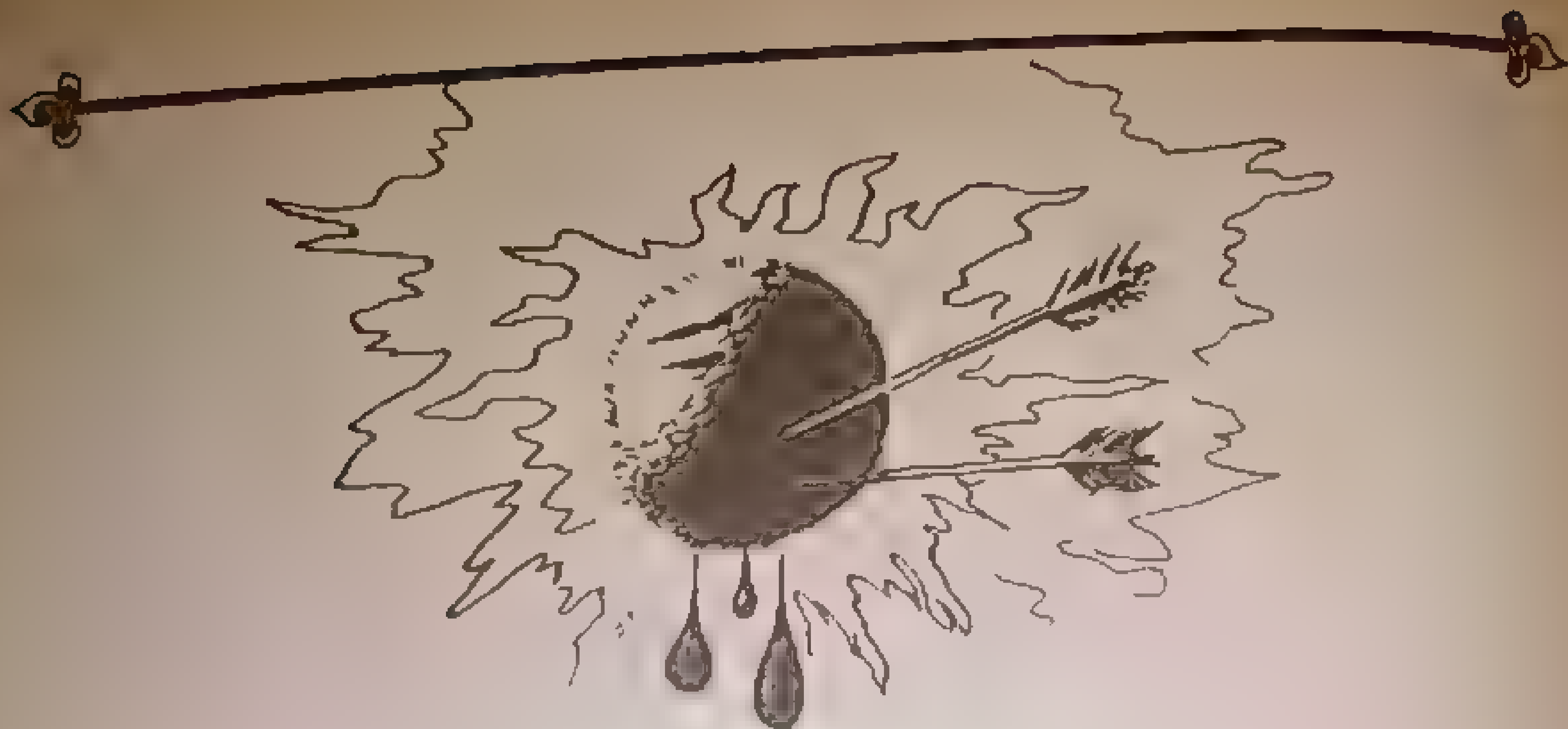
[17] Мурза — крупный феодал, глава рода

[18] Санчакбей — военачальник.

[19] Михаил Всеволодич, дальний родственник рязанских князей, в 1224—1231 гг — черниговский князь. В 1246 г. был убит в Орде.

[20] Это указание ошибочно: рязанские князья — потомки Ярослава Святославича (брата Олега — Олега Гориславича). Святослав Ольгович — отец Игоря, героя «Слова» — приходился Ярославу племянником

[21] Ингваря (Игоря) Святославича среди рязанских князей не было, речь идет, видимо, об Игоре Глебовиче. Кто княжил в Рязани после ее разгрома Батыем, неизвестно. Первый упоминаемый в летописях рязанский князь — Олег Ингваревич, возвратившийся в город из Орды в [illegible]



СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава[1]

О, светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами украшена ты: дивными озерами многими дивишь ты, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверями разнообразными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами монастырскими, храминами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего ты преисполнена, земля Русская! О правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов[2], до чехов, от чехов до ятвягов[3], от ятвягов до литовцев, до немцев[4], от немцев до карелов, от карелов до Устюга[5], там, где тоймичи поганые[6], и за Дышащим морем[7], от моря до болгар[8], от болгар до буртасов[9], от буртасов до черемисов[10], от черемисов до мордвы — то все было Богом покорено христианскому народу, поганые эти страны — великому князю Всеволоду[11], отцу его Юрию[12], князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху[13], которым половцы своих детей пугали в колыбели. А литва из болот на свет не показывалась, а угры укрепляли каменные стены железными воротами, чтобы в них великий Владимир не въехал, а немцы радовались, что они далеко за Синим морем. Буртасы, черемисы, вяда[14] и мордва бортничали[15] на князя великого Владимира. А господин Мануил Царьградский[16] на то полагался, что великие дары посылал к нему, лишь бы великий князь Владимир у него Царьграда не отнял.

А в те дни беда была христианам — от великого Ярослава и до Владимира, до нынешнего Ярослава[17], и до брата его Юрия[18], князя Владимирского ...

(Перевод О. В. Творогова)

Примечания

«Слово о погибели», по всей вероятности,— начало какого-то не дошедшего до нас полностью произведения, посвященного трагическим событиям — нашествию Батыя в конце 30-х гг. XIII в. Вспоминая о былом могуществе Русской земли и ее красоте и богатстве, автор, вероятно, противопоставлял прошлому настоящее — разоренные города и села, сожженные храмы и монастыри, убитых в боях грозных князей, честных бояр и многих вельмож. Своей художественностью и лиричностью «Слово о погибели» напоминает другое прекрасное произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», что дает основание относить оба памятника к одной литературной школе.

[1] Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) — великий князь киевский в 1019—1054 гг. В годы его княжения Русь значительно окрепла, завязала [illegible]

[2] Ляхи — поляки

[3] Ятвяги — литовское племя

[4] Здесь имеются в виду, вероятно, шведы

[5] Устюг — ныне Великий Устюг, город на северо-востоке Вологодской области

[6] Тоймичи — племя, жившее по берегах Верхней и Нижней Тоймы, притоков Северной Двины, поганые — т. е. язычники.

[7] Дышащим морем называли Белое море и Северный Ледовитый океан.

[8] Речь идет о [illegible]

[9] Буртасы — мордовское племя.

[10] Черемисы — марийцы

[11] Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), с 1176 г. великий князь Владимиро-Суздальской земли

[12] Юрий Владимирович Долгорукий (1090-е гг.— 1157) — сын Владимира Мономаха, князь Ростово-Суздальской земли, в 1155—1157 гг. — великий князь Киевский.

[13] Владимир Всеволодович Мономах — один из выдающихся русских князей, великий князь Киевский в 1113—1125 гг.

[14] Вяда — одно из мордовских племен.

[15] Бортничать — собирать мед диких пчел.

[16] Мануил Комнин — византийский император (1143—1180 гг.). Его упоминание в этом контексте загадочно: во-первых, он не был современником Мономаха, во-вторых, в годы его правления, да и ранее Русь никогда не угрожала захватом Константинополя. На сестре Мануила был женат вторым браком Юрий Долгорукий, от этого брака у него родился Всеволод

[17] Ярослав Всеволодович (1191—1246 гг.) — сын Всеволода Большое Гнездо. В 1236 г. княжил в Киеве, после гибели брата Ярослава стал великим князем Владимирским (1238—1246)

[18] Юрий — брат Ярослава, великий князь Владимирский с 1218 по 1238 г. Погиб в битве с татарами на р. Сить

5 Заказ 1183



ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

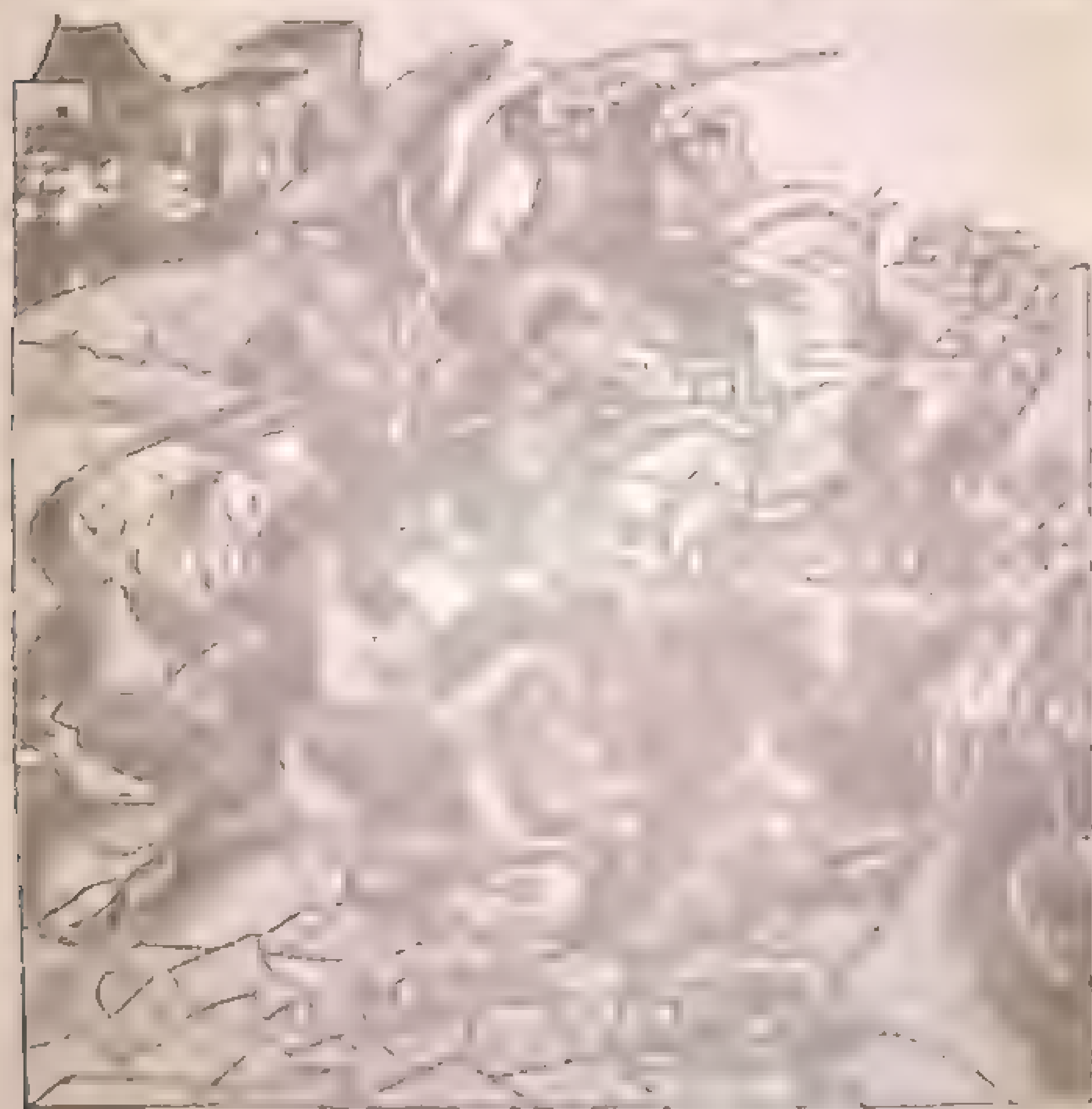
Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник[2]: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, помолившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк[3]: «Так говорит Господь: „Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду"». И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа[4], которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона[5], и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана[6], который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и обратил выступивших против него вспять, к городу, к городским воротам, и посмеялся над



[illegible]

дружиною своею, и укорил его, сказав: «Оставил меня одного». Так же и князь Александр — победитель, но непобедимым был.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская[9], желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской[11] из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца[12], который сказал: „Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо“». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую Троицу[13].

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу[14].

И был один муж, старейшина земли Ижорской[15], именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые.

Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услы-

шав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего[16]. Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй — по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, увидев падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии царе[17]. Когда пришел Сеннахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на другом берегу реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город[18] на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел



Взятие города Суздаля Батыем
Миниатюра Лицевой свод XVI в.

и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков[1] и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество,

а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя[21], сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди спор мой с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика[22] и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка»[23].

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью[24].

А это слышал я от очевидца, который рассказал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство. Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона[25]. А того, кто сказал «Захватим Александра», — отдал Бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в стане его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием крестным освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского[26] и до гор Араратских[27] и по ту сторону моря Варяжского[28] и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однаж-

ды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь[29], которому покорил Бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой[30]. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские[31] начали стращать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл[32]. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшого брата его, Андрея, и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую[33]. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою, и продлил Бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы[34] из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: „Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем“».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от разделения народов до начала Авраама[35], от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа[36] и до Христова рождества, от рождества и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова[37], от начала царст-

вования Константинова до первого собора и седьмого[18] — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, преследовали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе тяжкой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то и в гроб бы сошел с ним!

Много потрудившись Бога ради, оставил он царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять — схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибаем!» Святое же тело Александра повезли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, так что и земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритии, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивился тому чуду,

ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил Бог угодника своего.

(Перевод В. И. Охотниковой)

Примечания

«Повесть о житии Александра Невского» не является развернутой биографией князя: в ней рассказывается подробно лишь о некоторых значительных эпизодах из жизни выдающегося государственного деятеля и полководца, возглавлявшего Русское государство в самый сложный период его истории. Повесть написана, вероятно, каким-то книжником (то есть человеком, занимавшимся литературным трудом), приехавшим во Владимир из Галицко-Волынской Руси вместе с митрополитом Кириллом и лично знавшим Александра. В Повести сочетаются литературные приемы, свойственные житиям святых, так как Александр был почитаем как святой, и элементы воинской повести, особенно заметные в описании сражения со шведами и ливонскими рыцарями.

[1] Александр Ярославич (1221—1263 гг.; год рождения уточнен историком В. А. Кучкиным) — сын Ярослава Всеволодича, внук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. С 1236 г. Александр княжил в Новгороде, с 1252 г. и до смерти был великим князем Владимирским.

[2] Имеется в виду Соломон. См. Словарь.

[3] Исайя — один из ветхозаветных пророков.

[4] Иосиф — один из героев Ветхого завета (см. Словарь), отличавшийся красотой.

[5] Самсон — ветхозаветный герой, обладавший огромной силой. В Петергофе (под Петербургом) главный парковый фонтан изображает Самсона, руками разрывающего пасть льву.

[6] Веспасиан — римский император (69—79 гг.), упоминается его обращение к римским воинам, осаждавшим иудейскую крепость Иотапату.

[7] Западной страной именуется здесь Ливония — союз прибалтийских государств, сильнейшим из которых был Ливонский рыцарский орден.

[8] Имеются в виду рыцари Ливонского ордена.

[9] В Библии рассказывается, как царица аравийского государства Савы посетила Иерусалим, чтобы увидеть славившегося своей мудростью царя Соломона (см. Словарь).

[10] Андрей фон Фельвен — магистр (глава) Ливонского ордена в 1240—1241 гг.

[11] Страной Римской (то есть католической) названа здесь Швеция. Шведский король Эрих Эриксон отправил на новгородские земли воинов под предводительством ярла (полководца) Ульфа Фаси.

[12] Песнотворец — то есть Давид (см. Словарь).

[13] Троица — см. Словарь.

[14] Борис и Глеб — см. Словарь.

[15] Ижорская земля — территория по южному берегу Финского залива и левому берегу Невы; она входила во владения Новгорода.

[16] Битва со шведами (здесь они именуются римлянами, см. прим.) произошла 15 июля 1240 г. у впадения в Неву ее левого притока Ижоры, примерно в 6—7 км от южных окраин современного Петербурга. Король в походе не участвовал, речь идет о шведском военачальнике.

[17] Шнек — разновидность судна.

[18] В Библии рассказывается, как ангел помогал иудейскому царю Езекии (715—687 гг. до н. э.), отражавшему нападение ассирийского царя Синаххериба на Иерусалим.

[19] Ливонские рыцари возвели в 1241 г. крепость Копорье, ее руины находятся в одноименном поселке в 50 км к западу от Петербурга.

[20] Псков был захвачен рыцарями в 1240 г., а освобожден Александром в марте 1242 г.

[21] Давид — см. Словарь.

[22] Моисей (см. Словарь) [illegible] вождя племени амаликитян.

[23] Вспоминается о победе Ярослава Мудрого над Святополком в 1119 г. (см. Житие Бориса и Глеба выше, с. 52—53).

[24] Описывается Ледовое побоище 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера.

[25] В Библии рассказывается, как стены неприступной крепости Иерихона, осажденной войсками Иисуса Навина, рухнули от звука боевых труб.

[26] Хонужское море — Каспийское.

[27] Арарат — гора в северной части Турции, недалеко от границы с Арменией.

[28] Варяжское море — Балтийское.

[29] Речь идет о Батые.

[30] Владимир был стольным городом великих князей.

[31] То есть монгольские женщины; согласно Библии, восточные народы произошли от сына Лота — Моава.

[32] Кирилл — киевский митрополит, в 1252 г. он приехал во Владимир, где оставался, вероятно, до смерти Александра.

[33] Нашествие Неврюя было в 1252 г., когда ордынским ханом был сын Батыя Сартак.

[34] Римский папа Иннокентий IV (1243—1254 гг.) посылал во Владимир своих послов, предлагая Александру перейти в католическую веру.

[35] Авраам — см. Словарь.

[36] Август — Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), римский император.

[37] Константин Великий — см. Словарь.

[38] Упоминаются Вселенские церковные соборы, на которых решались важнейшие вопросы вероисповедания.

[39] Дмитрий Александрович (1250(?) —1294 гг.), с 1276 г.— великий князь Владимирский.

[40] Юрьев — ныне Тарту в Эстонии, был взят в 1262 г.

[41] Городец — город на Волге, недалеко от Нижнего Новгорода.

[42] Боголюбово — княжеское село под Владимиром.

[43] В 1724 г. мощи Александра были перевезены в Петербург и положены в посвященном его памяти соборе (Александро-Невской лавре).



ЗАДОНЩИНА

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче[1], как победили супостата своего царя Мамая[2]

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича[3] и сказал: Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую[4] землю. Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хиновене[5] — поганые татары, бусурманы[6]. Вот они-то на реке Каяле[7] и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили все дома свои, жен и детей, и все достояние свое и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую. Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича

и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше, ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать об их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве[8]. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу[9].

Я же помяну рязанца Софония[10] и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет. И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое[11]. Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове[12], стоят знамена русские у Дона Великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода[13] и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи[14], между Чуровом и Михайловом, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

Куликовская битва. *Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.*



И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!

И соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пением своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы[17]. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы[18] немецкие о кольчуги басурманские!

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве[19]. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве[20], меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном[21] побывала. А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок[22] из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Влади-

мир Андреевич полки устанавливает и ведет их к Великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские[23] Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские[24], а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские[25], а мечи булатные, а пути им известны, а переправы для них наведены, и все, как один, готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стаям гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див[26] в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду[27] на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на рождество святой Богородицы[28].

Не туры возревели у Дона Великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона Великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские: Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца[29], брянского боярина, на судное место[30]

привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона Великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда, и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах[1] стен московских, так причитая: «О, Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте, на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры[12] запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях». В тот же день, в субботу, на рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храбрую дружину нашу много перебили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора вовеки, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремительно полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и выхода нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля Татарская, бедами и горем исполнившись, пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья

и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Одолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. А наказал Бог Русскую землю за ее прегрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят к Лукоморью, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!» Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога, у Дона Великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, сколько у нас воевод нет и сколько молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михаило Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских,

тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!

Богу нашему слава.

(Перевод Л. А. Дмитриева)

Примечания

О битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 г., в которой объединенные силы русских княжеств под руководством Дмитрия Донского разгромили полки золотоордынского полководца Мамая, рассказывалось в летописях, а также в двух специально посвященных этой теме произведениях: поэтической «Задонщине», написанной под сильным влиянием «Слова о полку Игореве», и «Сказании о Мамаевом побоище», отрывки из которого приводятся ниже.

Во всех списках «Задонщины» много ошибочных, искаженных чтений и пропусков. Поэтому перевод осуществлен известным знатоком древнерусской литературы Л. А. Дмитриевым по им же реконструированному тексту памятника.

[1] Дмитрий Иванович (1350—1389 гг.), с 1363 г. — великий князь Московский и Владимирский. Владимир Андреевич, князь Серпуховско-Боровский (1353—1410 гг.) — двоюродный брат Дмитрия, его постоянный соратник.

[2] Мамай — см. Словарь.

[3] Микула Васильевич — московский воевода, свояк Дмитрия Донского (их жены были сестрами).

[4] Залесская земля — обиходное название северо-восточных русских княжеств, данное им еще во времена Киевской Руси.

[5] По библейской легенде, после всемирного потопа земля была поделена между сыновьями праведника Ноя — Симом, Хамом и Иафетом, при этом Симу достались восточные земли (в Азии), а Иафету — северные (в Европе).

[6] Обозначение восточных народов — «хинова» — заимствовано из «Слова о полку Игореве»; басурманами на Руси называли магометан, татарами — всех жителей Золотой Орды (см. выше, с. 10—11).

[7] Каяла — река, на которой потерпел поражение в 1185 г. Игорь Святославич, упомянута в «Задонщине» (под влиянием

«Слова...») ошибочно вместо реки Калки, на которой монголы нанесли в 1223 г. поражение объединенным русско-половецким полкам.

[8] Имя Бояна — след подражания «Слову...».

[9] Софоний, видимо, был автором какого-то произведения о Куликовской битве, известного автору «Задонщины».

[10] Упоминаются киевские князья: Игорь (умер в 945 г.), Владимир Святославич (умер в 1015 г.) и его сын Ярослав Мудрый (умер в 1054 г.).

[11] В произведениях о Куликовской битве упоминаются давние враги — половцы: это литературное влияние летописных рассказов о русско-половецких войнах XI—XII вв.

[12] Коломна и Серпухов — города на Оке, крепости, прикрывавшие Москву с юга.

[13] Участие новгородцев в Куликовской битве в летописях не отмечено.

[14] Меча — ныне Красивая Меча, правый приток Дона.

[15] Речь идет о сыновьях великого князя Литовского Ольгерда, перешедших еще перед 1380 г. на службу к Дмитрию Ивановичу.

[16] Дмитрий Боброк Волынский — воевода Дмитрия.

[17] Упоминаются предки литовских князей: Гедимин (княжил с 1316 по 1341 г.) и Скирмунт — один из князей XIII в.

[18] Сулица — короткое метательное копье.

[19] Москву стали называть белокаменной после возведения в 1367 г. кремлевских стен из белого камня.

[20] Непрядва — правый приток Дона, протекающий в южной части современной Тульской области.

[21] В «Слове о полку Игореве» говорится: «О Русская земля! Уже за шеломянем еси!», где «шеломя» — возвышенность, холм. Автор «Задонщины» принял это слово за имя библейского царя Соломона.

[22] Колодки — бруски с насестом, на которых держали привязанных охотничьих соколов.

[23] Белозерское княжество располагалось в западной части современной Вологодской области.

[24] Черкасские — то есть черкесские; черкасами называли адыгейцев, жителей Северного Кавказа.

[25] Фрягами в Древней Руси именовали итальянцев.

[26] Образ фантастического существа Дива заимствован «Задонщиной» из «Слова о полку Игореве».

[27] Упоминаются Железные врата — Дербент в Дагестане, Орнач — город, находившийся в устье Дона, Кафа — генуэзская колония в Крыму (на месте нынешней Феодосии), Тырнов — столица Болгарского царства и столица Византии — Константинополь.

[28] Рождество Богородицы отмечалось 8 сентября.

[29] Пересвет — по преданию, монах Троицкого монастыря, посланный к Дмитрию Донскому Сергием Радонежским. Из того

же предания следует, что Пересвет был в прошлом брянским боярином.

[30] Судное место — место «божьего суда». В данном случае — поле битвы, где решалась судьба воинов.

[31] Забрала — см. Словарь.

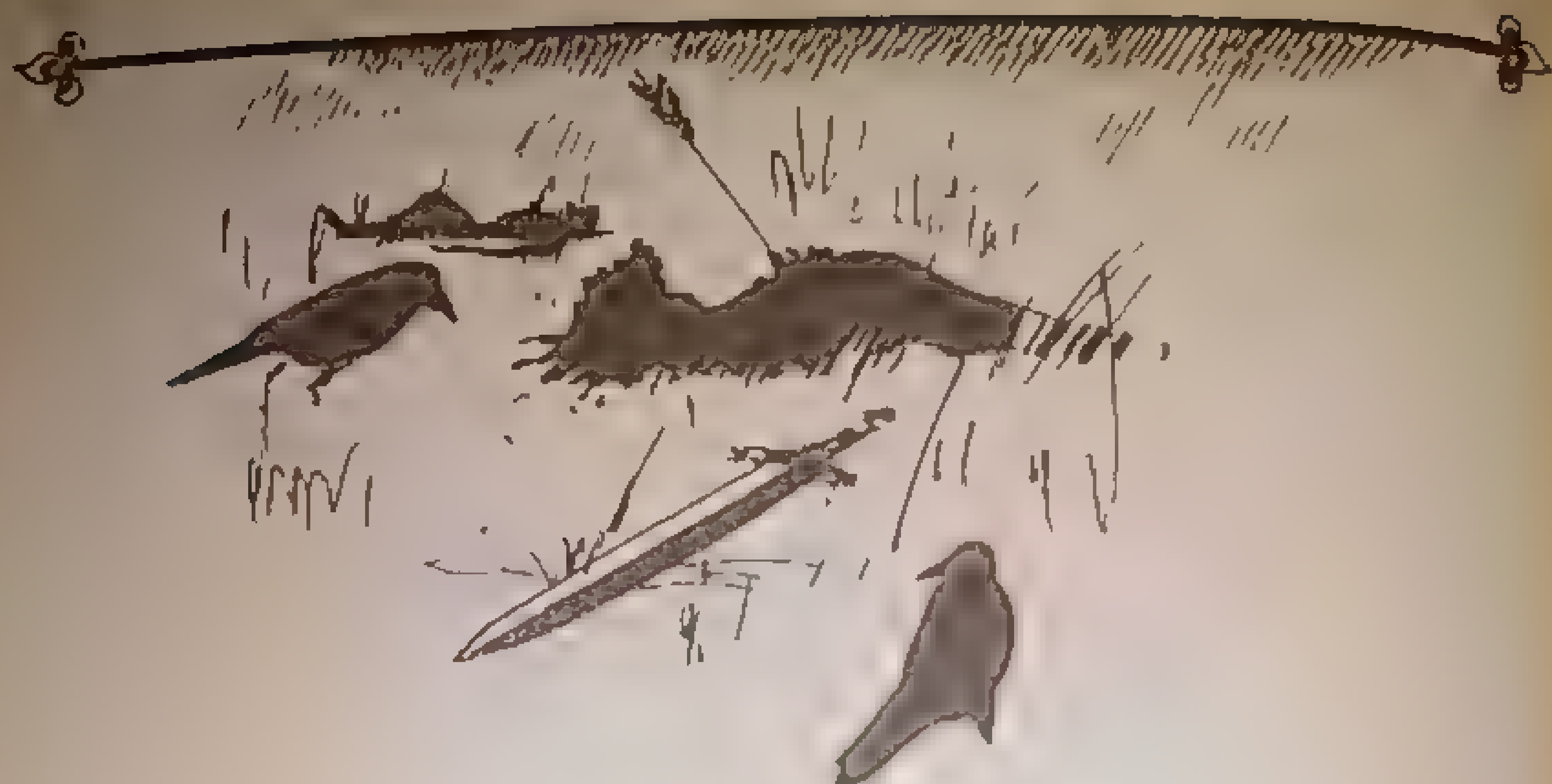
[32] Щур — певчая птица.

[33] Память родителей Богородицы Иоакима и Анны отмечалась 9 сентября.

[34] В древнерусском тексте «Уже бо ста тур на оборонь». Эта непонятная фраза — переделка фразы из «Слова о полку Игореве»: «Яр Туре Всеволоде! Стоиши на борони...»

[35] Узорочья — драгоценности, дорогие одеяния, предметы

[36] Михаил Александрович — возможно, боярин Владимира Андреевича Серпуховского.



ИЗ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий[1] пойти навстречу безбожным татарам. И, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы пред образом Господним, сложив руки на груди, потоки слез проливая, молясь, и сказал: «Господи Боже наш, Владыко великий, твердыня, воистину ты — царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, к нему спасителю и благодетелю, ибо твоею рукою созданы мы. Но знаю я, Господи, что прегрешения мои уже покрывают голову мою, и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, Господи, притесняющих меня и оборони от борющихся со мною, возьми, Господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, Господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою».

И, окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану[2], архиепископ же благословил его и отпустил в поход против поганых татар, и, перекрестив ему чело, осенил его Христовым знамением и послал богосвященный собор свой с крестами, и со святыми иконами, и со священной водою во Фроловские ворота, и в Никольские, и Константино-Еленинские[3], чтобы каждый воин вышел благословенным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила[4] и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: «Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители

Текст «Сказания о Мамаевом побоище»
Рукопись XVI в.

наши! Если имеете дерзновение пред Христом, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, и ныне помогите нам». И, это сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жены слуг так же совершили со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, в сердце же своем сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: «Жена, если Бог за нас, то кто против нас?» И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему указывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок из каменного града Москвы, и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами, захотели ударить на большие стада лебединые и гусиные; то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удальцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую. <...>

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею

Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке[7] под стекольчатыми окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: «Господи Боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, Господи, своею твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами[8], с агарянами[9], и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, Господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской битвы и страшного побоища татарского и доныне еще уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемилостивого Бога, ибо можешь ты оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия[10], если встанет солнце с юга или ветер повеет к западу — ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать». <...>

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за двадцать три поприща[11] от Дона, настал уже пятый день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича[12]), и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олексин, привели знатного языка из числа сановников царского двора. Рассказывает тот язык: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского[13] да Олега Рязанского[14]; из посланий же, посланных от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи с тобой не ожидает, через три же дня должен он быть на Дону». Князь великий спросил его о силе царской, и тот ответил: «Несчетное множество войск его сила, никто их не сможет пересчитать».

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями[15]: «Здесь ли и дальше останемся или Дон перейдем?» Сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь крепкого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у кого мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе Бог, но в правде. Ярослав, перейдя реку, Святополка победил[16], прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил[17], и тебе, призывая Бога, следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем — от князей и до простых людей. Тебе же, государю великому князю,

ныне нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы теми словами крепился дух войска твоего: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоем». И князь великий приказал войску всему через Дон переправляться.

А в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. И многие сыны русские возрадовались радостью великою, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стеклось на место то, завывая страшно все ночи напролет, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли. Ведь как никогда много полков собралось, [illegible] перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, [illegible] клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, Богом предопределенного, в который [illegible] тела человеческие, [illegible] прольется, словно вода морская. От того [illegible] деревья клонятся и трава [illegible]. Многие [illegible] обоих войск печалятся, предвидя свою смерть.

Начали же [illegible] о конце своей жизни [illegible] память о них [illegible] прекрасных [illegible] ный игумен Сергий[18]. <...>

Князь же великий, [illegible] мира, и литовских [illegible] въехав на высокое место [illegible] знаменах, будто какие [illegible] ся в ясный [illegible] облака, [illegible] трепещут, словно [illegible] русские стоят, и их хоругви [illegible] же русских сынов [illegible] светятся, [illegible] колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть таких устроение русских и строй их, ибо все единодушны, один за другого, друг за друга хотят умереть, и все в один голос говорят: «Боже, с высоты взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константину, победу, брось под ноги ему врагов амалекитян, как некогда кроткому Давиду[20]». Всему этому дивились литовские князья, говоря себе: «Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску, мужеством подобны Гедеоновым всадникам[21], ибо Господь своей силой вооружил их!»

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором был вышит образ владыки Господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: «О владыка-вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от рабства у дьявола. Вслушайся, Господи, в слова молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, Господи Иисусе Христе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и всем святым, угодникам твоим, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеясь, дерзаем взывать и славить святое и прекрасное имя твое, и Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам разъезжать с князьями и воеводами и каждому полку говорил: «Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до велика! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился. В эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще в Москве мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на Бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не мешкая пойдут на нас поганые сыроядцы».

Ибо ночь уже наступила светлого праздника Рождества святой Богородицы. Осень тогда затянулась и днями светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просвещенная».

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в ночь эту примету свою испытать», а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собой великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и повернувшись к татарской стороне, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; в тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны каркают и гомон птичий, громкий очень, а по левой стороне будто горы шатаются — гром страшный, на реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышим, брат, — гроза страшная очень», и ответил Волынец: «Призывай, княже, Бога на помощь»

И повернулся он к войску русскому — и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: «Видишь ли что-нибудь, княже?» Тот же ответил: «Вижу: много огненных зорь поднимается...» И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения, только Бога призывай и не оскудевай верою!»

И снова сказал: «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?» Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же — к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина, громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева, вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметами битв проверил, оттого теперь и полагаюсь на милость Божию — молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христолюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет».

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: «Господу Богу все возможно: всех нас дыхание в его руках!» И сказал Волынец: «Не следует тебе, государь, об этом войску рассказывать, но только каждому воину прикажи Богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на врагов, которые утром свидятся с нами».

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке на Чуре и за мужество его для надежной охраны от поганых. Его исправляя, Бог удостоил его в ту ночь видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое весьма, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, у обоих в руках острые мечи, и сказали предводителям войска: «Кто вам велел истреблять отечество наше, которое нам Господь даровал?» И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома с тех пор стал целомудрен и благоразумен, уверовал в Бога, а о том видении рассказал наутро одному великому князю. Князь же великий сказал ему: «Не говори того, друже, никому», — и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: «Владыко Господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликетян[25], и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, захотевшего разорить отечество его. Не

по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милосердие свое, не отдай нас на посмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: «Где же Бог, на которого они так надеялись?» Но помоги, Господи, христианам, ими ведь славится имя твое святое».

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших знатоков из своей свиты, удалых витязей, крепких воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник Рождества святой Богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеваться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже кони у русских взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под знаменем своим. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боброка Волынца.

Когда же наступил второй час дня[96], начали звуки трубные обоих полков сливаться, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, ибо никогда не было стольких людей на месте том.

Князь же великий пересел тогда на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, и слезы потоками текли из очей его: «Отцы и братья мои, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная, и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и спаситель душ наших».

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя черное, и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него возложил, ибо любил он его сверх меры, и знамя свое черное повелел оруженосцу своему над ним держать. Под тем знаменем и убит был Бренк вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем и, сняв с груди своей животворящий крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек животворящего древа, восплакал горько и сказал: «Итак, на тебя надеемся, животворящий господень крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые но

ловцы твоему образу противостоять; так, Господи, и покажи милость свою на рабе твоем!»

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия[28], а в грамотах написано: «Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному войску — мир и благословение!» Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав послание с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твердыми доспехами. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой Богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простер руки свои, вскричав громогласно: «О великое имя всесвятой Троицы, о пресвятая госпожа Богородица, помогай нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе Боже, помилуй и спаси души наши!»

И сел на лучшего своего коня и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: «Не следует тебе, великому князю, самому в битву вступать! Тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам подобает биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя Господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в сей день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своею головой, память сотворить, как Леонтий царь Феодору Тирону[29], в книги соборные записать наши имена[30], чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминание устроит? Если все спасемся, а тебя одного лишимся, то какой нам успех? И будем как стадо овечье, не имеющее пастыря: бредет оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда. Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы Божии. [illegible] Кто больше меня из русских сынов почтен был и благ беспрестанно принимал от Господа? А ныне зло нашло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного это все и воздвиглось. Не могу видеть вас, побеждаемых, и всего, что последует, не смогу перенести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью погибнуть за святую веру христианскую! Если умру — с вами, если спасусь — с вами!»

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодич да брат его князь Владимир Всеволодич[31], а с правой руки полк ведет Микула Васильевич

с коломенцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганых стекаются со всех сторон: от множества войск нет им места, где сойтись. Безбожный же царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, смотрит на пролитие крови человеческой.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег[2] из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: «Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!» И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня! Чаду моему Якову — мир и благословение!» — бросился на печенега и воскликнул: «Игумен Сергий, помоги мне молитвою!» Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и упали оба с коней на землю и скончались.

Увидев, что настал третий час дня, князь великий промолвил: «Вот уже гости наши приблизились и передают друг другу круговую чашу, первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули[3], ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать». И стегнул каждый воин своего коня, и воскликнули все единогласно: «С нами Бог!» и еще: «Боже христианский, помоги нам!», а поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликовом: было то поле тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мгновение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий Божьих! Воля Господня свершается! И третий час, и четвертый, и пятый, и шестой крепко и неослабно бьются христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по Божьему попущению и за наши грехи стали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще

и Божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не были они истреблены Божьей милостью, а еще больше укрепились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича, он поведал великому князю, говоря: «В шестом часу этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из него же вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими <...> В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую погибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас будет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, неотвратимо погибают от рук поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет, ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благорожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим должное противникам нашим. Ныне только повели каждому воину Богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этого часа станет приходить благодать Божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: «Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помоги роду христианскому! Не допусти, Господи, чтобы радовались враги наши бедам нашим, немного нас накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно!» Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званные на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запретил им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!»

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!» и добавил: «Братья мои, други, смелее: сила Святого Духа помогает нам!»

Единомысленные же други его выскочили из дубравы зеленой, словно соколы опытные сорвались с золотых колодок, бросились на великие стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены мудрым воеводой Дмитрием Волынцем, и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

6 Заказ 1163

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, Русь снова перехитрила: младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули назад поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою Святого Духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, преследуя, секли их, точно лес вырубали — будто трава под косой русских сынов ложится под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, вопя: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!» И многие раненые наши, и те помогали, рубя поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса, и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила Святого Духа, точно огонь, пожигает их.

И Мамай, увидев свежих воинов, которые, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нас не ждет, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в Лукоморье, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамая свежи кони его, и ушел он от погони.

И все это случилось по милости Бога всемогущего и пречистой матери Божьей и молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей разбойник, когда в охраненье стоял, как уже написано выше. Некоторые же гнались за татарами и, всех добив, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и грустно видеть и горько смотреть на человеческое кровопролитие — как вода морская, а трупы человеческие — как стога сена: быстрый конь не может скакать, и бредет в крови по колено, а реки три дня кровью текли. Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей и приказал сбор трубить в трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам сам стал ездить, и не сыскал, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?» И добавил: «Если пастух погиб, то и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?»

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что если среди мертвых трупов лежит?» Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу крепко бьющимся

с погаными налицею своею». Еще один сказал: «Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же крепко бился с ними». Некий князь, именем Стефан Новосильский, сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим он шел с побоища, весь израненный. Оттого не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью Божьей едва от них спасся, а много зла от них претерпел и очень измучился».

Князь же Владимир сказал: «Братья и друзья, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот [illegible] первым будет среди нас!» И рассыпались все по [illegible] грозному [illegible] сильного боя, ища победы [illegible]. И [illegible] из них набрели на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит он в [illegible] и в шеломе, что дал ему [illegible]; другие же набрели на убитого князя Федора Семеновича Белозерского, [illegible] его [illegible] ликого князя, потому что был похож на него.

Два же каких-то [illegible] в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом [illegible]. [illegible] от поля битвы [illegible] набрели на великого [illegible] бевшего, лежал он в [illegible]. И увидели его и, [illegible] вернулся поведать [illegible] В[illegible]: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!»

Все князья и воеводы [illegible] лись к нему и пали в ноги, говоря: «Радуйся, князь наш, ты — древний Ярослав, [illegible] этой честь тебе [illegible] рил». «Что там, поведайте мне». [illegible] Владимир: «Милостью Божьей и пречистой [illegible] сродников наших святых мучеников Бориса и Глеба и молитвами русского святителя Петра и [illegible] живущего, игумена Сергия, [illegible] побеждены, мы же спасены».

Князь же великий, услышав это, [illegible] и сказал: «Сей день сотворил Господь, возрадуемся [illegible], люди!» И [illegible] сказал: «В сей день господень веселитесь, люди! Велик ты, Господи, и дивны дела твои [illegible] ро — радость!» И добавил: «Благодарю тебя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не [illegible] нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое; так суди их, Господи, по делам их, я же, Господи, надеюсь на тебя!»

И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное поле битвы, увидел убитых множество из войска своего, а поганых татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волынцу, сказал: «Воистину, Дмитрий, не ложна примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть».

И поехал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами по месту побоища, восклицая от боли сердца своего и сле-

зами обливаясь, и говорил: «Братья, русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам Господь Бог такою смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство». И проехав немного, подъехал к месту, где лежали вместе убитые князья белозерские: так яростно они бились, что один за другого погибли. Тут же поблизости лежал убитый Михаил Васильевич. Став же над ними, любезными ему воеводами, князь великий начал плакать и говорить: «Братья мои князья, сыны русские, если имеете дерзновенье перед Богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у Господа Бога быть, ибо знаю, что послушает вас Бог!».

И дальше поехал, и нашел своего любимца Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них — Тимофей Волуевич убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: «Брат мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно идущий, воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил»[40]. Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: «Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражей». Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: «Видите, братья, начинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу».

И отъехав на другое место, повелел он трубить призывно в трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, вдоволь испытав оружие свое в бою с погаными татарами, со всех сторон собираются на трубный звук. Идут они весело, ликуя, песни распевая: одни поют богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы[41], все христианские песни. Каждый воин идет, радуясь на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здравых радуется. Говорил он: «Братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобает вам так служить, а мне — по достоинству восхвалить вас. Если же сбережет меня Господь и буду на своем престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего пусть похоронит, чтобы не достались зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание. <...>

Поганый же Мамай тогда побежал с побоища и добрался до города Кафы, и, утаив свое имя, вернулся в свою землю, и не мог снести, что побежден он, посрамлен и поруган. И снова стал гневаться, приходя в страшную ярость, и новое зло замышляя на Русскую землю, словно рев рыкая и будто неутолимая ехидна[42]. И собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти[43] на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла ему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды[44], идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И сошлись на Калке, и был между ними бой великий. И царь Тохтамыш, победив царя Мамая, прогнал его. Мамаевы же князья, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и, захватив Орду, сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один, утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом, и тут убит был фрягами; и так бесславно потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь <...>

(Перевод В. В. Колесова)

Примечания

Сказание о Мамаевом побоище в отличие от краткой и эмоциональной Задонщины (см. с. [illegible]) представляет собой подробное, обстоятельное повествование о событиях 1380 г. В нем говорится, как, узнав о намерении Мамая пойти с войском на Русь, Дмитрий Иванович собирает [illegible] всех русских князей, как он [illegible] как готовится к решающему сражению. Подробно описаны сама битва, разгром Мамая и его бесславное бегство, скорбь русских воинов о погибших соратниках. Это значительное произведение древнерусской литературы сохранилось в нескольких разновидностях, в сотнях списков. Сказание читали и переписывали даже в XVIII в.

Сказание очень велико по объему. Ниже приводится перевод наиболее интересных в историческом и художественном отношении отрывков. Имена, географические названия и термины, встречающиеся в тексте Задонщины (см. примечания к ней, с. 149—151), здесь не поясняются.

[1] Речь идет о великом князе Дмитрии Ивановиче.

[2] Киприан — митрополит в 1375—1406 гг. Однако он находился в конфликте с Дмитрием Ивановичем, а примирился с ним и прибыл в Москву лишь после Куликовской битвы.

[3] Фроловские ворота — ныне Спасские ворота Кремля. Никольские ворота также выходят на Красную площадь. Константино-Еленинские ныне не существуют.

[4] Речь идет о деревянном соборе в честь архангела Михаила. В 1505—1508 гг. на том же месте был воздвигнут ныне существующий Архангельский собор Кремля.

5 Жена Дмитрия Ивановича — Евдокия, дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича. Владимир Андреевич был женат на дочери великого князя Литовского Ольгерда — Елене, почему в «Сказании» она названа Марией, не ясно.

6 См. прим. 22 к «Задонщине» на с. 150.

7 Рундук — сундук, ларь, использовавшийся и как сиденье.

8 Половцами здесь и далее именуются ордынцы, воины Мамая.

9 Агаряне — см. Словарь

10 Василий великий князь Московский в 1389—1425 гг., в 1380 г. ему было 9 лет. Юрий Дмитриевич (1371—1434 гг.) — князь Галицкий (Галич в современной Костромской области).

11 Поприще — см. Словарь.

12 Имеется в виду святой Глеб. См. Борис и Глеб в Словаре.

13 Ольгерд умер в 1377 г., современником битвы был его сын — Ягайло.

14 Олег Иванович — великий князь Рязанский (1350—1402 гг.). Его пособничество Мамаю в «Сказании» преувеличено.

15 См. прим. 15 к «Задонщине» на с. 150.

16 Вспоминается битва Ярослава Мудрого со Святополком в 1019 г. См. ее описание выше, с. 52—53.

17 О битве Александра Невского со шведами в 1240 г. см. выше, с. 132—133

18 Сергий Радонежский — игумен Троицкого монастыря. Его житие приводится ниже, см. с. 168—187

19 Яловцы — небольшие лоскутки ткани, прикрепленные к остриям шлемов

20 Упоминаются византийский император Константин Великий и израильский царь Давид (см. Словарь)

21 Гедеон — израильский вождь и полководец, малыми силами одержавший победу над многочисленным вражеским войском

22 Петр — митрополит в 1308—1326 гг., был признан святым

23 Куликовская битва была 8 сентября, в день, когда церковь празднует Рождество Богородицы

24 Дмитрий Боброк Волынец — воевода Дмитрия Донского

25 Моисей — см. Словарь.

26 Второй час дня — это 7 часов 35 минут — 8 часов 35 минут по современному счету времени.

27 Имеются в виду части креста, на котором был распят Иисус Христос, почитавшиеся как священные реликвии.

28 То есть Сергий Радонежский.

29 Вероятно, имеется в виду византийский император Леон (Лев) Мудрый (866—912 гг.), которому приписывается сочинение песнопения в честь святого мученика Федора Тирона.

30 То есть записать в церковных книгах для посмертного поминовения.

31 Всеволодичи — сыновья смоленского князя Александра-Всеволода.

[32] Печенегом здесь именуется золотоордынский богатырь; автор, вероятно, вспомнил о поединке с печенегом отрока-кожемяки. См. выше, с. 34.

[33] Схима — монашеское одеяние. Впрочем, историки сомневаются, что Пересвет был монахом и вышел в бой в схиме, а не в доспехах.

[34] Битва сравнивается с пиром, убитые — с заснувшими от хмельного.

[35] Седьмой час дня — 12 часов 35 минут — 13 часов 35 минут.

[36] Перун и Хорс — древнерусские языческие боги, Раклий, или Ираклий,— Геракл, герой античных мифов. Кто такой Салават — неизвестно.

[37] Магомет (Махмет) — пророк, основатель ислама.

[38] Лукоморье — здесь побережье Азовского моря.

[39] Существовал воинский ритуал — стояние на костях. Победители оставались на поле боя, собирали раненых соратников и погребали убитых; трупы врагов оставляли на поживу зверям и птицам.

[40] Авис — персонаж средневековых романов об Александре Македонском. Авис — воевода персидского царя Дария, который, рискуя жизнью, пытался убить Александра. Покушение не удалось, но Александр помиловал Ависа за верность своему царю.

[41] Богородичные, мученические — песнопения в честь Богородицы и мучеников.

[42] Ехидна — фантастическое существо, олицетворение свирепости и мерзости.

[43] Изгон — кратковременный набег, обычно заканчивавшийся разграблением городов и уводом пленных.

[44] Тохтамыш — хан Синей Орды (на территории современного Казахстана); разгромив Мамая, он стал правителем Золотой Орды. В столкновениях с Тимуром утратил большую часть своих владений. Убит в 1406 г.

[45] Кафа — генуэзская колония в Крыму.



ИЗ «ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»

Начало Жития Сергия

Благослови, отче!

Преподобный отец наш Сергий родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были Божьи угодники, правдивые перед Богом и перед людьми, и всякими добродетелями полны и украшены, что Бог любит. Не допустил Бог, чтобы такой младенец, который должен был воссиять, родился от неправедных родителей. Но сначала создал Бог и предуготовил таких праведных родителей его и потом от них произвел своего угодника. О достохвальная чета! О добрейшие супруги, бывшие такому младенцу родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это неким добавлением будет к похвалам и почестям ему. Ведь нужно было, чтобы дарован был Сергий Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителей, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды — дело было в воскресенье — мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в ут-

Текст «Жития Сергия Радонежского». *Рукопись. XVI в.*

робе матери, так что многие ужаснулись от этого крика — преславного чуда, совершившегося с этим младенцем. И вот снова, перед тем, как начали петь херувимскую песнь, то есть «Иже херувим», внезапно младенец начал вторично громко кричать в утробе, громче, чем в первый раз, так что по всей церкви разнесся голос его, так что и сама мать его в ужасе стояла, и женщины, бывшие там, недоумевали про себя и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем, святая святым[1]» — младенец снова, в третий раз, громко заплакал.

Мать же его чуть на землю не упала от сильного страха и, ужаснулась, в великом трепете, начала тихо плакать. Остальные же благоверные женщины подошли к ней, стали спрашивать ее, говоря: «Что это — не ребенок ли у тебя за пазухой в пеленках, а мы его детский крик слышали, раздававшийся по всей церкви?» Она же в растерянности из-за обильных слез не могла ничего им сказать, но только ответила: «Ищите, — сказала она, — в другом месте, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, и поискали, и не нашли. Снова они обратились к ней, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать же его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он кричал». Женщины же сказали ей: «Как может быть дарован голос до

рождения младенцу, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я тому и сама удивляюсь, вся объята страхом, трепещу, не понимая случившегося». <...>

Мария же, мать его, с того дня, когда было это знамение и происшествие, с тех пор пребывала благополучно до родов и носила младенца в утробе как некое бесценное сокровище, и как драгоценный камень, и как чудесный жемчуг, и как сосуд избранный. И когда в себе ребенка носила и была им беременна, тогда она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, постом ограждала себя, и всякой пищи скоромной избегала, и мяса, и молока, и рыбы не ела, лишь хлебом, и овощами, и водой питалась. От пьянства совершенно воздерживалась, а вместо различных напитков одну только воду, и ту понемногу пила. < >

Когда настал срок родов, родила она младенца. И весьма радостно рождение его встретив, родители позвали к себе родных, и друзей, и соседей, и предались веселью, славя и благодаря Бога, давшего им такое дитя. После рождения его, когда в пеленки был завернут младенец, нужно было к груди его приносить. Но когда случалось, что мать его ела некую мясную пищу, которой она насыщала и наполняла свою плоть, тогда младенец никак не хотел грудь брать. И это случалось не один раз, но иногда день, иногда два дня ребенок не ел. Поэтому страх вместе со скорбью овладевал родившей младенца и родственниками ее. И с трудом они поняли, что не хочет младенец пить молоко, когда мясом питается кормящая его, но согласен пить, только если она не будет разрешаться от поста. И с той поры мать воздерживалась и постилась, и с тех пор младенец стал всегда, как должно, кормиться.

И пришел день исполнения обета его матери: после шести недель, то есть когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божью, отдавая то, что получили от Бога, поскольку они обещали отдать ребенка Богу, даровавшему его; к тому же иерей повелевал, чтобы ребенок получил крещение божественное. Иерей же, приготовив ребенка к таинству и много молитв сотворив над ним, с радостью духовной и старанием окрестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа — именем Варфоломей в святом крещении назвав его. Он вынул ребенка, принявшего обильно благодать Святого Духа, из купели, и почувствовал иерей, осененный духом божественным, понял, что сосудом избранным будет этот младенец. < >

Младенец же, о котором идет речь, о котором начинается рассказ, после крещения через несколько месяцев был вскормлен по закону природы, и от груди матери его отняли, и развернули из пеленок, и из колыбели вынули. Рос ребенок в следующие годы, как и полагается в этом возрасте, мужала его душа, и тело, и дух, и наполнялся он разумом и страхом Божьим, и милость Божья была с ним; так он жил до семи лет, когда родители его отдали учиться грамоте.

У раба божьего Кирилла, о котором шла речь, было три сына: первый Стефан, второй — этот Варфоломей, третий Петр; их воспитал он со всякими наставлениями в благочестии и в чистоте. Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли. Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня».

О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей

Поэтому сильно печалились родители его, а тщетности усилий своих весьма огорчался учитель. В[illegible], не ведая высшего предначертания божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить с [illegible] Господь преподобного своего. Так [illegible] Бога, нужно было, чтобы от Бога книжное учение [illegible], что и сбылось. Скажем же [illegible] откровению, научился он грамоте.

Однажды отец [illegible]. Это же было по предначертанию [illegible], как [illegible] Царств говорит о Сауле, который [illegible] искать осла. Саул пошел и увидел [illegible], которым был помазан на царство [illegible]. Так и блаженный отрок [illegible] нашел, когда он послан был отцом своим Кириллом [illegible], и увидел некоего черноризца, старца святого, [illegible] и неизвестного, саном пресвитера, благообразного [illegible], на поле под дубом стоящего и [illegible]. Отрок же, увидев его, сначала смиренно поклонился ему, затем приблизился и стал около него, ожидая, [illegible] молитву.

И когда кончил молиться старец и посмотрел на отрока, увидел он духовным взором, что [illegible] избранным Святого Духа. Он обратился к Варфоломею, подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал [illegible] Христа, и спросил его: «Что ищешь и чего хочешь, чадо?» Отрок же [illegible]: «Душа моя желает более всего знать грамоту, [illegible] учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: «Аминь». И, взяв из мошны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого

хлеба пшеничного, кусок святой просфоры[2], и сказал ему: «Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь — это тебе дается знамение благодати божьей и понимания Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого». Отрок же открыл уста и съел то, что ему было дано; и была сладость во рту его, как от меда сладкого. И сказал он: «Не об этом ли сказано: «Как сладки гортани моей слова твои! Лучше меда устам моим; и душа моя возлюбила это». И ответил ему старец: «Если будешь верить, и больше этого увидишь. А о грамоте, чадо, не скорби: да будет известно тебе, что с сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты, знание большее, чем у братьев твоих и чем у сверстников твоих». И поучил его на пользу души.

Отрок же поклонился старцу и, как земля плодовитая и плодоносная, семена принявшая в сердце свое, стоял он, радуясь душой и сердцем, что встретил такого святого старца. Старец хотел пойти своей дорогой, отрок же упал на землю лицом перед ногами старца и со слезами его молил, чтобы поселился старец в доме родителей его, говоря так: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче». Старец же, удивившись вере его, поспешил войти в дом родителей его.

Они же, увидев старца, вышли ему навстречу и поклонились ему. Благословил их старец, они же собирали еду, чтобы накормить его. Но старец не сразу пищи отведал, но сначала вошел в молитвенный храм, то есть в часовню, взяв с собой освященного в утробе отрока. И начал он «Часы»[3] петь, а отроку велел псалом читать. Отрок же сказал: «Я не умею этого, отче». Старец же ответил: «Сказал я тебе, что с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты. Произноси слово Божье без сомнения». И случилось тогда нечто удивительное: отрок, получив благословение от старца, начал петь псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо знал грамоту. И сбылось пророчество премудрого пророка Иеремии, говорящего: «Так говорит Господь: Вот я дал слова мои в уста твои»[4]. Родители же отрока и братья его, увидев это и услышав, удивились неожиданному его разуму и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Когда они со старцем вышли из часовни, те поставили перед ним пищу. Старец отведал пищи, благословил родителей и хотел уйти. Родители же умоляли старца, спрашивая его и говоря: «Отче, господине! Подожди еще, чтобы мы смогли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил скудоумие наше и печаль нашу. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь, которому предсказываешь ты многие блага. Но он удивляет нас, и печаль о нем весьма огорчает нас, потому что случилось с ним нечто страшное, удивительное и непонятное — вот что: когда он был в утробе матери, незадолго до рождения его, когда мать была в церкви, трижды прокричал он в утробе, при народе, в то время, когда святую пели литургию. Нигде в другом месте

такое не слыхано, не видано; и мы этого боимся, не понимая, чем кончится это или что случится в будущем?»

Старец же святой, уразумев и поняв духом будущее, сказал им: «О блаженная чета! О прекрасные супруги, ставшие родителями такого ребенка! Зачем вы устрашились страхом там, где нет страха? Напротив, радуйтесь и веселитесь, что смогли такого ребенка родить, которого Бог избрал до рождения его, которого Бог отметил еще в утробе материнской. Вот последнее слово я скажу и потом умолкну: будет вам знамением истинности моих слов то, что после моего ухода вы увидите — отрок хорошо знает всю грамоту и все святые книги понимает. А вот второе мое знамение вам и предсказание — будет отрок славен перед Богом и людьми из-за своей добродетельной жизни». И, сказав это, старец ушел, промолвив им такие непонятные слова: «Сын ваш будет обителью Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию божественных заповедей». Так сказав, старец ушел от них. Родители же провожали его до ворот, он же внезапно стал невидимым.

Они же, недоумевая, решили, что это ангел послан был даровать отроку знание грамоты. Отец и мать, приняв от старца благословение и слова его сохранив в сердцах своих, возвратились в дом свой. После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг, изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо ее читает и понимает ее. Достойным был даров духовных добрый сей отрок, который от самых пелен Бога познал, и Бога возлюбил, и Богом спасен был. Он жил, во всем повинуясь своим родителям, стараясь повеления их исполнять и ни в чем не ослушаться их, как и Святое писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле». <...>

Отрок же преславный, преславного отца сын, о котором мы речь ведем, подвижник, о котором всегда помнят, родившийся от родителей благородных и благоверных, вырос как от доброго корня добрая ветвь, воплотив в себе всяческие достоинства доброго корня этого. Ведь с молодых лет он был подобен саду благородному и вырос как богатый плод, был отроком красивым и благонравным. Хотя по мере роста он становился все лучше, но красоту жизни он ни во что не ставил и всякую суету мирскую, как пыль, попирал ногами, так что можно сказать, саму природу свою хотел презреть и унизить, и преодолеть, часто нашептывая про себя слова Давида: «Какая польза в крови моей, когда я сойду в могилу?» Ночью же и днем он не переставал молить Бога, который начинающим подвижникам помогает спастись. Как я смогу перечислить прочие добродетели его: спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без ухищрений? Он любил одинаково всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха; но когда хотелось ему улыбнуться (ведь и ему это было нужно), он и это делал с великим целомудрием

и воздержанием. Он всегда сокрушаясь ходил, как будто в печали; еще же более плакал, часто слезы из очей по щекам испуская, на плачевную и печальную жизнь этим указывая. И слова Псалтыри всегда на устах его были, он воздержанием всегда был украшен, тяготам телесным всегда радовался, бедную одежду прилежно носил. Пива же и меда он никогда не вкушал, никогда к устам их не подносил и даже запаха их не вдыхал. К постнической жизни стремясь, он все это ненужным для человеческой природы считал.

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились, третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а весьма стремился к иноческой жизни. Об этом он многократно просил отца, говоря: «Теперь дай мне, владыка, свое согласие, чтобы с благословением твоим я начал иноческую жизнь». Но родители его ответили ему: «Чадо! Подожди немного и потерпи ради нас: мы стары, бедны, больны сейчас, и некому ухаживать за нами. Вот ведь братья твои Стефан и Петр женились и думают, как угодить женам, ты же, неженатый, думаешь, как угодить Богу, — более прекрасную стезю избрал ты, которая не отнимется у тебя. Только поухаживай за нами немного и когда нас, родителей твоих, проводишь до гроба, тогда сможешь и свой замысел осуществить. Когда нас в гроб положишь и землей засыплешь, тогда и свое желание исполнишь».

Чудесный же юноша с радостью обещал ухаживать за ними до конца их жизни и с того дня старался каждый день всячески угодить родителям своим, чтобы они молились за него и дали ему благословение. Так жил он некоторое время, прислуживая и угождая родителям своим всей душой и от чистого сердца, пока родители его не постриглись в монахи и каждый из них в различное время не удалился в свой монастырь. Немного лет прожив в монахах, ушли они из жизни этой к Богу.

Стефан же, родной брат его (Варфоломея) старший, немного лет пожил с женой, и жена его умерла, родив двух сыновей Климента и Ивана, а этот Иван впоследствии стал Федором Симоновским[6]. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова святой Богородицы в Хотькове. Блаженный юноша Варфоломей, придя к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинуясь словам блаженного юноши, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место это, и понравилось оно им, а главное — это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церквушки небольшой, и срубили ее. И когда была окончательно завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, тогда

блаженный юноша сказал Стефану: «Поскольку ты брат мой старший в нашем роде, не только телом старше меня, но и духом, следует мне слушаться тебя как отца. Сейчас не с кем мне советоваться обо всем, кроме как с тобой. В особенности я умоляю тебя ответить и спрашиваю тебя: вот уже церковь поставлена и окончательно отделана, и время пришло освящать ее, скажи мне, во имя какого праздника будет названа церковь эта и во имя какого святого освящать ее?»

В ответ Стефан сказал ему: «Зачем ты спрашиваешь и для чего ты меня испытываешь и терзаешь? Ты сам знаешь не хуже меня, что нужно делать, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: „Будь осторожен, чадо! Не наш ты сын, но Божий дар, потому что Бог избрал тебя, когда еще в утробе мать носила тебя, и было знамение о тебе до рождения твоего, когда ты трижды прокричал на всю церковь в то время, когда пели святую литургию. Так что все люди, стоявшие там и слышавшие это, были удивлены и изумлялись, в ужасе говоря: „Кем будет младенец этот?“ Но святители и старцы, святые мужи, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: „Поскольку в чуде с младенцем число три прообразовалось, это означает, что будет ребенок учеником святой Троицы. И не только сам веровать будет благочестиво, но и других многих соберет и научит веровать в святую Троицу“. Поэтому следует тебе освятить церковь эту лучше всего во имя святой Троицы. Не наше это измышление, но Божья воля, и предсказание, и избрание, — Бог так пожелал. Да будет имя Господа благословенно вовеки!» Когда это сказал Стефан, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил: «Правильно ты сказал, господин мой. Это и мне нравится, и я того же хотел и думал об этом. И желает душа моя создать и освятить церковь во имя святой Троицы. Из смирения я спрашивал тебя; и вот Господь Бог не оставил меня, и желание сердца моего исполнил, и замысла моего не лишил меня».

Решив так, взяли они благословение и освящение у епископа. И приехали из города от митрополита Феогноста священники и привезли с собою освящение, и антиминс, и мощи святых мучеников, и все, что нужно для освящения церкви. И тогда освящена была церковь во имя святой Троицы преосвященным архиепископом Феогностом, митрополитом киевским и всея Руси, при великом князе Семене Ивановиче, думаю, что это произошло в начале княжения его. Правильно церковь эта названа была именем святой Троицы, ведь поставлена она была благодатью Бога Отца, и милостью Сына Божьего, и с помощью Святого Духа.

Стефан же, построив церковь и освятив ее, недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни, жизнь печальная, жизнь суровая, во всем нужда, во всем лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ничего другого, нужного для жизни. Ведь не было к тому месту ни дорог, ни подношений

ниоткуда; ведь не было тогда вокруг пустыни этой поблизости ни сел, ни построек, ни людей, живущих в них; ниоткуда не было к тому месту тропы человеческой, и не было ни проходящих, ни посещающих, но вокруг места этого со всех сторон был только лес, только глушь. Увидев это и опечалившись, Стефан оставил пустыню, а также брата своего родного, преподобного пустынно-любца и пустынножителя, и ушел оттуда в Москву. <...>

О пострижении Варфоломея, которое стало началом иноческой жизни святого.

Преподобный отец наш не принял ангельский образ[10] до тех пор, пока не изучил все монастырские дела и монашеские порядки, и все прочее, что требуется монахам. И всегда, в любое время, с большим прилежанием, и с желанием, и со слезами он молился Богу, дабы удостоиться принять ангельский образ и приобщиться к иноческой жизни. И призвал он к себе в пустыньку, о которой мы говорили, одного старца духовного, украшенного чином священника, почтенного священнической благодатью, игумена саном, по имени Митрофан. Варфоломей просит и умоляет его, смиренно кланяясь, перед ним радостно преклоняет голову свою, желая, чтобы Митрофан в иноки его постриг. И повторял ему святой: «Отче! Сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин, ведь я с юности моей давно очень хочу этого, но воля родителей удерживала меня. Сейчас же, от всего освободившись, я так жажду этого, как олень стремится к источнику водному, так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни».

Игумен немедля вошел в церковь и постриг его в ангельский образ, месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий: ведь так в то время давали случайные имена, не считаясь с мирским именем; но какого святого память отмечалась в тот день, когда постригали, такое имя и давали постригающемуся. Было святому, когда он стал иноком, двадцать три года. А в церкви, о которой я говорил, самим Сергием созданной и названной в честь святой Троицы, в этой церкви игумен тот вместе с чином пострига отслужил и божественную литургию. Блаженный же Сергий, только что постриженный инок, когда совершен был постриг, причастился святых тайн, вкусил пречистое тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа[11], как достойный сподобился такой святыни. Тáк вот, после святого причащения или во время самого причащения снизошла на него и вселилась благодать и дар Святого Духа. Откуда же это известно? Были некие люди здесь в то время, поистине правдивые свидетели того, что, когда Сергий причастился святых тайн, тогда внезапно наполнилась вся церковь благоуханием: не только в церкви, но и вокруг церкви чувствовался запах благовонный.

Следует также вот что знать читающим житие: в каком воз-

расте постригся преподобный. Ему можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте разума: ведь хотя он и молод был телом, но стар разумом и совершенен по божественной благодати. После ухода игумена преподобный Сергий в пустыне подвизался, жил один, без единого человека. Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне? Невозможно нам рассказать, с каким трудом духовным и многими заботами он начинал начало жизни в уединении, сколь продолжительное время и сколько лет он в лесу этом пустынном мужественно оставался. Стойкая и святая его душа мужественно выносила все вдали от всякого лица человеческого, прилежно и непорочно хранила устав жизни иноческой, беспорочно, не спотыкаясь и оставаясь чистой.

Какой ум или какой язык желания святого, и его изначальное первое рвение, и любовь его к Богу, тайные добродетели его подвига сможет представить себе или передать? И как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к Богу обращал, кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь — ничего не было. Ко всему же этому прибавлялась борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения, борьба, столкновения, устрашения демонов, дьявольские наваждения, страшилища пустыни, неизвестных бед ожидание, нападения зверей и их свирепые пополновения. Но несмотря на все это и при всем том бесстрашен был Сергий душой и смел сердцем, и ум его не ужасался перед такими вражескими кознями, и лютыми нападениями, и устремлениями: многие тогда звери часто приходили к нему, не только ночью, но и днем; а были эти звери — стаи волков, которые выли и ревели, а иногда и медведи. Преподобный Сергий, хотя немного и боялся, как всякий человек, но, однако, молитву прилежно к Богу обращал и ею укреплялся; и таким образом, по милости Божьей, остался не тронут ими: звери отходили от него, а вреда ему никакого не причиняли. <...>

Об изгнании бесов молитвами святого

Однажды преподобный Сергий ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась, и вот воочию сам дьявол со множеством воинов бесовских появился — вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. А предстали бесы перед святым так: были они в одеждах и шапках литовских островерхих; и устремились они на блаженного, желая разорить церковь и сравнять то место

с землей. А на блаженного они зубами скрежетали, желая убить его, и так говорили ему: «Беги, исчезни отсюда и более не живи здесь, на месте этом: не мы напали на тебя, но скорее ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, то мы растерзаем тебя, и ты умрешь в руках наших, и не быть тебе живым». Обычай есть у дьявола в его гордыни: когда начнет он перед кем-нибудь похваляться или угрожать, тогда обещает он и землю уничтожить, и море высушить, а сам не имеет власти даже над свиньями.

Преподобный же Сергий, вооружась молитвой к Богу, так начал говорить: «Боже! Кто уподобится тебе? Не молчи, не оставайся безучастным, Боже! Ибо враги твои разбушевались». И еще сказал: «Да воскреснет Бог, и исчезнут враги его, и да бегут от лица его все ненавидящие его. Как рассеивается дым, так и они пусть исчезнут; как тает воск от огня, так да погибнут грешники от лица Божьего, а праведники да возвеселятся». Так Сергий именем святой Троицы, имея помощницей и заступницей святую Богородицу, а вместо оружия — честной крест Христов, поразил дьявола, как Давид Голиафа[2]. И тотчас дьявол с бесами своими невидимы стали и все исчезли, и без вести пропали. Преподобный же великое благодарение воздал Богу, избавившему его от такой бесовской напасти.

Через несколько дней, когда блаженный в хижине своей всенощную свою молитву в одиночестве непрерывно творил, внезапно раздался шум, и грохот, и волнение великое, и смятение, и страх — не во сне, но наяву. И вот бесы многие вновь напали на блаженного стадом бесчинствующим, воя и с угрозами говоря: «Уйди, уйди с этого места! В поисках чего ты пришел в пустыню эту? Что хочешь найти на этом месте? Чего ты добиваешься, в лесу этом сидя? Или жить здесь собираешься? Зачем ты здесь обосновываешься? Не надейся, что сможешь здесь жить и часа ты никак не сможешь здесь оставаться. Ведь тут, как ты и сам видишь, место пустынное, место неудобное и труднодоступное, отсюда во все стороны до людей далеко, и никто из людей не приходит сюда. Не боишься ли, что ты можешь от голода умереть здесь или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя, ведь и звери многие кровожадные живут в пустыне этой, и волки свирепые воют, стаями приходят сюда. Также и бесы многие напастят злобно, и страшилищ много всяких грозных появляется здесь, которым нет числа; поэтому пусто издавна место это, к тому же и неудобно. Что хорошего, если звери нападут и растерзают тебя здесь или если ты какой-нибудь другой безвременной, ужасной, напрасной смертью умрешь? Но без всякого промедления встань и беги скорее отсюда, нисколько не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь, не озираясь по сторонам — не то мы тебя отсюда быстро прогоним или убьем». <...>

Прошло время, и дьявол был побежден блаженным во всех своих проявлениях, напрасно он трудился вместе с бесами свои-

ми: хотя многими и различными видениями Сергия смущал, но, однако, не смог в ужас повергнуть этого твердого душой и храброго подвижника. Еще более после различных наваждений и грозных видений преподобный Сергий храбро вооружался и ополчался на бесов, смело встречал их, уповая на Божью помощь; и так, оберегаемый Божьей благодатью, он невредим остался. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, ведь много зверей, как было сказано, в этой пустыне тогда жило. Некоторые из них стаями вместе и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному, и окружали его, и даже обнюхивали его.

Был среди них один зверь, называемый аркуда, что значит медведь, и он всегда имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, а чтобы взять из еды чего-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и, пришедши по обыкновению, зверь не находил приготовленного для него обычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать: не было ведь тогда в пустыне у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было, [illegible] оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в этот день и голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить. Не один раз и не дважды зверь этот приходил, привыкнув по обычаю, но каждый день, и более года это продолжалось.

И потом Бог, видя великую веру, смирение и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыне: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому. Это было устроено промыслом всесильного и милосердного Господа Бога, который хотел, чтобы не один Сергий жил в пустыне этой, но многочисленная братия, как сказал Павел-апостол: «Не ищу пользы лишь для себя, но для многих, чтобы спаслись». Или можно сказать, что захотел Бог прославить место это, и пустыню эту преобразить, и здесь монастырь устроить, и множество братьев собрать. Поскольку Бог так пожелал, начали посещать

святого монахи, сперва по одному, потом иногда по два, а иногда по три. И молили они преподобного, кланяясь ему и говоря: «Отче, прими нас, мы хотим с тобой на месте этом жить и души свои спасти».

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Не можете вы жить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыне: голод, жажду, скорбь, неудобства, и бедность, и нужду». Они же отвечали: «Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем». Преподобный же еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?» Они же ответили: «Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас».

Преподобный же Сергий, убедившись в вере их и в усердии, удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: „Приходящего ко мне не изгоню вон“, и еще сказал: „Где двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них“. И Давид сказал: „Как хорошо и как приятно жить братьям вместе“. Ведь я, братья, хотел один жить в пустыне этой и скончаться здесь. Но если так пожелал Бог и если угодно ему, чтобы был на месте этом монастырь и многочисленная братия, да будет воля Господня! Я же с радостью вас принимаю, только пусть каждый сам построит для себя келью. Но да будет вам известно: если в пустыню эту вы жить пришли, если со мной на месте этом жить хотите, если служить Богу вы пришли, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всякие несчастья, и нужду, и лишения, и бедность, и недосыпание». <...>

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергий, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги, и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил, добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, мысли доброрассудные, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. <...>

Долго принуждала его братия стать игуменом, он же, смиренный разумом, не хотел игуменство принять и не хотел с детства присущее ему и к Богу приближающее его смирение оставить. Отверг он эти мольбы братии, грешным себя считая и недостойным, и добавил вот что: «Мои слова не согласны с вашими словами, потому что вы чересчур упорно принуждаете меня стать игуменом, а я чересчур упорно отказываюсь. Ведь я и сам в поу

чении нуждаюсь и более хочу учиться, чем других поучать, я больше стремлюсь сам у других в подчинении быть, чем над другими властвовать и командовать, начальствовать». <...> И после всего этого преподобный Сергий восстонал из глубины сердца, и все мысли и упование возложив на вседержителя Бога, сказал им со смирением душевным: «Отцы и братья! Я напереко вам ничего говорить не буду, воле Господней предавшись, ведь Бог знает сердца и помыслы. Пойдем в город к епископу».

Митрополит же всея Руси Алексий тогда был в Царьграде, оставив в городе Переяславле[14] вместо себя епископа Афанасия Волынского. К нему и пришел преподобный отец наш Сергий, взяв с собой двух старцев, и, войдя, поклонился епископу. Епископ же Афанасий, увидев его, благословил и спросил о имени его; Сергий же имя свое назвал. Афанасий, узнав, кто он, обрадовался и по-христиански поцеловал его, ибо раньше он слышал о Сергии, о начале славного подвижничества его, о построении церкви и об основании монастыря, обо всех богоугодных деяниях Сергия, любви его к братии и заботе о ней. <...>

Блаженный отец наш Сергий начал умолять святителя поставить игумена, наставника душам монахов. Преподобный же Афанасий, исполненный святого духа, сказал: «<...> Тебя, сын и брат, Бог призвал от утробы матери твоей, и я от многих слышал о тебе. Да будешь ты отныне отцом и игуменом братии, Богом собранной в обители святой Троицы». <...>

О видении ангела, служащего с блаженным Сергием

Однажды, когда еще жил Федор священный[15] в обители у блаженного Сергия, служил святой Сергий божественную литургию с выше упоминавшимся Стефаном, братом своим родным, и с этим Федором, родственником своим. Упоминавшийся же ранее Исаакий-молчальник стоял в церкви, и поскольку он был, как мы раньше сказали, муж добродетельный весьма, откровение было ему: видит он в алтаре четвертого служащего с ними мужа, чудесного весьма, а облик его — удивительный и несказанный, светлости великой, и внешностью он сиял, и одеждами блистал. И во время первого выхода этот ангелоподобный и чудесный муж вышел вслед за святым, и сияло, как солнце, лицо его, так что Исаакий не мог на него смотреть, одежды же его необычны — чудесные, блистающие, а на них узор златоструйный видится. И вот спрашивает Исаакий поблизости стоящего отца Макария: «Что за видение это чудесное, отче? Кто этот явившийся чудесный муж?» Макарий же, удостоенный этого видения — мужа великой светлости, — сказал: «Не знаю, чадо, ужасное видение и несказуемое я вижу, но думаю, чадо, что он с князем пришел»; ведь тогда был Владимир[16] в монастыре. Они подошли и спросили одного из людей князя, с ни-

мя ли пришел священник, и ответил тот: «Нет». И точно убедились они, что ангел Божий служил в алтаре.

Но тогда нельзя было говорить, а по окончании святой литургии, улучив подходящий момент, наедине подошли к святому Сергию те ученики его, которые были удостоены чудесного видения, и спросили его о том, кто это. Сергий утаить хотел, говоря «Что вы увидели чудесного, чада? Служил божественную литургию Стефан, брат мой, а сын его, Федор, и я, недостойный, с ними, а больше никакой священник не служил с нами». Ученики же упорствовали, умоляя святого, чтобы он сказал им, и тогда он открылся: «О чада любимые! Если Господь Бог вам открыл, смогу ли это я утаить? Тот, кого вы видели, — ангел господень, и не только сегодня, но и всегда по воле Божьей служу с ним я, недостойный. Но то, что вы видели, никому не рассказывайте, пока я не уйду из жизни этой».

О победе над Мамаем и о монастыре на Дубенке[17]

Известно стало, что Божьим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю, и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить, ведь он знал, что Сергий — муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься». Великий же князь ответил: «Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери». И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в замешательстве, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласившим: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не устрашаясь,— обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени». Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому

победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные на себя направленный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов, множество бесчисленное их убивая; и одни ранеными убежали, других же живыми в плен захватили < >

Святой же, как было сказано, пророческим обладая даром, знал обо всем, словно бы находился поблизости. Он видел издалека, с расстояния во много дней ходьбы, на молитве, с братией к Богу обращаясь о даровании победы над погаными. Когда немного времени прошло, так что окончательно побеждены были безбожные, все предсказал братьям святой: победу и храбрость великого князя Дмитрия Ивановича, славную победу одержавшего над погаными, и из русского войска убитых Сергий назвал по имени, и службу за них всемилостивому Богу совершил.

Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий, славную победу одержав над враждебными варварами, возвращается в светлой радости великой в свое отечество. И незамедлительно он пришел к старцу святому Сергию, возблагодарив его за добрый совет, и всесильного Бога славил, и за молитвы благодарил старца и братию, в веселье сердца рассказал обо всем случившемся — как показал Господь милость свою к нему, и вклад большой в монастырь дал. Тогда напоминает великий князь старцу о своем желании и то, что он обещал, хочет быстро в жизнь воплотить,— в честь пречистой Богоматери монастырь построить на месте, подходящем для этого. Старец Сергий пошел и, поискав, обрел место, подходящее на реке, называемой Дубенка; и с соизволения великого князя на том месте святой Сергий церковь поставил Успения владычицы нашей Богородицы, в честь пречистой Богоматери. В скором времени, благодаря необходимой помощи великого князя, возник монастырь чудесный, всем необходимым наполненный. Поручил святой игуменство ученику своему, по имени Савва, мужу очень добродетельному; он устроил общежительство[13], на удивление, хорошо, как подобает для славы Божьей. И многочисленная братия собралась, и все необходимое в достатке по милости пречистой Богородицы и до сих пор имеют < >

О том, как хотели святого возвести на митрополию

Блаженный митрополит Алексей, состарившись и видя, что он слабеет и к концу жизни приближается, призывает святого Сергия. Когда Сергий пришел и начали беседовать они, повелел митрополит вынести крест с парамандом[14], золотом и камнями драгоценными украшенный, и подарил это святому. Тот же со смирением поклонился, говоря: «Прости меня, владыка, но я с юности не носил золото, в старости же особенно хочу в нищете жить». Архиерей же ему сказал: «Знаю, возлюбленный, что

жил ты так. Но будь послушным: прими то, что мы даем тебе с благословением». Так он возложил дары своими руками на святого как залог некий. Снова начал он говорить и сказал святому: «Знаешь ли ты, преподобный, зачем я призвал тебя и что хочу я в отношении тебя сделать?» Святой же ответил: «Как я могу, господин, знать?» Тот же сказал ему: «Вот управлял я, когда Бог поручил мне, русской митрополией, как Богу угодно было. Теперь же вижу, что мой конец приближается, только не знаю дня кончины моей: хочу я при жизни моей найти мужа, который сможет после меня пасти стадо Христово. Но во всех сомневаюсь, лишь тебя я выбрал как достойного выполнить завет истинный: ведь знаю хорошо, что от великих князей и до последнего человека все требуют на это место тебя. И ты сначала сана епископского удостоен будешь, а после смерти моей мой престол унаследуешь».

Святой, когда услышал это, сильно опечалился, ибо весьма суетным делом считал для себя это, и архиерею ответил: «Прости меня, владыка, но выше моих сил ты требуешь, и на это никогда я не соглашусь. Кто я такой, грешный и худший из всех людей?» Архиерей же многие слова привел старцу из божественных писаний, желая ими заставить Сергия покориться его воле. Смиренный же человек никак не соглашался, но сказал: «Владыка святой! Если не хочешь, чтобы ушел я, нищий, и не слышал слов святыни твоей, больше не продолжай говорить об этом со мной, худым, и никому другому не разрешай, потому что никто меня не сможет переубедить». Когда увидел архиерей, что святой в этом непреклонен, не стал больше ничего ему об этом говорить, побоявшись, как бы святой не испугался бы и не удалился в отдаленную пустыню, и тогда он такого светоча лишится. И, успокоив его словами духовными, митрополит отпустил его в его монастырь.

Немного времени спустя, в году 6885 (1378), ушел из жизни митрополит Алексей. И снова начинают господа великодержавные князья умолять святого принять архиерейский сан. Но его был он тверд, как алмаз, — никак нельзя было к этому склонить. Взошел тогда на престол архиерейский некий архимандрит, по имени Михаил, осмелившись надеть одежду святителя и возложить на себя белый клобук. Начал он против святого ополчаться, думая, что станет противиться дерзости его преподобный, желая сам архиерейский престол занять. Услышал блаженный, что ополчается Михаил на него, и сказал ученикам своим, что Михаил, ополчающийся на святую обитель эту, не сможет получить желаемого, потому что гордостью побежден, и Царьграда не сможет увидеть. Так и случилось, как пророчил святой: когда Михаил плыл к Царьграду, недугом был поражен и скончался. И все посчитали святого Сергия одним из пророков.

О посещении святого Богоматерью

Однажды блаженный отец молился по своему обыкновению перед образом матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто обращая взор к иконе, говорил: «Пречистая матерь Христа моего, покровительница и заступница, верная помощница рода человеческого! Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли Сына своего и Бога нашего, чтобы не оставил святого места этого, которое создано для похвалы и почести святого имени вовеки. На твою, мать любимого мною Христа, защиту и молитвы надеемся мы, ибо великую смелость имеют рабы твои перед Богом, который для всех — упокоение и пристанище спасения». Так молился он и пел благодарственный канон пречистой Богоматери, то есть акафист, а завершив канон, сел немного отдохнуть и сказал ученику своему, по имени Михей: «Чадо! Будь бдителен и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное явится нам сейчас». И пока он это говорил, вдруг глас раздался: «Вот пречистая грядет!» Святой, услышав, быстро вышел из кельи в пруст, то есть в сени. И тут свет ослепительный, ярче солнца сияющий, озарил святого; и видит он пречистую Богородицу с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в неописуемом сиянии блистающую. И когда увидел ее святой, то упал ниц, не в силах вынести этот нестерпимый свет.

Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не страшись, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей, и не скорби больше, ибо отныне всего будет здесь в изобилии, и не только при жизни твоей, но и после отхода твоего к Господу не покину я обители твоей, все потребное подавая в изобилии, и снабжая всем, и оберегая». Сказав это, стала она невидима. Святой же в смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда же Сергий понемногу в себя пришел, то увидел ученика своего, лежащего в страхе, словно мертвого, и поднял его. Тот же стал припадать к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от той радости, но ничего не смог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне душа моя трепещет от чудесного видения».

Они стояли и дивились про себя; наконец святой сказал ученику своему: «Чадо, призови ко мне Исаака и Симона». Когда они пришли, рассказал Сергий все по порядку, как он видел пречистую Богородицу с апостолами и какие она дала святому чудесные обещания. Когда ученики услышали это, охватила их радость несказанная; все вместе отпели молебен Богоматери и прославили Бога. Оставался святой всю ночь без сна, думая о несказанном видении. <...>

О кончине святого

Жил святой долгие годы в совершенном воздержании и труде, и неисповедимые, несказанные чудесные дела совершил, и старости глубокой достиг, никогда от божественного пения или от службы не уклоняясь. И чем больше старел он, тем больше укреплялся и возвышался, в усердии божественные подвиги мужественно и с любовью совершая, и никак его старость не одолевала. Но ноги его тяжелели день ото дня, как будто по ступеням приближаясь к Богу. Предвидел он за шесть месяцев свою кончину и, призвав братию, передал игуменство своему самому любимому ученику, в добродетелях совершенному и во всем без исключения следующему своему учителю, и хотя возрастом он был молод, ум его был сединами весьма убелен; впоследствии он чудесами прославился, о которых другая повесть расскажет, именем же он был Никон. Сергий повелел ему пасти стадо Христово заботливо и праведно, ибо ответ ему придется держать не за себя, но за многих. И с тех пор Сергий, этот великий подвижник, в вере благочестивейший, недремлющий хранитель, непересыхающий источник, славный именем, начал безмолвствовать.

И в сентябре месяце недугом телесным был поражен и, видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, душу же любимому Иисусу предать, призывает священное братство и новособранное стадо. И беседу повел подобающую и на пользу учил, неуклонно веля оставаться в православии, и завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, злых и скверных похотей остерегаться, пищу и питие вкушать без жадности, а особенно смирением украшать себя, не оставлять заботы о странниках, споров избегать и ни во что ставить почести и славу жизни этой, но вместо них ожидать от Бога воздаяния, наслаждения от небесных вечных благ. И многому другому Сергий поучал, говоря: «Я, ибо Бог зовет меня, отхожу от вас. Вас же передаю всемогущему Господу и его пречистой Богоматери, чтобы она была для вас прибежищем и оградой от сетей вражеских и поношений их». И перед самой смертью, когда должна была душа его с телом разлучиться, он от тела и крови Владыки причастился, а ученики руками своими его немощные члены поддерживали. Он простер к небу руки и, молитву совершив, чистую свою и святую душу с молитвою Господу предал, в год 6900 (1392) месяца сентября в 25 день; жил же преподобный семьдесят восемь лет[24].

Распространилось тогда благоухание великое и неизреченное от тела святого. А братия вся собралась и сокрушалась, плача и рыдая; и, в гроб честнóе и труд любившее тело положив с почестями, они псалмами и надгробным пением его провожали. Ученики проливали ручьи слез, кормчего лишившись, с учителем разлученные, с отцом разлуки не вынося, плакали они, а если бы могли, умерли бы тогда с ним. Лицо же святого было светлым,

как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, являя этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его. Похоронили честное его тело в обители, которая была им создана. Сколько после смерти и преставления Сергия чудес произошло и происходит: расслабленных членов укрепление, от лукавых духов людям освобождение, слепых прозрение, горбатых выпрямление — только при приближении к его раке. Хотя и не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но могучая сила Божья его прославила. [illegible] его ему предшествовали ангелы на пути к небесам, двери отворяя ему райские и в вожделенное блаженство вводя, в покои праведных, в свет ангельский, и увидел, сказать, то, о чем мечтал, и все святой Троицы озарение приобрел, как и подобает постнику — украшение иноков.

Таково было житие отца, таковы чудеса его разнообразные, причем не только при жизни, но и после смерти, которые нельзя и описать, и все это, что бывало с ним, и доныне происходит.

Покажи мне в древности, [illegible] и сравним с ним тех, кто известен добродетелью [illegible], и увидим, что святой [illegible] божественным мужам [illegible] Иисус[illegible], он [illegible] незыблемость Иакова имел [illegible] законодатель новый, и [illegible] предводитель стада своего. Не наполнил ли он пустыню многими заботами своими? [illegible] общежительства, но не обладал ли Сергий, как и он, светлым разумом, создав также много [illegible] монастырей? Не обладал ли и он даром чудотворения [illegible] его, и весьма прославил его Бог [illegible] Мы восхваляем не того, кто похвалы себе требовал, но того, кто за нас молится, [illegible] на муки Христу. Но не будем утомлять [illegible] прославить святого по достоинствам его?

(Перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина)

Примечания

Сергий Радонежский (именуемый так по месту его рождения — деревне Радонеж) был одним из наиболее прославленных русских церковных деятелей, в 1452 г. причислен к лику святых. На месте основанного им лесного скита — избушки, где жил в полном уединении юноша Варфоломей (мирское имя Сергия),— возник прославленный Троицкий монастырь (ныне в городе Загорске, к северо-востоку от Москвы). Самим Сергием и его учениками было основано около сорока монастырей. Жизнеописание (житие) Сергия было написано в 1417—1418 гг. мо-

нахом его монастыря — Епифанием Премудрым, а затем (около 1422 г.) существенно переработано и расширено Пахомием Сербом, известным древнерусским писателем-агиографом (создателем житий).

Перевод (здесь он приводится с существенными сокращениями) осуществлен по возникшему в XVI в. сводному тексту, в котором сохранились фрагменты, принадлежащие как Епифанию, так и Пахомию.

[1] Вспоминается эпизод из Библии: юноша Саул, посланный отцом искать заблудившихся ослиц, встречает пророка Самуила, который предвещает Саулу, что тот станет царем, и впоследствии добивается его избрания на царство.

[2] Просфора — плоский хлебец с вытесненным изображением креста, применявшийся при причащении, анафора — часть просфоры.

[3] Часы — церковная служба.

[4] Цитируется книга пророка Иеремии, входящая в Ветхий завет (см. Словарь).

[5] Троица — см. Словарь. Сергий действительно основал монастырь в честь святой Троицы.

[6] Федор — имя, данное Ивану при пострижении в монахи. Симонов монастырь ныне в пределах Москвы.

[7] Феогност — митрополит в 1328—1353 гг.

[8] Антиминс — плат, покрыва[illegible], на котором могло совершаться богослужение.

[9] Семен Иванович — великий князь Владимирский и Московский в 1340—1353 гг.

[10] То есть постригся в монахи.

[11] Причащающиеся вкушают просфору и вино, символизирующие тело и кровь Христа.

[12] Давид — см. Словарь.

[13] Аркуда — название медведя в новогреческом языке.

[14] Алексий — митрополит в 1355—1378 гг. Переяславль Залесский — город на юге современной Ярославской области.

[15] Федор (Иван) — брат, племянник Сергия, игумен Симоновского монастыря.

[16] Владимир Андреевич, князь Серпуховский и Боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского.

[17] Монастырь на Дубенке, притоке реки Дубны (на севере Московской области), был освящен в декабре 1379 г. Поэтому историк В. А. Кучкин полагает, что заложен он был не в честь победы на Куликовом поле, как утверждает житие, а в честь первой победы русских над ордынцами на реке Воже в 1378 г.

[18] Общежительные монастыри — монастыри, в которых монахи живут, подчиняясь единым правилам, и не имеют личной собственности.

[19] Парамант — плат с изображением креста, который монах носит на груди и на плечах.

[20] Клобук — монашеский головной убор. Белый клобук мог носить только митрополит. Речь идет о Дмитрии (Митяе), духовнике Дмитрия Донского, который добивался поставления Митяя митрополитом, отвергая предложенного Константинополем митрополита Киприяна. Михаил — монашеское имя Дмитрия — Митяя.

[21] Расчет лет жизни Сергия, возможно, неточен. Полагают, что он родился около 1321 г.

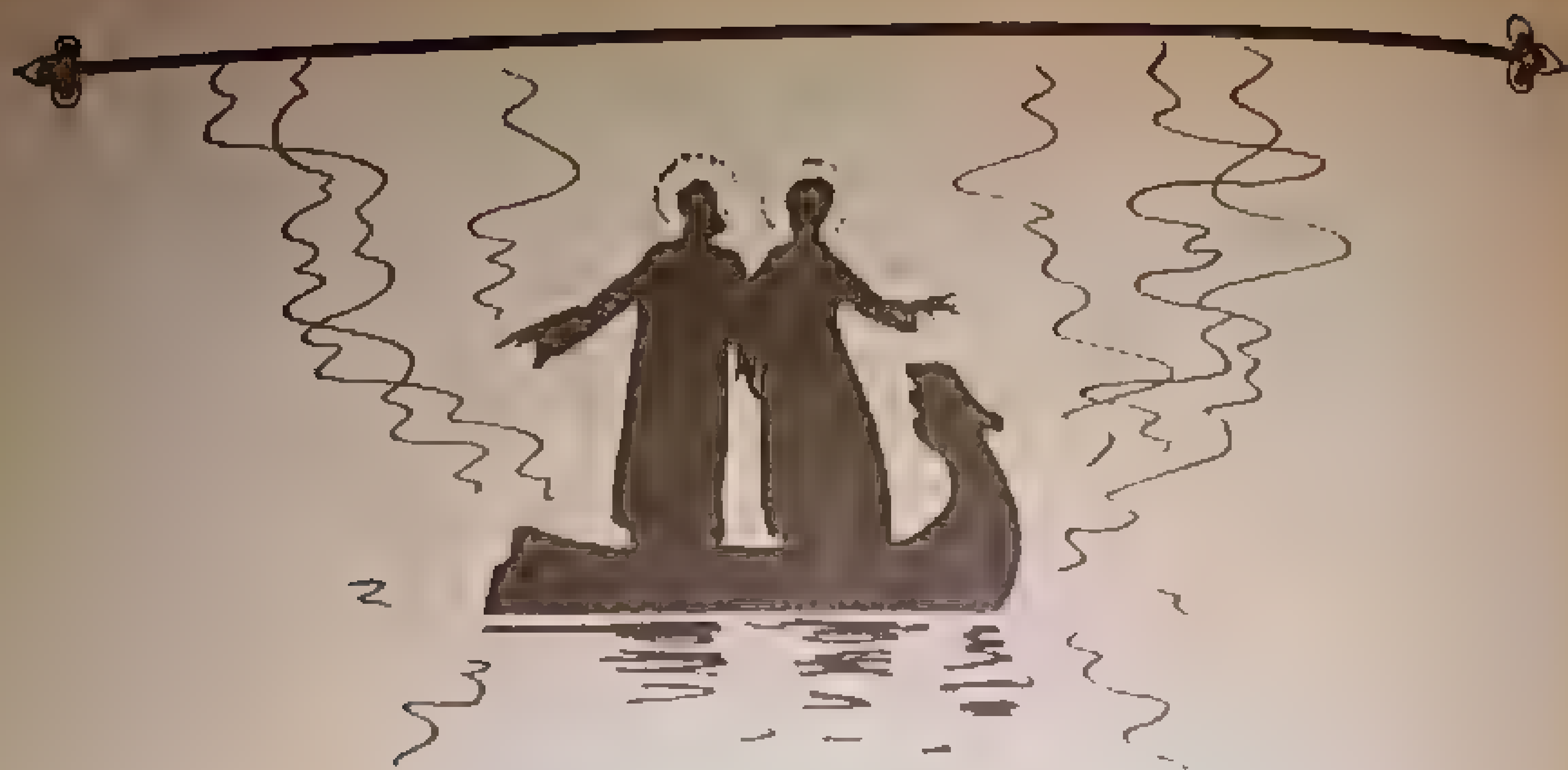
[22] Моисей — см. Словарь.

[23] Иисус Навин — предводитель и военачальник израильтян, преемник Моисея.

[24] Иаков — внук Авраама, согласно Библии,— родоначальник израильских племен.

[25] Авраам — см. Словарь.

[26] Савва Освященный — один из первых основателей монастырей на Востоке.



ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом[1]. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел[2]. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь,

а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услыхав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услыхав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене между плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать моя пошли взаймы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услыхал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — „сквозь ноги смерти в глаза смотрит“. И не единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец и мать пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется,

тот ведь с жизнью расстается. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может потребовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Привези князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в ответах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему обо всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девица. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой не требую от него. Вот мое к нему слово: если я не стану супругой ему, то не подобает мне лечить его». И вернулся человек тот, и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолазца взять себе в жены!» И послал к ней, сказав: «Скажите ей — пусть лечит, как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую баночку, зачерпнула ей хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит не помазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь, и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки[4] поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда

она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как в первый день.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды как-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее. «Каждый раз, — говорил

он,— окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам[5]. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она ответит».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как одними устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите,— получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божьих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает[6]. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл не-

кий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе[1] для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которых они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной

церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами, — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословению за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали ли о вас другие, знающие более моего, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божью благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венцами общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

(Перевод Л. А. Дмитриева)

Примечания

«Повесть о Петре и Февронии», написанная в 40-х гг. XVI в., необычна по своей форме и сюжету. По жанру это житие, т. е. жизнеописание местночтимых муромских святых Петра и Февронии. Но автор — писатель и публицист Ермолай-Еразм — не следует традиционным приемам жанра, а излагает народное предание, пронизанное фольклорными мотивами: в «Повести...» есть и змей-оборотень, и убивающий его чудесным

мечом герой, и мудрая дева, загадывающая загадки и способная творить чудеса.

В переводе опущено только начало «Повести...», содержащее богословские рассуждения автора.

[1] Муром — город на юго-востоке современной Владимирской области.

[2] Летописи не упоминают князей Павла и Петра. Возможно, имеются в виду князья-братья Владимир и Давыд, правившие в Муроме в конце XII — начале XIII в.

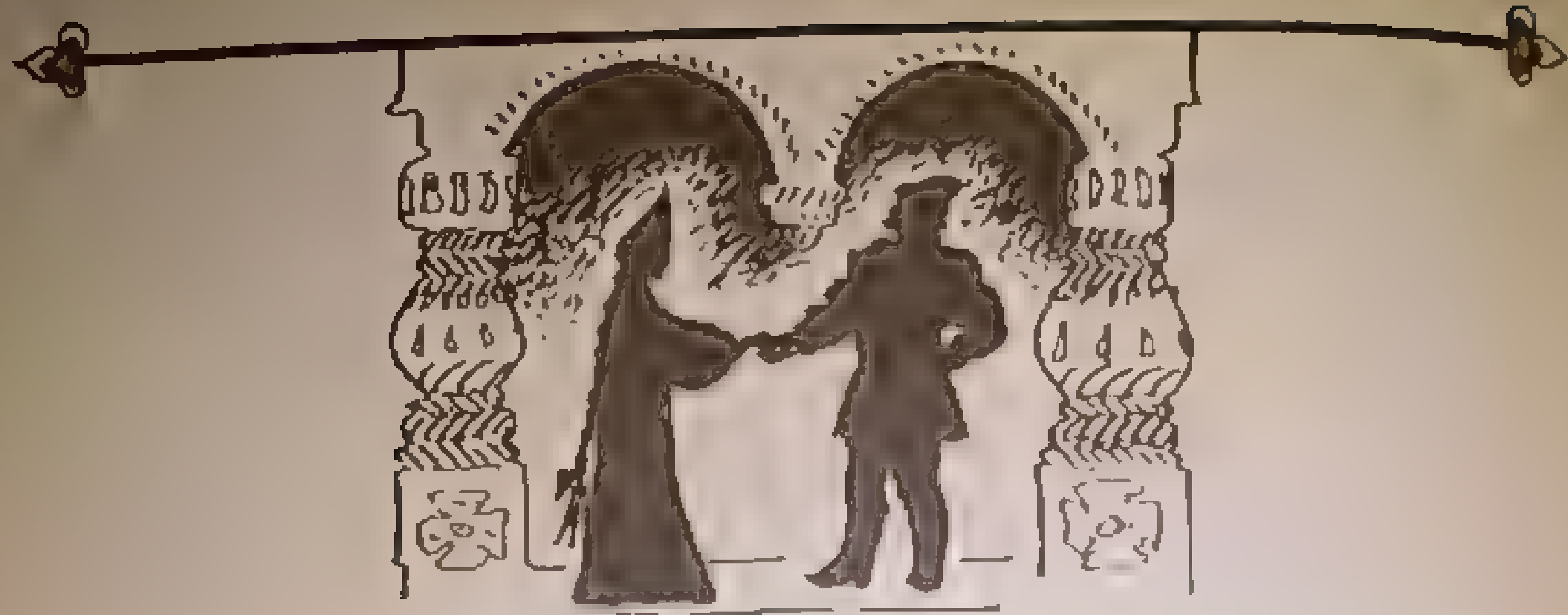
[3] Чудесный меч-кладенец нередко упоминается в народных сказках.

[4] Грядка — помост из жердей над печью для сушки дров и лучины.

[5] Этот эпизод напоминает сказку о Василисе Премудрой, крошки, вытряхнутые ею из рукава во время танца, обращаются в птиц.

[6] Речь идет об Евангелии от Матфея (см. в Словаре — Новый завет).

[7] Воздýх — легкий плат, покрывало для церковных сосудов.



ИЗ «ДОМОСТРОЯ»

Книга, называемая Домостроем, которая содержит в себе полезные сведения, поучение и наставление всякому христианину — и мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам

1. Наставление отца сыну

Благословляю я, грешный имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божью и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом доме, и всегда в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не послушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и думал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примете вы со всею чистотою душевной, прося у Бога помощи и разума, насколько возможно, и, коли Бог вразумит, в дело его претворите, — будет на вас милость Божья, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши,

и имение ваше, и богатство, какие вам Бог даровал от ваших трудов,— да будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь. <...>

16. Как дочерей воспитать и с приданым замуж выдать

А у кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом, или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и монисто, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную, добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток. И всего будет полно. Так дочери растут, страху Божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят — тут все и готово. А кто заранее о детях не размышляет, то, как замуж отдавать, тотчас же и покупать все, так что скорая свадьба вся на виду, а коли по Божьей же воле дочь та преставится, то ее приданым поминают, по душу ее в сорокоуст и милостыню из него же дают. А если другие дочери есть, таким же образом и о них заботиться

17. Как детей учить и страхом спасать

Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей. И не жалей, бия ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании дочери ходят, и не твоя вина, если по глупости нарушит она детство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда осрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не сердясь на нее. Любя же сына своего, учащай ему раны и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь, скорбя и в будущем, будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, и погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой

24. О неправедной жизни

А кто не по-Божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекосил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище[1] и всякие ловчие угодья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости и гневе, в злопамятстве,— сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они господа, в том не возбраняют им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них,— обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к Богу. И своей душе на погибель, и дому в запустение, и все проклято, а не благословлено: и владеть, и есть, и пить — то все прибыли и доходы не от Бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна Богу ни в жизни их, ни после смерти, если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное и впредь обещай обиженному не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор Господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает <...>».

27. Если кто живет, ничего не рассчитав

Всякому человеку: богатому и бедному, большому и малому — все рассчитать и разметить, исходя из ремесла и из доходов, а также и по имуществу, приказному же человеку все рассчитать, учтя государево жалованье и по доходу, и по поместью, и такой уж двор при себе держать и все имущество и всякий припас; по тому же расчету и людей держать, и все хозяйство, по ремеслу своему и прибыли — и есть, и пить, и одежду носить,

и людей одевать, и с людьми сходиться с нужными. Если же кто, не рассчитав своего и не разметив житья своего и ремесла и прибыли, начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая или беря незаконным путем, та честь его обернется великим бесчестием со стыдом и позором, и в лихое время никто ему не поможет, да и от Бога грех, а от людей насмешка. Надобно каждому человеку избегать тщеславия, и гордыни, и греховных встреч, жить по силе своей и по возможности, и по расчету, и на прибыль от законных средств. Ибо такое житье удобно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно <...>

32. Всякий порядок домашний содержать

А для всякого рукоделья и у мужа, и у жены всякое бы орудие в порядке было: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, и у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода [illegible], и у рабов было свое, и держалось бы все то бережно, [illegible] и чтобы [illegible] никто ничего не слыхал, [illegible] без лишнего слова. А [illegible] бы были у самого [illegible], и оловянное, и железное, и деревянное,— какое [illegible]. Если же и придется у кого в долг взять, или отдать [illegible], или женскую одежду, сосуд [illegible], или оловянный, или какое платье,— и как-нибудь запасы пересмотреть, и новое все, и ветхое [illegible], или что где измазано или продралось и всякий [illegible] непорядок или что не цело, — и все то [illegible] записать. И кто берет, и кто дает — обоим то было бы [illegible]. А что можно взвесить — то бы взвешено было, и [illegible] без обману: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздора нет, [illegible] весела. А [illegible] ду и брать и давать честно, хранить [illegible] и возвращать в срок, чтобы сами хозяева о том не [illegible] не посылали тогда и впредь дадут и дружба навек. А если [illegible] не сохранить, или в срок не вернуть, или испортил, то обоим [illegible] и убыток в том и пеня бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.< ...>

38. Как порядок в избе навести хорошо и чисто

Стол, и блюда, и поставцы[4], и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда также, и вечером, а ведра и почвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить. Всегда бы

все сосуды и посуда вымыты и чисты были, а на лавке, и по двору, и по комнатам посуда не валялась бы, поставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки на лавке не валялись бы, но там, где положено, в чистом месте лежали бы, опрокинуты вниз; а в какой посуде что лежит из еды или питья, так то покрыто было бы чистоты ради и вся посуда с едой или с питьем или с водою; если квашню творить, всегда бы было покрыто, а в избе и завязано от тараканов и от всякой нечисти. Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, нижнее крыльцо — все бы было вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено, а перед нижним крыльцом положить сена, чтобы грязные ноги вытирать, тогда и лестница не загрязнится; и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать, у нижнего крыльца сено или солому переменять, а у дверей рогожку или войлок переменять или тряпку чистую положить, а загрязненное прополоскать и высушить и снова туда же под ноги сгодится. Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен,— все как следует припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда: к такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама, да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить, а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом, если она понимает — тогда уж так все и делать, и любить ее, и хвалить, но если жена науке такой и наставлению не следует, и того всего не исполняет, и сама ничего из того не знает, и слуг не учит, должен муж жену свою наказывать и вразумлять наедине страхом, а наказав, простить, и попенять, и с любовью наставить, и поучить, но при этом ни мужу на жену не гневаться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии. А слуг и детей, также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, а наказав, пожалеть; госпоже же слуг защищать в разбирательстве, тогда и служкам увереннее. Но если слову жены, или сына, или дочери слуга не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и преждевременные роды. Плетью же в наказании осторожно

бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да, поучив, попенять. А и гнев бы не был, и люди бы того не ведали и не слыхали, жалобы бы о том не было. Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения,— виновного наедине допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства — милостиво наказать да простить, по вине смотря, но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распри не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску, если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут уже наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит <...>

45. Как огород и сад разводить

А у которого человека и огород есть, то с тем, кто работает в нем, либо сам господин доглядывает, либо госпожа или тот, кому поручено; прежде всего — укрепить ограду, чтобы в огород ни собаки, ни свиньи, ни куры, ни гуси, ни утки, никакая скотина не могла зайти ни с чужого двора, ни со своего, тогда яблоням и всяким растениям урона нет, да и от соседей никаких упреков — всегда твоей скотине ход перекрыт от тебя, а их скотине — к тебе. Также и двор бы был тоже огорожен крепко и тыном заделан, и ворота всегда прикрыты, а к ночи и заперты, да собак держать сторожевых, и слуги бы охраняли, а и сам господин или госпожа послушивают в ночи. Огород же всегда бы был заперт, а кому поручено, тот бы всегда охранял его и сторожил днем и ночью. Когда ж по весне гряды копать и навоз возить, так навоз зимой запасти, а перед посадкой дынь парниковые грядки готовить да всякие семена заводить у себя и, посадив и посеяв разные семена и всякие зерна, вовремя их поливать и укрывать, сберегая всегда от мороза, а яблони обрезать, выбирая сушняк, черенки нарезать и делать прививку к стволам, и гряды с посевами пропалывать, и капусту от червя и от блох охранять, и обирать их, и отряхивать, а возле тына вокруг всего огорода, где крапива растет, насеять борща и с весны варить его для себя понемногу: такого на рынке не купишь, а тут всегда есть, и с нуждающимися поделиться Бога ради, а если у бедного человека разрастется, то и продаст, обменяв на другую заправку. А коли насадит он капусты и свеклы и они созреют, то листья капустные может сварить, а станет капуста свиваться в кочан, да еще и густо, то, постепенно отсекая, тоже варить, листьями же, их обламывая, кормить скотину. В ту же пору до самой

осени, борщ нарезая, сушить, он всегда пригодится — и в этот год, и позднее; и капусту в течение всего лета варить и свеклу, по осени же хозяин капусту солит, а свекольный рассол готовит и солит огурцы, а летом наслаждается: ест дыни, горошек, морковь, огурцы и всякий овощ, а коли Бог послал и больше чего уродилось, то еще и продаст. А сад заложить самому, чтобы расстояние от дерева до дерева было в три сажени, а то и больше, тогда яблони растут большими, зерновым и овощам на грядах не мешают, а как разрастутся густо на деревьях ветви, уже ничего на земле не растет, посей тогда борщу, все-таки всегда будет урожай. А падалицу с яблонь и то, что поспело из огурцов и дынь и всяких овощей, вовремя бы перебирать, что съесть самому или сберечь, а что и в запас оставить или что засолить, яблоки же и груши заквасить или залить их патокой, яблочным или вишневым морсом; а в дешевую пору и грибы сушить, грузди и рыжики солить, и всякий овощ на хранение ставить, а то и продать что,— и все бы то было сохранено; а семена хорошо бы всякие у себя заводить, ибо от них прибыль велика: чего на рынке не купишь, а у тебя излишек, ты и продашь.

49. Как мужу с женою советоваться, что ключнику наказать
О столовом обиходе, о кухне и о пекарне

Каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, встав по колокольному звону, а после молитвы, мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве, а также кому какая обязанность и кому какое дело велено вести, а тем наказать, когда и что из еды и питья приготовить для гостей и для себя, а то и ключник по хозяйскому слову прикинет, что бы купить на расход, и когда то, купив, принесут, так измерить и внимательно оглядеть, повару же то отослать, что нужно варить, и хлебнику, и для всяких заготовок также товар отослать. И всегда бы ключник держал в памяти то, что нужно сказать господину. А в поварню яства мясные и рыбные отдавать по счету, да и варить, как господин повелит, на сколько блюд выйдет, все так и сварят, и готовое у повара взять по счету же. И с тем также всякие яства ставить по хозяйскому приказу, смотря по гостям, а хлебный припас и всякой еды также дать по счету и [illegible] счету же, а если что от стола из похлебок и готовки всякой останется нетронутым и недоеденным, то нетронутые блюда перебрать, а начатые — отдельно, и мясные и рыбные, и положить все в чистую и прочную посуду, и накрыть, и обложить льдом, а начатые блюда и разные остатки отдавать на подъедание, как что сгодится, нетронутое же сохранять для господина и госпожи и для гостя; а напитки к столу давать по наказу, судя по гостям или без гостей, а госпоже только брага да квас. И всю бы посуду

столовую и кухонную всегда после стола в горячей воде перемыть и прополоскать, и перетереть и высушить, и, всю собрав, пересчитать и спрятать под замок, и знать, что где находится и что у кого на руках. А столовую посуду — всегда беречь и тарелки, и братины, и ковши, и судки столовые, и уксусницы, перечницы, рассольницы, солонки, ложки, блюда, поставцы, скатерти и покрывала,— все всегда бы чисто было и готово на стол. И стол бы был чист, и скамьи, и лавки, и комнаты, и образа на стене развешаны, а изба выметена и прибрана. А уксус, рассол огуречный и лимонный и сливовый, были бы отцежены через сита, огурцы же, лимоны и сливы также были бы очищены и перебраны и на столе было бы чисто и опрятно. А рыба красная и другая вяленая, и всякий студень, постный и мясной, и икра, и капуста — очищены и по блюдам разложены, до еды уже приготовлены. А напитки бы все были чистые, через сита процежены. А ключники бы, и повара, и пекари, и все стряпухи, выходя к столу на люди, сами изрядились бы чистенько, да и руки бы вымыли чисто перед каждой стряпней. А всякая посуда и все снасти у ключника и у всех на кухне были бы вымыты, и вычищены, и в сохранности, а у хозяйки и у ее слуг также. Еду же и напитки на стол нести, оглядев, чтобы посуда, в которой несешь, была чиста и еда или напитки также чисты, без мусора и без пригарины; поставить, осмотрев, а поставив еду или напитки, тут уж не кашлять, не сморкаться, но, отойдя в сторонку, прокашляться или высморкаться, ибо то не бесстыдно и вежливо

50. Ключнику наказ на случай пира

Если же пир большой, то всюду самому наблюдать, и на кухне и в пекарне, а блюда раздавать за столом — поставить умелого человека, да у поставца, у напитков и у посуды нужен бережливый да хороший служитель. А к столу подавать напитки по хозяйскому наставлению, кому что велено, на сторону же никому не давать без разрешения. А как кончится пир, то всю утварь, серебряную и оловянную, и всякую посуду осмотреть и пересчитать, и кухонную и столовую, да блюда перебрать и напитки пересмотреть и початые доливать. Во время же пира надежный человек и на дворе нужен, за всем наблюдал бы и сохранял домашние всякие вещи, не покрали бы чего. И гостя пьяного охранять, чтобы не растерял чего и ругани бы не было. А как стол отойдет, всю посуду пересчитать и велеть перемыть, и всякие блюда перебрать, мясные и рыбные, и студень, и похлебки, и прибрать, как прежде написано. В день же пира под вечер, а то и пораньше самому господину просмотреть, все ли в порядке, и пересчитать, и распытать у ключника доподлинно, сколько чего съедено и выпито, и кому что отдано, и кому что послано, так что всякий расход во всяком деле был бы известен,

и посуда бы вся была на счету, и мог бы ключник господину рассказать все точно, куда что разошлось, и кому что дано, и сколько чего разошлось; и если даст Бог — все в порядке, и не истрачено, и не испорчено, и ничего себе, то господину наградить надо ключника и остальных служек также и поваров, и пекарей, которые с заботой готовили, а не пили, всех тогда похвалить, и накормить, и напоить.<...>

(Перевод В. В. Колесова)

Примечания

«Домострой» — свод наставлений, охватывающий весьма широкий круг вопросов повседневного быта: в нем излагаются основы христианской нравственности, говорится о том, как должны строиться отношения членов семьи между собой и семьи с соседями и знакомыми, как следует вести хозяйство, чтобы дом всегда был «полной чашей», а окружающие ставили вас в пример. Разумеется, образцовый дом «Домостроя» — это дом обеспеченного, зажиточного горожанина, с обширным огородом, личным скотом, хозяйственными постройками, многочисленной челядью. И тем не менее «Домострой» позволяет нам лучше познакомиться с городским (прежде всего Московским) бытом XVI в. Книга написана живым языком и, несмотря на свой наставительный и рекомендательный характер, читается с интересом и в наши дни. Всего в «Домострое» 64 главы. Приводим перевод девяти из них.

[1] То есть каждый может повторить это обращение своему сыну, подставив соответственно в текст его и свое имя.

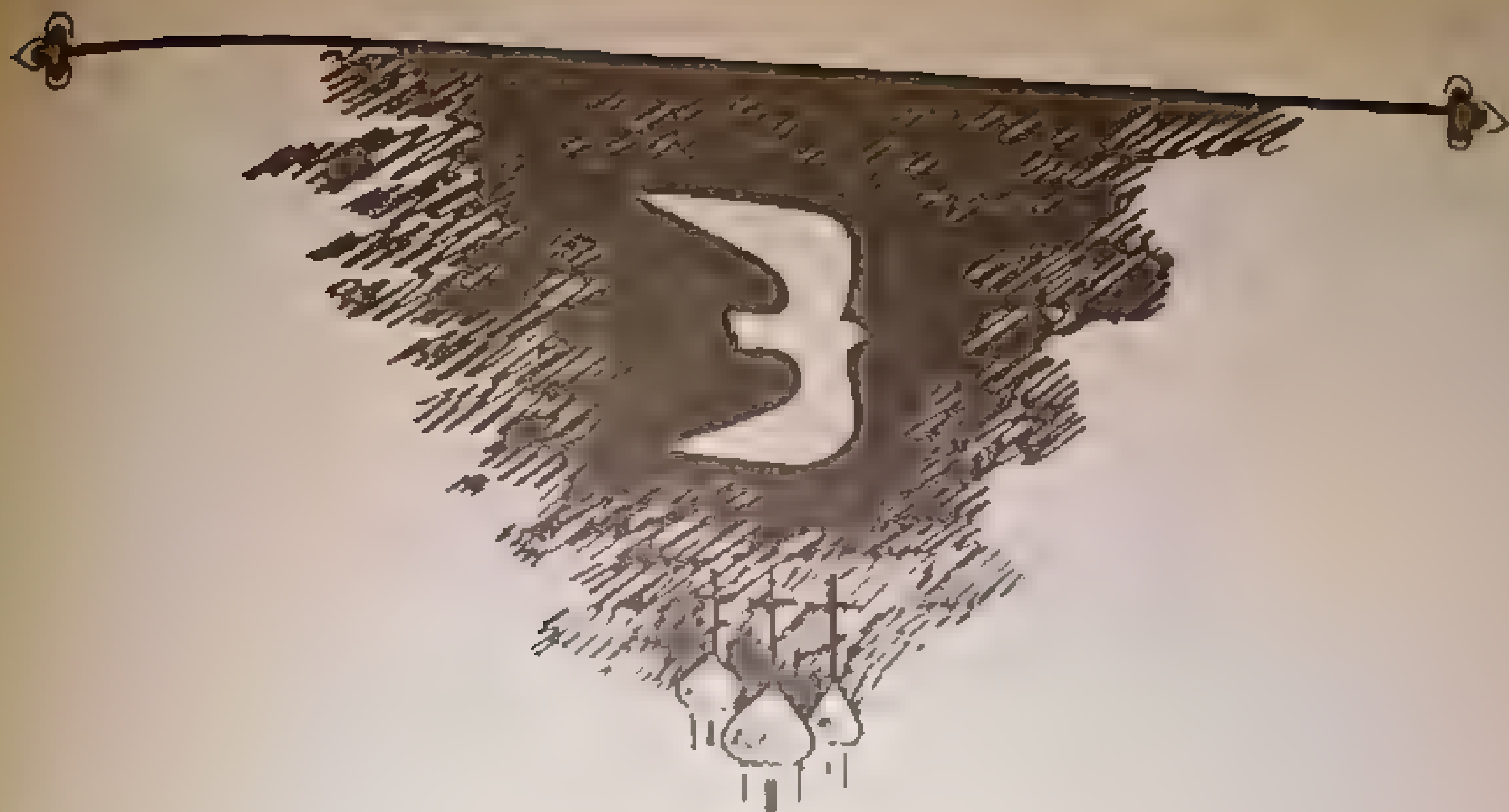
[2] Платок, шарф.

[3] Борть — участок леса, где расположены охраняемые владельцем улья диких пчел; перевесище — участок леса с силками для ловли птиц.

[4] Поставец — маленький столик, на который выставлялись посуда и кушанья, приносимые к столу.

[5] Корчага — глиняный кувшин.

[6] Образ — икона.



ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

В год от сотворения мира 6773-й, а от Рождества Христова 1265-й, поставлен был Отрочь монастырь старанием и попечением великого князя Ярослава Ярославича Тверского[1] и великой княгини богомудрой Ксении на четвертый год вступления их в законный брак по прошению и молению любимого княжеского отрока[2] Григория, а в иноческом чине Гурия[3].

Об основании Отроча монастыря

В годы великого князя Ярослава Ярославича Тверского был у этого великого князя отрок именем Григорий, который всегда находился при нем и был им любим и верен ему во всем. И так великий князь посылал его по селам своим собирать дань. Случилось же тому отроку быть в селе, называемом Едимоново, и остановился он тут у церковного пономаря[4] по имени Афанасий. И увидел отрок дочь его, девицу, красавицу Ксению, и стал думать, как бы жениться на ней, но боялся навлечь на себя великий гнев князя своего. И запечалился отрок, потому что очень полюбил он ее. И не поведал мыслей своих никому из своих друзей, но про себя все время думал, как бы ему исполнить свое желание. Случилось ему быть наедине с отцом девицы, и стал говорить отрок Афанасию, чтобы тот отдал за него дочь свою и обещался во всем помогать. Отец же ее очень удивился этому: «Как! Быть приближенным великого князя и такое говорить мне!» И не знал он, что ему отвечать на слова отрока. Пошел тогда Афанасий, спросил об этом жену свою и дочь, рассказав им все подробно. Дочь же его, исполненная духа святого, так сказала отцу своему: «Отец мой! Сделай все так, как он тебе обещал, положись на волю его, ибо Бог так изволил, и пусть так будет».

Была же девица та благочестива и кротка, смиренна и весе

ла, и разума исполнена, и жила по заповедям господним, и почитала родителей своих, и повиновалась им во всем, от младых ногтей Христа возлюбила и последовала ему, ибо слышала Священное писание от отца своего и внимала прилежно всем сердцем своим.

Отрок же еще сильнее полюбил Ксению. Настойчиво убеждал он отца ее, чтобы не страшился ничего: «Я тебе во всем доверяюсь и князя умолю, ты же не бойся». И так договорились они обо всем: чтобы быть в том селе свадьбе, и венчаться в церкви святого великомученика Димитрия Солунского, и остаться жить тут, если великий князь позволит. И так, исполнив все, что было ему повелено князем, с радостью возвратился отрок в город Тверь, а про себя все дивился, что нигде доселе не видел он такой девицы. И не поведал о том никому.

Девушка же после его отъезда сказала отцу своему и матери: «Родные мои! Не дивитесь тому, что обещал вам отрок, хоть он так задумал, но Бог по-своему устроит: не этот мне будет супругом, но тот, кого мне Бог даст». Родители же ее подивились тому, что сказала им дочь их.

Отрок же, о котором шла речь, выбрав время благоприятное, припадает к ногам великого князя и молит его со многими слезами, и сообщает ему о своем желании сочетаться законным браком, как бы ему хотелось, и описывает красоту, и возраст, и разум девицы той. Князь же великий, это от него услышав, сказал ему: «Если захотел жениться, то возьми себе жену у вельмож богатых, а не у простых людей, и небогатых, и незнатных, и безродных, чтобы не оказаться тебе презираемым и униженным своими родителями, и боярами, и друзьями, а то всеми ненавидим будешь и от меня удален, дабы не было мне стыдно». Однако много дней подряд отрок умолял настойчиво великого князя, чтобы разрешил ему желание свое исполнить и там жить. И так великий князь наедине его уговаривает и расспрашивает подробно, чего ради он этого хочет. Отрок же поведал великому князю про свое обещание, которое он там дал.

Князь же великий Ярослав Ярославич по просьбе его повелевает, чтобы все было, как ему надобно: велит насад приготовить и все, что ему необходимо, и чтобы было готово столько людей, сколько нужно для услужения отроку, когда настанет час обручения и венчания его, и отпускает его в насаде по Волге-реке, ибо село то близ Волги стоит, а коней обещает прислать за ним вскоре по берегу.

Отрок же с радостью поклонился великому князю и отправился в насаде по Волге-реке со всеми посланными с ним.

Наутро великий князь повелел готовить коней себе и всей своей свите, как то пристало великому князю, и соколов и псов, чтобы по пути туда поохотиться. Ибо в ту ночь великий князь сон видел: как будто был он в поле на охоте и пускал своих соколов на птиц; когда же пустил великий князь любимого своего сокола на птичью стаю, тот сокол, всю стаю птиц разогнав, поймал

голубицу, красотой сияющую пуще золота, и принес князю в руки. И пробудился князь от сна своего и долго раздумывал, что же это значит, и не поведал сна того никому, только повелел с собою на охоту всех птиц взять. И так великий князь, охотой тешась, отправился в ту же сторону, что и отрок. Был же великий князь неженат и молод — лет двадцати, не достиг еще он зрелости своей.

Тот же отрок, когда прибыл в насаде по реке, пристал у берега, ожидая коней от князя, и послал вестников вперед к девице, чтобы все приготовлено было, как [illegible]

Девица же присланным сказала: «Передайте отроку, пусть помедлит там, пока я сама весть не пришлю к нему, [illegible] приготовлено будет, ибо нам [illegible]». Посланцы же его, придя, поведали ему обо всем, что было им повелено девицей. Ибо прозревала она, что [illegible] князь, и сказала родителям своим: «Уже свет мой прибыл, а жениха еще не видно, но скоро будет, он в поле [illegible] задержался там, [illegible] никому из родственников своих не [illegible] ему честные дары [illegible] ма тому подивились [illegible]

Князь же великий села того не знал, но захотел там быть наутро или на [illegible] того. И так [illegible] Твери в сорока поприщах [illegible] более задумался [illegible] по обыкновению своему стал охотиться.

А отрок тот, не дождавшись ни вести, ни коней, подумал: «А что если государь мой великий князь раздумает и пошлет за мной и велит возвратиться [illegible] вил. И так [illegible] и по чину все приготовил. [illegible] ибо уже приближалось время венчания, а от[illegible] рее все устроить [illegible]. Девица [illegible] отроку: «Не вели спешить ни в чем — еще у меня будет гость незваный, но лучше всех званых гостей».

Великий же князь в то время был [illegible] стаю лебедей на Волге реке, и тогда [illegible] всех своих птиц, соколов и ястребов, пустил же и [illegible] любимого, и поймал много лебедей. Тот же [illegible] от князя заигрался и вдруг пустился лететь к селу тому. Великий князь погнался за ним и вскоре приехал в село то, забыв обо всем. Сокол же сел на церкви святого великомученика Димитрия Солунского. Князь повелел своим спросить про село, чье оно? Селяне же поведали, что село это великого князя Ярослава Ярославича Тверского, а церковь святого великомученика Димитрия Солунского. В то же время множество народа сошлось смотреть, как пойдут к венчанию. Князь же, услышав об этом от поселян, повелел своим сокола манить, сокол же тот и не думал слетать

к ним, но крыльями своими оправлялся и чистился. Сам же великий князь пошел на двор, где был отрок его, в дорожном своем платье, ибо не для того приехал, но Бог так изволил. Люди, увидев князя, не узнали его, думали, что он с конями и с потехами к жениху приехал, и никто не встретил его.

Девица же сказала всем тут сидящим: «Встаньте все и выйдите навстречу своему великому князю, а моему жениху». Они же подивились. Великий князь вошел в дом, где сидели отрок и девица. Все же встали и поклонились великому князю, и прощения попросили, что не знали о приходе его. Князь же повелел им сесть, чтобы увидеть жениха и невесту. Девица же в то время сказала отроку: «Уйди ты от меня и дай место князю своему, ибо он тебе бо́льший и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь увидел ту девицу прекрасную — как будто бы лучи от лица ее сияют — и сказал великий князь отроку своему Григорию: «Уйди ты отсюда и найди себе иную невесту, где хочешь, а эта невеста меня достойна, а не тебя», ибо возгорелся он сердцем и смешались мысли его.

Отрок же ушел по повелению его. Великий князь взял девицу за руку, и пошли они в церковь святого великомученика Димитрия Солунского, и обручились, и приняли поцелуй во имя Христа, как и подобает, потом и венчались в тот же день. И так была радость большая у великого князя в тот день до вечера, было то летом, и повелел он селянам отдыхать день тот и ночь. Когда же великий князь шел после венчания из церкви к дому, тот сокол его любимый увидел господина своего вместе с супругой своей, и, сидя на церкви, начал трепетать, как будто бы радуясь, и поглядывая на князя. Князь спросил своих сокольников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведали ему: «Не летит с церкви». Князь, взглянув на него, кликнул его своим голосом, сокол же тотчас слетел к великому князю и сел на правой его руке, поглядывая на обоих — на князя и на княгиню. Великий князь отдал его сокольнику. Отрок же тот великой печалью одержим был, и не ел, и не пил. Великий князь очень его любил и жаловал, и просил его особенно не кручиниться, и рассказал ему сны свои: «Как я видел во сне, так и сбылось по божьему изволению».

Отрок же той ночью положился мысленно на Бога и на пречистую Богоматерь: пусть как захотят, на такой путь и наставят, и снял с себя подаренное князем платье, и купил себе другую одежду — крестьянскую, и оделся в нее, и тайком от всех своих вышел из села того, так что никто об этом не знал, и пошел лесом, незнаемо куда.

Наутро же великий князь вспомнил о том отроке — как это не видит его возле себя! — и повелел своим боярам прислать его. Они же долго искали его и нигде не нашли, только платье его увидели, и сообщили об этом великому князю. Великий князь запечалился о нем и повелел искать его повсюду, в реке и в колодцах, боясь того, чтобы сам себя не предал губительной и без

временной смерти. И нигде его не нашли, только селянин тот поведал, что, де, купил у меня одежду ветхую и не велел о том никому говорить и пошел в пустынные места.

Великий же князь повелел искать его по лесам, и по дебрям, и по пустынным местам, чтобы, как найдут, привели его. И многие леса, и дебри, и пустынные места обошли и нигде его не нашли, ибо Бог его хранил. И пробыл тут великий князь почти три дня.

Великая же княгиня Ксения рассказала великому князю Ярославу Ярославичу обо всем, что случилось с ней и с отроком, о чем и было прежде написано.

Великий князь печалился очень об отроке своем, говоря: «Я повинен в смерти его». Княгиня же его Ксения печалиться ему всячески не велит и говорит великому князю: «Бог так изволил, чтобы были мы вместе. Если бы не божье изволение, то как бы ты, великий князь, смог к нашей нищете приехать и взять меня за себя? Ты же не печалься об этом, но иди с миром в город свой и меня возьми с собой, и ничего не бойся». Великий же князь в печали своей, вздохнув, прослезился и вспомнил свои слова: «Что говорил я отроку своему Григорию, то со мной и случилось, а я уже отныне его не увижу». И положился в печали своей на Бога и на Пречистую Богоматерь. И [illegible] свою великую княгиню и бояр своих, которые были с отроком, в город Тверь. И повелел великий князь боярам своим, чтобы берегли великую княгиню его, и поклонялись ей, и слушались бы ее во всем. Сам же великий князь, как и до этого, поехал берегом, тешась охотой, и приехал в город Тверь раньше княгини своей. Когда же прибыла и великая княгиня его Ксения к городу Твери, великий князь повелел [illegible] боярам, [illegible], и своим дворовым, и всем горожанам с женами своими выйти для встречи великой княгини. Услышав это от великого князя, с радостью вышли все, весь город, мужчины и женщины, и дети от мала и до велика, с дарами, и встретили ее на берегу у церкви Архангела Михаила. Когда же пришел великий князь к городу Твери, то послал всех бояр с каретами[9], и так с великими честями встретили княгиню и поклонились ей, и все, видя красоту ее, дивились: «Нигде глазами своими не видали и слухом своим не слыхивали о такой жене благообразной и светлолицей, как солнце среди многих звезд, подобной великой княгине, сияющей среди многих женщин этого города пуще луны и звезд многих». И проводили ее в город Тверь с радостью великою и с дарами многочисленными ко двору великого князя. И была в городе радость и веселие большое, и был у великого князя пир на многие дни для всякого чина от мала до велика.

Об отроке, о котором шла речь ранее, не было и слухом слышно долгое время. Божиим же промыслом пришел тот отрок на реку, именуемую Тверцой, от города Твери в пятнадцати поприщах, где бор был, и тут поселился в лесу, и хижину себе поставил на том месте и часовню, и назначил, где быть церкви во

имя пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества. И пробыл тут недолгое время, и увидели его тут близ живущие люди, ходившие по лесу по своей надобности, и стали расспрашивать его, говоря: «Откуда ты сюда пришел, как тебя зовут и кто тебе велел тут поселиться в наших местах?» Отрок же ничего не отвечал им, но только кланялся, так и ушли они от него восвояси. Он же недолго тут пробыл и ушел с того места, желая отойти подальше от города, потому что узнал он от пришедших к нему людей, что город близко. Божиим же изволением пришел он по той же реке Тверце на устье близ города Твери и вышел на реку Волгу, и увидел, что это город Тверь, ибо хорошо знал его, и возвратился в лес тот, выбрал себе место подальше от Волги на Тверце и начал молиться пресвятой Богородице, чтобы явила ему волю свою о месте этом. Ночью же лег он спать, и был сон его чутким. И видит на том месте как будто бы поле чистое и широкое и свет великий, как будто бы какой-то божественный луч сияет. И, воспрянув от сна, стал он размышлять, что значит это видение, и так стал молиться Спасу и пресвятой владычице Богородице, чтобы разъяснила ему все это. В ту же ночь снова явилась ему пресвятая Богородица, и повелела ему воздвигнуть церковь во имя честного и славного ее Успения, и указала ему место, и сказала: «Хочет Бог прославить это место и сделать его повсюду известным, и будет здесь обитель большая. Ты же иди с миром в город к князю своему, тот помощником тебе будет во всем и просьбы твоей не [illegible]. Ты же, когда все совершишь в монастыре этом, [illegible] тут поживешь и отойдешь к Богу». И так, воспрянув от сна своего, ужаснулся он видению этому и подумал: «Если покину место это, то должен буду страшиться видения этого [illegible]. Как Господу угодно, пусть так и будет». И подумал про себя, говоря: «Если пойду к великому князю и станет он меня уговаривать, все равно не хочу в доме его пребывать». Только подумал он об этом, как пришли в этот лес по своей надобности за зверями княжеские люди. Узнал их отрок и спрятался, а они, увидев крест и хижину, удивились и стали переговариваться: «Как будто бы живет тут человек». И так начали искать, и нашли его, и узнали: «Это отрок князя нашего». И, подойдя к нему, поклонились ему и обрадовались радостью великою, ибо тот отрок по пустынным местам скитался более трех лет, и не видел его никто — питал его Бог. И так, взяв его с собою, повели ко князю и рассказали ему обо всем, что великий князь и доныне очень печалится о тебе, если же увидит тебя живого и здорового, обрадуется тебе радостью великою. Он же, услышав это, с радостью пошел с ними. Когда они пришли во двор великого князя, все, увидев его, обрадовались ему и восславили Бога, и поведали о нем великому князю. Князь же повелел ввести его в верхние палаты и, увидев отрока своего, обрадовался очень и восхвалил Бога. Отрок же поклонился великому князю и сказал: «Прости меня, господин мой ве-

ликий князь, что согрешил я перед тобой, опечалил тебя». И спросил его великий князь: «Как тебя господь Бог хранит до этих дней и до сего времени?» И расцеловал его. Он же поклонился до земли и сказал: «Прости меня, господин мой великий князь, что согрешил перед тобою». И рассказал все о себе по порядку: как ушел от него и как привел его Бог на то место. Князь же подивился этому и восславил Бога, и повелел своим приближенным: пусть дадут отроку всю его прежнюю одежду и пусть будет он в прежнем своем чине. Он же со смирением сказал: «Господин мой великий князь, я не того ради пришел к тебе, но чтобы ты от печали своей избавился и просьбы моей не презрел: молю я тебя и прошу — повели то место расчистить». И все поведал великому князю: как туда пришел и как явилась ему пресвятая Богородица со святителем Петром, митрополитом московским[10], и место показала, где быть церкви во имя пресвятой Богородицы, честного и славного ее Успения, и все ему рассказал о себе по порядку. Князь же, вздохнув, прослезился и отрока похвалил, что он такого дивного видения сподобился, и обещал во всем помогать в устроении места того. И беседовал с ним долгое время и повелел приближенным поставить перед ним еду, чтобы отведал он яства, он же взял немного хлеба и воды, а к иной пище и не притронулся. Великий же князь повелел, чтобы все совершили по воле его, и отпустил отрока с миром, куда он хочет.

Отрок вернулся на место то и по обыкновению своему стал молиться Богу и пресвятой Богородице, прося у нее помощи в создании обители этой, чтобы молитвами пресвятой Богородице вскоре дело то совершилось. Князь же великий повелел немедля собрать крестьян и холопов, чтобы они расчистили то место, которое отрок укажет, и отправил их к отроку. Услышав об этом, многие горожане и сами пошли помогать на место то. И так вскоре расчистили место, которое указал им отрок, и объявили великому князю об этом; князь же восславил Бога и отрока своего похвалил. И так сам великий князь пришел на место это и увидел, что оно светом озарено, как никакое другое. Отрок же снова припадает к ногам его и молит, чтобы повелел церковь создать деревянную и монастырь воздвигнуть. Великий же князь тут же повелел бывшим здесь людям поработать и мастеров искусных призвать для строительства церкви. И так божьей помощью и великого князя повелением вскоре дело было завершено и состоялось освящение церкви. Был же тут на освящении церкви Успения пресвятой Богородицы сам великий князь Ярослав Ярославич со своей супругой великой княгиней Ксенией и со всей своей княжеской свитой, и для всех пир устроил, и по просьбе отрока своего великий князь дал ему игумена Феодосия, и братию собрал, и колокола изготовил. И было названо место то великим князем Ярославом Ярославичем Отрочь монастырь, и все прославили Бога и пречистую его Богоматерь. На другой день после освящения церкви той отрок тот Григорий постригся

в иноческий чин и игумен Феодосий назвал его Гурием. И тот отрок после пострижения своего недолго пожил и преставился, и отошел к Господу, и погребен был в своем монастыре.

Через несколько лет после преставления блаженного того отрока великий князь Ярослав Ярославич и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре построить церковь каменную во имя пресвятой Богородицы, честного и славного ее Успения, с приделом Петра, митрополита московского, чудотворца, и село дал князь тому монастырю, и населил место то, куда прежде пришел отрок. Монастырь же тот стоит и доныне божьей помощью и молитвами пресвятой Богородицы и великого святителя Петра, митрополита московского и всея Руси, чудотворца.

(Перевод С. А. Семячко)

Примечания

В написанной во второй [illegible] XVII в. «Повести о Тверском Отроче монастыре», как [illegible] вия, повествуется об основании мужского [illegible] Твери. Но на первом плане в Повести [illegible] любви княжеского [illegible] пономаря — красавице [illegible] девушки, отвергшей [illegible] долгих скитаниях [illegible] мотивы и видения [illegible] Повести не только в XVII [illegible] XIX [illegible] ее сюжету обращались В. [illegible] и др.

[1] Ярослав Ярославич [illegible] в 1255—1263 гг., в 1263—1271 гг. [illegible] Тверским князем он стал [illegible] в Повести [illegible] литературный [illegible]

[2] Отрок — см. Словарь.

[3] При пострижении в монахи [illegible] другое имя.

[4] Пономарь — низший церковнослужитель: он [illegible] в колокола, пел на клиросе, прислуживал [illegible]

[5] Димитрий Солунский — [illegible] казненный в IV веке, а после смерти спасший город Солунь (ныне — Салоники в Греции) от осаждавших его врагов.

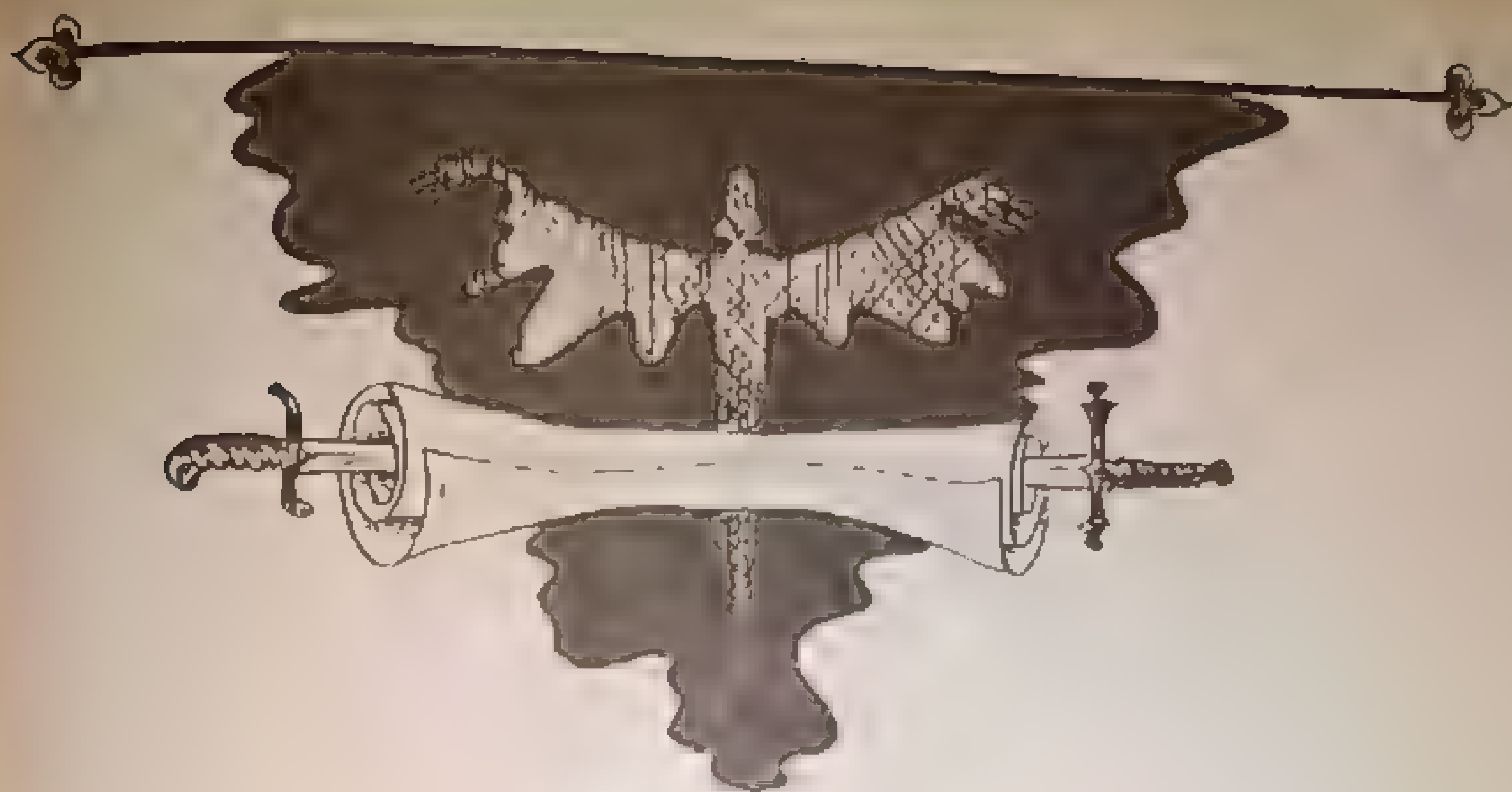
[6] Насад — см. Словарь.

[7] Поприще — см. Словарь.

[8] Вторую жену Ярослава действительно звали Ксения, но она была дочерью новгородского боярина, женился на ней князь в 1263—1264 гг.

[9] В XIII в., к которому отнесено действие «Повести...», карет в княжеском обиходе не было.

[10] Во времена Михаила Тверского Петр не мог явиться в видении: он станет митрополитом в 1308 г., а провозглашен святым в 1339 г.



ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

Повесть весьма удивительная и истинная о случившемся в нынешние дни, как человеколюбивый Бог являет человеколюбие свое народу христианскому

Хочу я вам, братия, рассказать историю поразительную, исполненную страха и ужаса и несказанного удивления достойную повесть о том, как долготерпелив к нам человеколюбивый Бог, ожидая обращения нашего, и как он невыразимыми путями своими приводит к спасению.

Было это в наши дни, в 7114 (1606) году, когда за многие грехи наши навел Бог на Московское государство богомерзкого отступника и еретика Гришку расстригу Отрепьева[1], который захватил престол Российского государства как разбойник, а не по царскому праву. Тогда по всему Российскому государству размножилась нечестивая литва и многий вред и разорение народу российскому на Москве и по городам творила. И от этого литовского разорения многие люди дома свои оставляли и из города в город переходили.

В это время в городе Великом Устюге был некто из жителей города того, по имени Фома, по прозвищу Грудцын-Усов. Род его и поныне в городе том продолжается. И вот этот Фома Грудцын, видя в России большое неустройство и нестерпимые беды от нечестивых ляхов и не захотев жить там, оставляет великий город Устюг и дом свой и переселяется с женою своею в понизовый царственный город Казань, затем что не было в понизовых городах нечестивой литвы. И жил тот купец Фома с женою своею в городе Казани вплоть до царствования благочестивого

и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси самодержца[4].

Был у того купца единственный сын по имени Савва, двенадцати лет от роду. Имел тот Фома обыкновение заниматься торговлей, совершая путь свой вниз по Волге-реке то к Соли Камской[5], то в город Астрахань, а иной раз отъезжал он по торговым делам и за Хвалынское море во владения шаха[6]. К этому он и сына своего Савву приучал, наставляя его прилежно заниматься торговым делом, чтобы мог сын по смерти родителя стать наследником имущества его.

Некоторое время спустя захотел купец Фома отплыть для торговли во владения шаха и снарядил струги с товарами, как положено, к плаванию. А сыну своему приказывает он, снарядив суда с надлежащими товарами, плыть к Соли Камской и там заниматься купеческим делом со всяким старанием. И вот, облобызав по обычаю жену и сына своего, отправляется он в путь, а помедлив несколько дней, и сын его Савва на снаряженных судах по повелению отца своего отправляется в плавание к Соли Камской.

И как достиг Савва усольского города Орла, тотчас пристает он к берегу и по наказу отца своего останавливается в гостинице у некоего известного человека. Хозяин же гостиницы с женою своею, памятуя любовь и милость отца Саввы, немало заботились о нем и опекали его, словно своего сына. И пробыл он в гостинице немалое время.

В том же городе Орле проживал некий горожанин по имени и прозвищу Бажен Второй, уже престарелый годами и известный во многих городах добродетельной жизнью своей. Был он очень богат и давно знаком и дружен был с Саввиным отцом, Фомой Грудцыным. Узнал Бажен Второй, что сын Фомы Грудцына из Казани в их городе находится, и подумал: «Отец со мной в любви и дружбе был, а ныне я пренебрег сыном его. Возьму же я его в дом свой, и пусть он живет у меня и питается со мной от стола моего».

И по задуманному, встретил Савву однажды на улице, подозвал его и говорит: «Друг мой Савва, разве ты не знаешь, что отец твой со мною в любви и дружбе был? Зачем же пренебрегаешь ты мною и не остановился в доме моем? Хоть ныне меня послушайся: приди и живи в дому моем, и будем питаться мы за общим столом. Я ведь за любовь отца твоего приму тебя все равно как сына». Савва, услышав такие его речи, сильно обрадовался, что такой известный человек хочет принять его, и низкий поклон отдал ему. Немедля переходит он из гостиницы в дом Бажена Второго и живет там во всяческом благоденствии, радуясь.

Тот Бажен Второй уже стариком женился в третий раз на молодой девице. И вот супостат дьявол, ненавидящий благо рода человеческого, видя добродетельную жизнь того мужа и желая внести смуту в дом его, соблазняет жену старика на грех любов-

ный с юношей. И непрестанно побуждала она юношу обманчивыми речами к падению. Знает ведь женская природа, как вести умы молодых к любодеянию. И, захваченный обманчивой лаской женщины той, а подлинно сказать — завистью дьявола, попал Савва в сеть прелюбодеяния с этой женой. Ненасытно предавался он с нею этому скверному делу, не соблюдая ни воскресных дней, ни праздников, позабыв страх божий и про час свой смертный. Валялся он в греховных нечистотах [illegible] и пребывал, подобно скоту, в ненасытной этой страсти [illegible] время.

И вот наступил праздник Вознесения Господа [illegible] Иисуса Христа. В канун праздника [illegible] Бажен Второй [illegible] юношу Савву, и пошли они в святую церковь к вечерне. А по окончании вечерни возвратились в дом свой и [illegible] ужина улеглись [illegible] Бога. И едва лишь [illegible] Бажен Второй крепко [illegible], жена его, подстрекаемая [illegible] своего и пошла к [illegible] к скверному прелюбодеянию. [illegible] стрелою [illegible] подумал он: [illegible] скверное дело [illegible] ступаться от нее [illegible] свою и в [illegible]. А она, еще [illegible] нее понуждала [illegible] ланием. Но, [illegible] ниго его к желанию [illegible] тала ему. И, [illegible] юношу, внезапно [illegible] яростью. Как лютая змея [illegible] и стала думать, как бы [illegible] ла немедля погубить [illegible]. И [illegible], так и сделала.

Когда же начало светать [illegible] Бажен Второй, спешно [illegible] Савву, и пошли они к утрене славить Бога. И, от[illegible] нием в страхом божьим [illegible] наступило время божественной литургии [illegible] достью в святую церковь славить Бога. А проклятая жена [illegible] тельно приготовила волшебное [illegible] змея, излить на него яд свой. По окончании божественной литургии, когда Бажен Второй и Савва вышли из церкви, возвращаясь в дом свой, воевода города пригласил Бажена Второго отобедать с ним. Спросил воевода и о юноше, чей он сын и откуда. А тот сказал ему, что из Казани он, Фомы Грудцына сын. Тогда воевода приглашает и юношу в дом свой, ибо хорошо знал отца его. И, побыв в дому воеводы, угостившись по обычаю за общим столом, вернулись они с радостью в дом свой.

Придя домой, приказал Бажен Второй принести немного вина, чтобы выпить среди домашних своих в честь Господнего праздника. И не знал он ничего о лукавом умысле жены своей; а она, словно злая ехидна, скрывает злобу в сердце своем и обращается с ласкою к юноше. Как принесли вино, тотчас наливает она чашу и подносит мужу своему. Он выпил, возблагодарив Бога. Потом, наливши опять, сама выпила. И тотчас же наливает она приготовленное с отравою зелье и подносит юноше Савве. А он, ничего не зная о злом умысле, не боясь лукавства той жены, выпивает лютое зелье без размышления. И вот словно огонь загорелся в сердце его, и подумал он про себя: «Много было различных вин в доме отца моего, а никогда не пивал я такого питья, как теперь». И после того питья начал он тужить сердцем и скорбеть по жене. А она, словно львица лютая, с яростью смотрела на него, и неприветлив был взор ее. И, сокрушаясь, тужил он о ней сердцем. А она стала мужу своему клеветать на юношу, говорить нехорошие о нем слова, и приказывает выгнать его из дому. Добродетельный муж, хотя и жалел сердечно юношу, однако, поверив женскому обману, приказывает юноше уйти из дому своего, сославшись на некую причину. И с великим сожалением и печалью на сердце ушел юноша из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене.

И пришел он опять в гостиницу, где раньше проживал. А хозяин спрашивает его, по какой причине ушел он из дому Бажена. И сказал Савва, что сам не захотел жить у него: «Потому голодно было». А сердцем все скорбел и тужил он по жене той неутешно. И стал он сохнуть от великой печали, и увядала красота лица его. А хозяин видел, что юноша нездоров и печален, но недоумевал, с чего это сталось.

Был в том городе волхв, который чарами волшебства своего угадывал, с кем какая беда случится и кому жить или умереть. Благоразумный хозяин гостиницы с женою своею, немало заботясь о юноше, призвали тайно волхва, желая узнать от него, что за болезнь у юноши. Пришел волхв и, посмотрев в волшебные свои книги, сказал им истину, что никакой болезни у юноши нет, только тужит он по жене Бажена Второго, ибо был с ней в грехе, а теперь в разлуке с нею, от печали по ней сокрушается. Хозяин с женой, услышав это от волхва, не поверили и не придали тому значения, ибо был Бажен Второй человеком благочестивым и боявшимся Бога. А Савва все тужил и скорбел о проклятой той женщине и день ото дня телом худел с той печали, будто бы какой тяжелой болезнью болея.

Однажды Савва вышел за город на поле прогуляться от большого уныния и скорби. Шел он один по полю и никого не видел ни перед собою, ни сзади себя. И ни о чем другом не думал он, как только о печали своей от разлуки с женой Бажена. И явилась в уме его злая мысль: «Если бы кто-нибудь из людей или сам дьявол сделал теперь так, чтобы сойтись мне опять

с женщиной той, послужил бы я дьяволу». Так подумал он, идучи один, словно в исступлении ума. И, пройдя немного еще, услышал за собою голос, называющий его по имени. Обернувшись, видит он за собою юношу в богатой одежде. Быстро идет тот, машет рукой, просит обождать его. Остановился Савва, поджидая к себе того юношу. И подошел к Савве юноша этот, а вернее сказать — супостат дьявол, что постоянно рыщет, ища погибели человеческой. И когда подошел он к Савве, поклонились они друг другу по обычаю. И сказал подошедший Савве: «Брат Савва! Что ты, словно чужой, бегаешь от меня? Я уже давно ждал тебя к себе, ждал, что придешь ко мне и будем жить с тобою по-родственному. Я давно уже знаю о тебе, что ты из рода Грудцыных-Усовых из города Казани. А если хочешь знать, и я из того же рода, из города Великого Устюга. Давно проживаю здесь для покупки коней. И уж раз по рождению братья мы с тобою, то будь ты мне брат и друг, и не отлучайся от меня, а я во всем буду рад помочь тебе». И, услышав от мнимого брата, а по правде сказать — от беса, таковые речи, очень Савва обрадовался, что в такой дальней, незнакомой стороне нашел своего сродника. И крепко поцеловались они, а затем пошли вместе по пустынному полю тому.

И говорит бес Савве: «Брат Савва! Какая в тебе болезнь, что так совсем исчезла юношеская красота твоя?» И Савва, хитря всячески, начал рассказывать ему о том, что случилась у него некая тяжелая болезнь. Бес же, усмехнувшись, сказал ему: «Что ты скрываешь от меня? Ведь я знаю болезнь твою. Но что дашь ты мне, если я помогу болезни твоей?» И сказал Савва: «Если ты и вправду знаешь истинную болезнь, что ношу я в себе, тогда поверю тебе, что можешь помочь мне». Бес же говорит ему: «Ты сокрушаешься сердцем своим по жене Бажена Второго, потому что лишился любви ее. Но что мне дашь, если я тебя сведу с нею и будет она любить тебя?» И сказал Савва: «Я тогда весь товар и имущество отца моего, что здесь со мною, все отдам тебе вместе с прибылью. Только сделай так, чтобы по-прежнему мне быть с той женщиной». Бес, рассмеявшись, так говорит ему: «Зачем ты искушаешь меня? Я знаю, что у отца твоего действительно много богатств, но знаешь ли ты, что мой отец в семь раз богаче отца твоего? И что мне в твоем товаре? Но дай мне на себя грамоту некую небольшую, и я тогда исполню желание твое». Юноша обрадовался, подумав: «Богатство отца моего будет цело; а я дам ему грамоту, все, что прикажет написать». А не знал он, какой опасности он себя подвергает. Ведь он еще по-настоящему ни писать не умел, ни склады разбирать. О безумство юноши! Как опутал его обман женский и ради того к какой идет погибели! И когда бес произнес обращенные к юноше речи, тот с радостью обещался дать грамоту. Мнимый же брат, а по правде сказать — бес, быстро вынув из кармана чернила и бумагу, подает их юноше и приказывает ему немедленно

написать грамоту. А юноша Савва, еще не умевший писать как следует, стал писать, сам того не понимая, что говорил ему бес, и этой грамотой отрекся он от Христа, истинного Бога, и предал себя в услужение дьяволу. Написав же эту богоотступную грамоту, отдает ее дьяволу, мнимому своему брату. И затем пошли они вместе в город Орел.

И спросил Савва беса: «Скажи мне, брат мой, где ты живешь, чтобы я знал твой дом». Бес рассмеялся и говорит ему: «А особого дома нет у меня, где случится, там и ночую. Если же хочешь видеться со мною почаще, то ищи меня всегда на конной площади. Я ведь, как и сказал тебе, проживаю здесь для покупки коней. Но я и сам не поленюсь посещать тебя. Ныне же иди к лавке Бажена Второго; знаю, что с радостью вновь призовет он тебя в дом свой жить».

Обрадованный, поспешил Савва по совету брата своего дьявола к лавке Бажена Второго. И как увидел Бажен Савву, начал усердно приглашать его к себе, говоря: «Господин Савва, какое зло сотворил я тебе и зачем ушел ты из дому моего? Прошу тебя, приди теперь опять жить в дому моем. Я же за любовь отца твоего сердечно рад тебе, будто собственному своему сыну». И Савва, лишь услышал от Бажена такие слова, исполнился радостью несказанною и пошел скорее в дом Бажена Второго. Когда пришел юноша, жена Бажена, видя его, подстрекаемая дьяволом, радостно встречает его, и приветствует ласково, и целует его. И пойманный женским обманом, а дьяволом прежде всего, вновь попадает юноша в греховные сети с проклятою женщиной той, и опять не помнит он ни праздников, ни воскресных дней, не имеет страха божия, ибо, ненасытный, постоянно с ней в нечистотах греха, словно свинья, валялся он.

Много время спустя дошел вдруг слух до матери Саввы в знаменитый город Казань, что сын ее живет непотребно и непорядочно и все, что было с ним из отцовских товаров, истощил он в разврате и пьянстве. Мать его, слышавши то о сыне своем, сильно огорчилась и пишет к нему письмо, чтобы возвратился он оттуда в город Казань в дом отца своего. И когда пришло к нему письмо, посмеялся он, прочитав его, и не внял ему. А она опять посылает к нему и второе и третье письмо, и с мольбой его просит, и клятвами заклинает, дабы немедленно ехал оттуда в город Казань. Савва же не послушал нимало материнской просьбы и клятв, не придал значения им, только по-прежнему предавался страсти блудной.

Некоторое же время спустя взял бес Савву с собою, и пошли они опять за город Орел в поле. И как вышли они из города, говорит бес Савве: «Брат Савва, знаешь ли, кто я? Ты, верно, полагаешь, что я из рода Грудцыных. Но это не так. Ныне скажу я тебе за любовь твою всю правду. А ты не пугайся и не стыдись звать меня братом своим. Я ведь истинно братски полюбил тебя. Если же хочешь знать: я царский сын. Впрочем, пойдем, я пока-

жу тебе славу и богатство отца моего». И, говоря так, привел он его в пустынное место на некий холм и показал ему оттуда в долине город великолепный — стены и кровли и мостовые все из золота чистого блистают. И сказал ему: «Город тот — творение отца моего! Идем же и поклонимся вместе отцу моему. А грамоту, что дал ты, ныне возьми у меня и сам вручи ее отцу моему. И великой честью будешь за то почтен от него». Сказав так, отдает бес Савве богоотступную его грамоту. О неразумие отрока! Не знает он того, что нет никакого царства поблизости от Московского государства, но все те места во владении царей московских. Если бы положил тогда он на себя крестное знамение, все бы те видения дьявольские как тень исчезли!

И пошли они к привидевшемуся городу тому. Когда же приблизились к городским воротам, встречают их юноши, лицом темные, в одеждах златотканых и с золотыми поясами, и кланяются, честь воздавая сыну царскому, а по сути говоря — бесу, также и Савве кланяются. Когда же вошли они на царский двор, снова встречают их иные юноши в одеждах, блистающих еще более, и так же кланяются им. А как вошли они в палаты царские, тотчас встречают их другие юноши, один другого достоинством и одеждами превосходящие, и воздают они достойные почести сыну царскому и Савве. И войдя в палату, бес говорит: «Брат Савва, подожди меня здесь немного. Я же пойду возвещу о тебе отцу моему и введу тебя к нему. Когда же будешь перед ним, не раздумывая и не боясь ничего, подай ему грамоту свою». И, сказав так, пошел он во внутренние палаты, оставив Савву одного. Пробыв там недолго, выходит он к Савве и, взяв за руку, вводит его пред лицо князя тьмы.

Сидит тот на престоле высоком, камнями драгоценными и золотом изукрашенном. И весь блистает он славой великой и одеянием своим. Вокруг же его престола видит Савва множество стоящих юношей крылатых. И одни из них лицом сини, другие багряны, иные же черны, как смола. Представ перед царем, Савва пал на колени и поклонился ему. И спросил его царь: «Откуда пришел ты сюда и что у тебя за дело?» И безумный тот юноша подносит ему свою грамоту богоотступную, говоря: «Пришел я, великий царь, чтобы послужить тебе». Древний же змий сатана, взяв грамоту, прочитал ее и, оглядев темноликих воинов своих, произнес: «Хотя и приму я этого юношу, но не знаю, верен ли будет мне или нет». И, подозвав сына своего, мнимого брата Саввы, сказал ему: «Иди в другие палаты и отобедай там с братом своим». И вот, поклонившись царю, вышли в прежнюю палату и стали обедать. И столь несказанные благоуханные яства и напитки приносили им, что дивился Савва, говоря: «Никогда в дому отца моего таких яств не знал и вин не пил».

По насыщении же взял бес Савву за руку, и пошли они со двора царского. И когда вышли они из города, спрашивает Савва брата своего, беса: «Что это, брат мой, за юноши крылатые,

стоявшие вкруг престола его?» А бес, улыбаясь, отвечает ему: «Разве не знаешь ты, что разные народы служат отцу моему: и индийцы, и персы, и другие многие? Не удивляйся же этому и, не сомневаясь, зови меня братом своим; и буду я тебе меньший брат. Только одно скажу тебе: во всем будь послушен мне; я же всякое благодеяние рад устроить тебе». И обещал Савва во всем быть послушным ему. Договорившись так, пришли они назад в город Орел. И, оставивши Савву, бес удаляется. А Савва вернулся в дом Бажена и совершал по-прежнему свое скверное дело.

В то же время возвратился в город Казань из Персии с большой прибылью отец Саввы Фома Грудцын и, как подобает, по обычаю облобызав жену свою, спрашивает ее о сыне своем, жив ли он. И она сообщает ему: «От многих слышу о нем. По отбытии твоем в Персию отправился он к Соли Камской, а оттуда в город Орел. Там и доныне живет он жизнью непотребною. Все богатство наше, говорят, истощил в пьянстве и разврате. Много я писала ему о том, чтобы возвратился оттуда в дом наш, а он никакого ответа не дал мне. И поныне там пребывает. А жив он или нет, о том не ведаю». Фома, услыхав такие речи от жены своей, сильно смутился умом и тотчас написал послание к Савве, всячески умоляя его ехать оттуда без промедления в город Казань: «Чтоб мог я увидеть, чадо, красоту лица твоего, чадо мое, затем что давно не видел тебя». Савва, получив и прочтя то послание, не внял и пренебрег им, и не думал ехать к отцу своему, но, как и прежде, пребывал в постоянном разврате. И Фома, видя, что нет успеха от письма его, приказывает немедля готовить струги с надлежащим товаром и сам отправляется к Соли Камской. «Сам, — говорит, — отыщу и верну своего сына в дом свой». А бес, когда узнал, что отец Саввы путь предпринял к Соли Камской, чтобы Савву взять в Казань, говорит Савве: «Брат Савва, до коих пор нам жить в этом невеликом городе? Поедем мы с тобой в другие города, погуляем, а после сюда возвратимся». Савва в том не перечил, только сказал ему: «Ладно говоришь, брат, поедем, но подожди немного, я возьму из казны моей несколько денег на дорогу». А бес ему воспрещает: «Разве не видел ты славы отца моего и не знаешь, что везде есть селения его? Куда ни придем, везде будет денег у нас сколько надобно». И вот поехали они из города Орла, и никто не знал, ни сам Бажен Второй, ни жена его, об отъезде Саввы.

Оказались бес и Савва за одну ночь на реке Волге в городе Козьмодемьянске, что на расстоянии более двух тысяч поприщ от Соли Камской. И говорит бес Савве: «Если кто тебя знающий увидит здесь и спросит, откуда прибыл ты, говори: «Из Соли Камской за три недели добрался сюда». И Савва, как бес наказал, так и сказывал. Пробыли они в Козьмодемьянске несколько дней.

И вдруг снова бес, взяв Савву, за одну ночь оказался с ним из Козьмодемьянска в селе Павловом Перевозе на реке Оке. Прибыли они туда в четверг, а в этот день в селе бывает торг. И когда ходили они по торгу, увидел Савва некоего престарелого нищего. Стоит он, одетый в ветхие лохмотья, смотрит на Савву пристально и плачет. Савва же отошел немного от беса и приблизился к старцу, желая узнать о причине слез его. И, подойдя, сказал старцу: «Какая печаль, отец, у тебя, что неутешно так плачешь?» А тот нищий, святой старец, ему отвечает: «Плачу, чадо, о погибели души твоей, ибо не ведаешь, что [illegible] свою и добровольно предал себя дьяволу. Знаешь ли, чадо, с кем ныне ходишь и кого братом своим называешь? То не человек, а дьявол ходит с тобою и ведет тебя к пропасти адской». Когда произнес старец такие слова, оглянулся Савва на мнимого брата своего, по правде же сказать — на беса. А тот стоит вдалеке и грозится Савве, зубами своими скрежещет. И, [illegible] отойдя от святого старца, вернулся Савва снова к бесу. Дьявол же стал поносить его, говоря: «Зачем ты [illegible] беседовал? Не знаешь разве, что [illegible] старик многих [illegible]? Видит он на тебе одежду богатую и хочет тебя [illegible] от людей обманными речами [illegible]. Но не оставлю [illegible], а то быстро [illegible] без меня». И, сказав так, [illegible] Савву [illegible] и направляется с ним [illegible] Шую. [illegible] некоторое время.

А Фома Грудцын-Усов, [illegible] Орел, [illegible] о сыне своем, а [illegible]. Все [illegible], как до приезда его [illegible] скрылся, никто не знает. [illegible] Фоме: «[illegible] приезда твоего, потому [illegible] тем и скрылся». Более же всех Бажен Второй [illegible] удивлялись, говоря: «Ночью [illegible]го. Ждали мы его обедать, а он [illegible] в нашем городе. И куда скрылся он, того [illegible] ведаем». А Фома, обливаясь горькими слезами [illegible] дая сына своего. И, в [illegible] вернулся в дом свой. Известил он о [illegible] жену свою, и вместе тосковали и печалились они об утрате единственного сына своего. С такой печалью Фома Грудцын, прожив еще некоторое время, к Богу отошел. И осталась жена его вдовою.

А бес с Саввою жили в городе Шуе. В то время благочестивый великий государь, царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович изволил послать войско свое против короля польского под город Смоленск[1]. И по его царскому указу по всей России набирали солдат-новобранцев. В город Шую для солдатского набора прислан был из Москвы стольник Тимофей Воронцов и учил там солдат новобранцев ежедневно воинскому артикулу

И ходили бес с Саввою смотреть на их учения. Говорит Савве бес: «Брат Савва! Хочешь ли ты послужить царю? Запишемся и мы в солдаты?» И Савва отвечает: «Ладно говоришь ты, брат. Послужим». Так записались они в солдаты и начали вместе ходить на ученье. И бес в воинском искусстве такую премудрость даровал Савве, что он стал превосходить в том и старых воинов, и начальников. Сам же бес, как слуга Саввы, ходил за ним и носил оружие его.

Когда же привели солдат-новобранцев из Шуи в Москву и отдали их в ученье некоему немецкому полковнику, тот полковник, придя посмотреть новобранцев-солдат на учении, тотчас заметил юношу, который, несмотря на свои молодые годы, в науке воинской весьма изрядные познания имеет, никаких ошибок во всем артикуле не делает и многих старых воинов и начальников в том превосходит. Удивился тут полковник острому уму его и, призвав к себе, спросил, кто он по рождению. Сказал Савва ему всю правду. Полковнику сильно полюбился Савва, назвал полковник его сыном своим, дал ему с головы своей шляпу с драгоценными камнями и поручает ему три роты солдат новобранцев, чтобы вместо него выстраивал их Савва и обучал. Бес же тайно шепчет Савве: «Брат Савва! Если будет у тебя недостаток в деньгах, чем ратных людей жаловать, скажи мне, и я принесу тебе, сколько надобно, чтобы в команде твоей ропота и жалоб на тебя не было». Таким образом, все солдаты Саввы в постоянной тишине и покое пребывали, а в прочих ротах постоянно разговоры и возмущение бывали, ибо с голоду и от наготы вопили там солдаты, жалованья не получая. У Саввы же пребывали солдаты в полном довольстве, и дивились все уму его.

После же некоего случая дошло известие о нем и до самого царя. В то время немалую власть на Москве имел шурин царский, боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Узнав про Савву, приказывает он привести Савву к себе.

И когда тот пришел, сказал боярин ему: «Хочешь ли, юноша, чтобы принял я тебя в дом мой, и тем окажу тебе честь немалую?» А тот поклонился и отвечал: «Есть, государь мой, брат у меня, спрошу его. Если повелит он мне, то с радостью буду служить тебе». Боярин не стал тому противиться, отпустив его, чтобы мог спроситься у брата своего. Савва же, возвратясь, поведал о том мнимому брату своему, бесу. И ответил ему бес с яростью: «Зачем ты хочешь пренебречь царской милостью и служить холопу его? Ты и сам ныне в том же ряду стоишь, ибо самому уже царю стал известен. Нет, не быть тому; но послужим самому царю. И когда царь узнает верную службу твою, тогда и в чине возвысит он тебя».

По царскому же повелению все солдаты новобранцы розданы были по стрелецким полкам в пополнение. А Савва поставлен был на Сретенке, в Земляном городе, в Зимином приказе[14], в доме стрелецкого сотника по имени Яков Шилов. И сотник со своей

женой, люди благочестивые и благонравые, видя способности Саввы, весьма почитали его. А полки в Москве были уже в полной к походу готовности.

В один из дней пришел бес к Савве и сказал ему: «Брат Савва! Пойдем прежде полков в Смоленск; посмотрим, что делают поляки, как укрепляют они город и боевое снаряжение устраивают». И за одну ночь оказались они из Москвы в Смоленске и пробыли в нем три дня и три ночи, никем не видимы. Сами же они все видели, наблюдая, как поляки город укрепляют и к местам приступа разные гарматы[1] доставляют. А на четвертый день бес показал себя и Савву полякам в Смоленске. Поляки, увидав их, сильно встревожились и погнались за ними, стремясь изловить их. Бес же с Саввой, быстро выбежав из города, прибежали к реке Днепру, и расступилась многоводная перед ними вода. И перешли они реку словно посуху. А поляки хотя и сильно стреляли по ним, но никакого вреда не причинили им. И, дивясь, говорили они: «То бесы в образе человеческом приходили в город наш». А Савва с бесом вернулись в Москву и остановились у того же сотника Якова Шилова.

Когда же по царскому указу пошли полки от Москвы под Смоленск, пошел и Савва с братом своим бесом в полках. Во главе же всех полков был тогда боярин Федор Иванович Шеин. И в пути сказал бес Савве: «Брат Савва! Когда будем под Смоленском, выедет из города Смоленска богатырь на поединок и станет вызывать себе противника. Ты же ничего не бойся, выйди против него. Знаю я и говорю тебе, что ты сразишь его. А на другой день снова выедет из Смоленска другой воин на поединок, ты выйди опять и против того. Знаю, что и того поразишь. И на третий день выедет из Смоленска третий воин, ты же не бойся ничего, выходи против него, и его сразишь. Однако и сам будешь им ранен, но я тебя быстро излечу». Так наставлял его бес. И подошли полки к Смоленску и стали в указанном месте.

И, по слову бесовскому, на следующий день из города выехал один вида страшного. Разъезжает он на коне, ища в московских полках противника себе. Но никто не осмеливался выйти против него. Тогда объявляется Савва перед полками и говорит: «Если бы был у меня добрый боевой конь, я бы вышел на бой против неприятеля этого царского». И друзья его, услыхав такие слова, немедля известили о том боярина. И боярин приказал привести Савву к себе и велел дать ему коня отличного и оружие. А сам думал, что вскоре юноша найдет погибель от такого страшного исполина. И Савва, по слову брата своего беса, ничуть не раздумывая и не боясь, выезжает против польского богатыря и, стремительно поразив его, вскоре приводит его с конем в полки московские. И восхваляли все Савву. А бес ездил за ним, услуживал ему и носил оружие его. На второй день опять из Смоленска выезжает известный воин в поисках противника себе из войска мо-

сковского. Снова выезжает против него тот же Савва и поражает его. И дивились все храбрости его. А боярин разгневался на Савву, но скрывал злобу в сердце своем. А на третий день еще выезжает из города Смоленска некий воин, славнее прежних, также ищет и вызывает себе противника, а Савва хотя и боялся выехать против этого страшного воина, однако, по слову бесовскому, немедленно выезжает и против него. И, внезапно напав на Савву со всей яростью, ранил поляк его в левое плечо и бедро. Но Савва, оправившись, нападает на поляка и убивает его. И притащил он поляка вместе с конем в стан свой, чем немалый позор навлек на смолян, а все российское воинство в удивление привел. Потом поляки стали из города делать вылазки. И войско с войском, сойдясь, стали биться врукопашную. А где Савва с братом своим сражались, на той стороне поляки бежали от них без оглядки, тыл показывая. Так бесчисленное множество поляков поражали они, а сами оставались невредимы от них.

Боярин, слыша о храбрости юноши, уже не мог скрыть тайного гнева в сердце своем. И вот немедля призывает он Савву в свой шатер и говорит ему: «Скажи мне, юноша, какого ты рода и чей ты сын?» И Савва сказал ему, что он из Казани, Фомы Грудцына-Усова сын. И начал боярин поносить его жестокими нехорошими словами, говоря ему: «Какая нужда заставляет тебя смерти искать? Знаю я, что отец и родные твои богатства имеют бесчисленные. Из-за какого же гонения или оскорбления пришел ты сюда, оставив родителей своих? Однако я говорю тебе: не задерживайся здесь, но иди в дом родителей твоих и там, благоденствуя, пребывай с родителями своими. А если меня не послушаешь и услышу, что здесь остаешься ты, то без всякого милосердия погибнешь здесь, ибо прикажу отсечь тебе голову». Сказал так боярин юноше и в ярости удалился. А юноша в большой печали вышел из шатра.

Как отошли они от шатра, сказал бес Савве: «Что же ты так печалишься? Если не угодна оказалась здесь служба наша, то возвратимся в Москву и останемся там». И вскоре вернулись они из Смоленска в Москву и остановились снова в доме сотника Якова Шилова. И бес, пребывая днем вместе с Саввой, на ночь уходил от него в свои адские жилища, где испокон века имеют обыкновение пребывать окаянные. И по прошествии немалого времени вдруг разболелся Савва. Тяжка была болезнь его, и был он почти при смерти. А благоразумная и богобоязненная жена сотника всячески опекала Савву и заботилась о нем. Не раз уговаривала она Савву, чтобы велел он позвать иерея, исповедал грехи свои и причастился святых тайн. «Вдруг,— говорила,— от такой тяжкой болезни без покаяния умрет». А Савва все отказывался. «Хотя,— говорит,— и тяжело болею, но не смертельна болезнь моя». Но день ото дня становилась тяжелее его болезнь. А та женщина неотступно продолжала уг

рашивать Савву покаяться. «Избежишь тем,— говорила,— смерти».

И вот, убежденный богобоязненной женщиной, Савва приказывает позвать к себе иерея. Жена сотника, не откладывая, посылает в храм святого Николая, что в Грачах, и велит позвать священника из той церкви. Священник же без промедления прибыл к больному. Был иерей тот в летах, престарелый, муж весьма искусный и богобоязненный. Придя к больному, начал он произносить молитвы покаянные, как то положено.

И когда все люди вышли из горницы и священник начал исповедовать больного, внезапно видит больной, как в горницу вошла целая толпа бесов. Мнимый брат его, а по правде сказать — бес, пришел с ними уже не в человеческом образе, а в природном своем, звероподобном. Стоя позади толпы бесов, смотрел он с великою яростью и скрежетал зубами, показывая Савве богоотступную грамоту, которую дал ему Савва близ Соли Камской. И говорит больному бес: «Видишь ли, клятвопреступник, что это такое? Не ты ли это писал? Иль ты полагаешь, что покаянием освободишься от нас? Нет, не надейся на то, я ведь ринусь на тебя со всею своею силою!» И много иных непотребных речей говорили бесы. А больной, видя все это воочию, то ужасался, то надеялся на силу божию и обо всем в подробностях исповедовался иерею. Священник же, хотя и был муж святой, однако испугался, затем что не видно было в горнице никого, кроме больного, но слышен был шум великий от того бесовского сборища. С великим трудом исповедал он больного и удалился в дом свой, никому ничего не сказав.

После же исповеди напал на Савву нечистый дух и начал немилосердно мучить его. То бил его о стену, то сбрасывал с постели на пол, то давил его с храпом и пеной и иными муками терзал его. А названный богобоязненный муж, сотник, с благочестивою женой своей, видя такое внезапное нападение дьявола на юношу и невыносимые мучения его, глубоко о нем сожалели и испускали вздохи из глубины сердца своего, но не могли никакой помощи ему оказать. А бес нападал на больного день ото дня жесточе, мучая его, и на всех тут находившихся большой страх наводил.

Наконец хозяин дома того, наблюдая такое необычное с юношей происшествие и особливо зная, что юноша был известен самому царю своею храбростью, стал думать с женой своей, как бы известить о том царя. Была у них одна родственница, находившаяся в доме царском. И, подумав о том, посылает сотник немедленно жену свою к этой родственнице, прося ее обо всем подробно известить, чтобы родственница донесла обо всем немедля царю. «А вдруг,— говорит,— умрет юноша от такого бедственного случая, а с нас взыщет царь за неизвещение».

И жена его безо всякого промедления поспешила к родственнице своей и рассказала ей, что наказывал муж, все по порядку.

Родственница, услыхав такие речи, умилилась в душе, соболезнуя юноше, но еще более опасаясь за своих родичей, чтобы и вправду не было им беды от такого случая. И, без промедления направившись из дома своего в царские палаты, извещает она о том ближних советников царских. А вскорости доходит о том известие и до самого царя.

И царь, как услышал о юноше такие вести, изливает милосердие свое на него, приказывая ближайшим своим советникам в час повседневной смены караула посылать в дом сотника, где лежит больной юноша, по двое караульных. «Пусть смотрят,— сказал,— с прилежанием за юношей, чтобы не ввергнулся он, обезумев от бесовского мучения, в огонь или в воду». А сам он, благочестивый царь, посылал к больному пищу на всякий день. А как поправится больной, повелевает известить себя. И так все и было. И немалое время пробыл больной в таком бесовском томлении.

А в первый день июля месяца был юноша необычно бесом измучен. И вот, заснув немного после мучения, начал он во сне говорить как наяву, источая слезы из-под закрытых век своих, и сказал следующее: «О всемилостивейшая государыня царица Богородица, помилуй, владычица! Не солгу, владычица всех, не солгу, но исполню, как обещался тебе». А домашние и стерегущие его воины, слыша такие слова больного, удивившись, сказали: «Некое видение он видит!»

И лишь воспрянул больной от сна, приступил к нему сотник с вопросами: «Поведай мне, господин Савва, зачем произнес со слезами во сне такие слова и к кому?» И снова потекли слезы по лицу Саввы. «Видел я,— сказал,— что подошла к ложу моему жена светозарная, вся сияющая в лучах, в ризе багряной. А с нею два мужа, покрытые сединами; один в архиерейской одежде, а другой в апостольском одеянии. И думаю я, что была та жена не кто иная, как пресвятая Богородица, а из мужей один — наперсник Господень апостол Иоанн Богослов, а второй — неусыпный страж града нашего Москвы, славнейший из иерархов архиерей божий Петр-митрополит. Изображения же их на иконах я хорошо знаю. И сказала мне светозарная та жена: «Что с тобою, Савва, и о чем ты так скорбишь?» А я сказал ей: «Скорблю, владычица, что прогневил Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода христианского, и за то люто мучит меня бес!» И она с улыбкой сказала мне: «Что же помышляешь ныне? Как избыть тебе эту скорбь и как тебе выручить рукописание свое из ада?» А я ей сказал: «Не могу, владычица, разве лишь с помощью Сына твоего и твоей всесильною милостью!» Она же сказала мне: «Уж упрошу я за тебя Сына своего и Бога твоего, только одно слово мое исполни. Ежели избавлю тебя от беды твоей, станешь ли ты иноком?» И я те клятвенные слова, что вы слышали, произнес ей во сне. А она вновь сказала мне: «Слушаешь, Савва: как придет праздник явления образа моего, что

в Казани[13], явись во храм мой, что на площади у Ветошного ряда. И я пред всем народом чудо явлю на тебе». И, сказав мне это, стала невидима».

Сотник и приставленные к Савве воины, услышав сказанное им, пришли в изумление. И стал сотник с женой своей размышлять, как бы известить о том видении самого царя. И надумали послать за родственницей своей, чтобы известила о том советников в царских палатах, а от них уж дойдет весть к самому царю. Пришла родственница в дом сотника, и рассказали они ей видение больного юноши. А она, услышав, тотчас возвращается к царским палатам и извещает ближних советников, которые немедленно доводят до слуха царя о бывшем Савве видении. А царь, как услышал о том, весьма удивился.

Когда же наступил восьмой день июля праздник пресвятой Богородицы Казанской, был крестный ход со святыми иконами и честными крестами из соборной церкви Успения пресвятой Богородицы к церкви Казанской Богородицы. На том крестном ходе был и сам великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, был и святейший патриарх со всем священным собором, и множество вельмож. И вот повелевает царь принести болящего Савву к той церкви. И тотчас по повелению царскому принесли его, больного, на ковре к церкви Казанской Богородицы и положили его вне церкви, в преддверии.

И едва начали совершать литургию, напал на Савву нечистый дух, и стал злобно мучить его демон. И вскричал Савва не своим голосом: «Помоги мне, госпожа, помоги мне, царица небесная Богородица».

А когда начали петь херувимскую песнь[14], внезапно загремел с неба голос, подобный грому: «Встань, Савва, и приди скорее в храм мой!» И он встал с ковра, словно никогда не болел, пришел быстро в храм и пал перед образом пресвятой Богородицы, молясь со слезами. И упала тогда сверху из-под купола церковного богоотступная та грамота, что дал Савва у Соли Камской дьяволу, совсем чистая, точно никогда на ней и не было писано. И еще был голос, повторяющий: «Савва, вот рукописание, что ты написал! Исполни же заповедь мою и более не согрешай!» Он же поднялся, принял грамоту и воскликнул со слезами перед образом: «О преблагословенная матерь господня, заступница рода христианского и молельщица за нас перед Сыном своим, а нашим Богом! Прости мне содеянное и избавь меня от адской пропасти. Я же исполню обещанное мною!» И тогда царь, и патриарх, и все вельможи, бывшие здесь, слыша и видя столь славное чудо, возблагодарили Бога и пречистую его матерь и весьма подивились такому божию милосердию, что избавил Бог его от адской пропасти. По совершении же божественной литургии воздали хвалу Господу и отслужили всем священным собором молебствие о явившемся перед всеми чуде.

Потом, проводив святые иконы и честные кресты до соборной

церкви, пошел царь в свои царские палаты, радуясь несказанному чуду и благодаря Бога. Также и Савва пошел в дом свой к названному сотнику Якову Шилову, здоровый, словно он и не болел никогда. И, видев это, сотник и жена его весьма удивились и благодарили Бога за такое его милосердие к роду христианскому.

Савва же, немного прожив еще у сотника и раздав все имущество, что было у него, по церквам и нищим, пошел сам в монастырь Чуда архистратига Михаила, что зовется Чудов монастырь[15], близ соборной и апостольской церкви честного и славного Успения пресвятой Богородицы[16], постригся там в монашеский чин и стал жить в том монастыре, пребывая в трудах, в посте и молитвах неусыпных, угожая Господу. И, прожив так довольно лет, отошел с миром к Господу и был погребен в том монастыре.

(Перевод Т. А. Ивановой и Ю. С. Сорокина)

Примечания

Повесть о Савве Грудцыне — произведение второй половины XVII в., самобытно развивающее сюжет о юноше, продавшем свою душу дьяволу. В Повести упоминаются действительно имевшие место события и исторические лица, и это придает ей характер рассказа о достоверном происшествии.

[1] Григорий Отрепьев, бывший монах, выдававший себя за сына Ивана Грозного — Дмитрия, погибшего в 1591 г. С помощью поляков Лжедмитрию удалось захватить Москву и стать царем в 1605—1606 гг.

[2] В 1569 г. Польша и Великое княжество Литовское объединились в единое государство — Речь Посполитую. Поэтому пришедшие с Лжедмитрием воины именуются то поляками, то литовцами. Нечестивыми их называют за католическое вероисповедание.

[3] Грудцыны-Усовы — реально существовавший богатый купеческий род.

[4] Михаил Федорович Романов — московский царь (1613—1645 гг.).

[5] Соль Камская — ныне г. Соликамск в Пермской области. Упоминаемый далее город Орел находится к юго-западу от Соликамска.

[6] Хвалынское море — Каспийское море, шах — персидский шах.

[7] Козьмодемьянск — город на западе республики Марий-Эл. От Орла до этого города около 800 км.

[8] Город на одноименной реке (в Костромской области).

[9] Осада русскими войсками Смоленска происходила в 1632—1634 гг.

[10] Сретенка — улица в Москве. Зима Васильевич — начальник

отряда стрельцов, отсюда и название стрелецкой слободы — Зимин приказ.

[11] Гарматы — пушки.

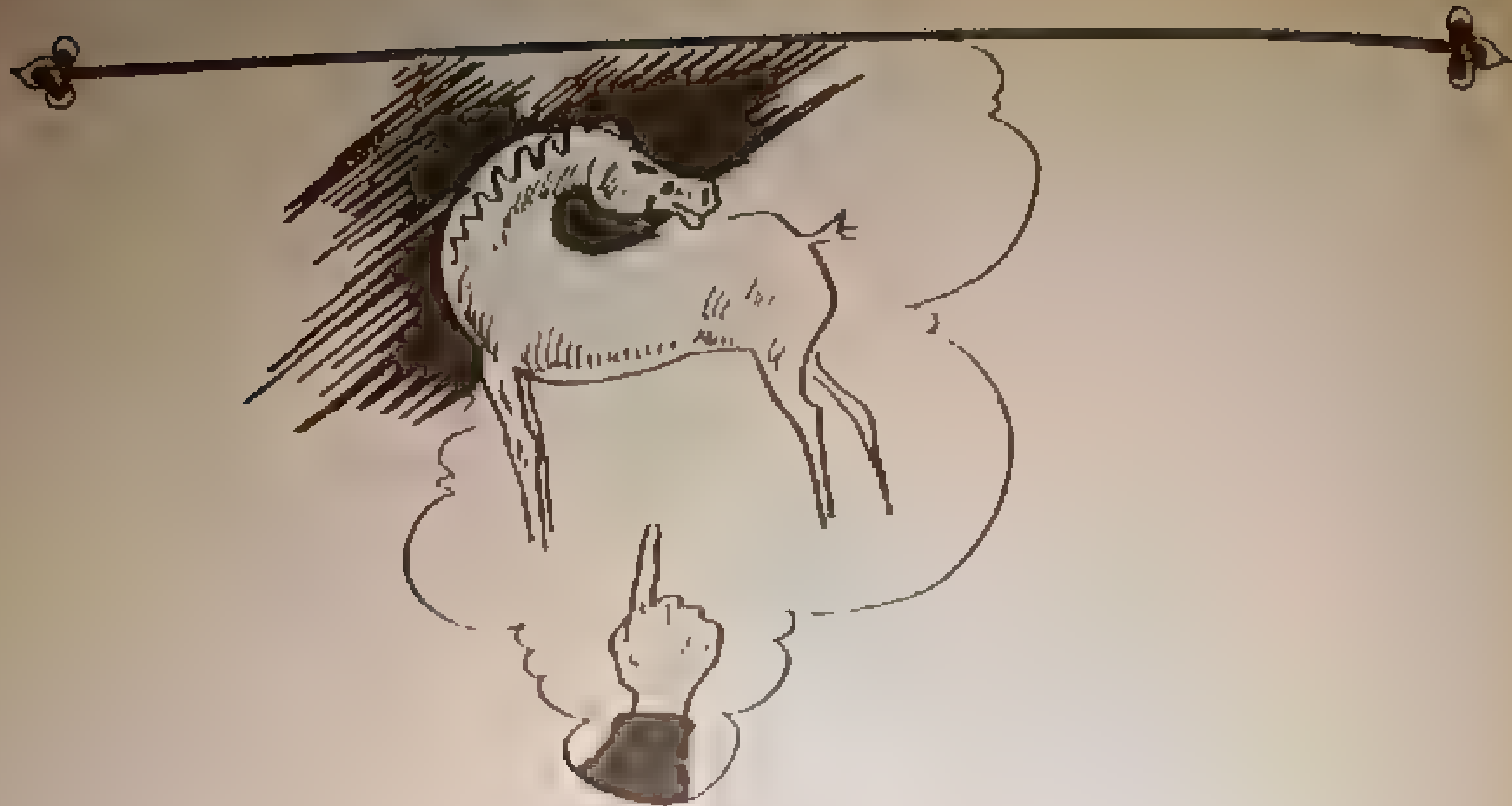
[12] В действительности осадой руководил боярин Михаил Борисович Шеин.

[13] Праздник иконы Казанской Божьей матери отмечался 8 июля. Церковь Казанской Божьей матери находилась на Красной площади.

[14] Херувимская песнь — песнопение, начинавшееся словами: «Иже херувимы...» Херувимы — высший ангельский чин.

[15] Чудов монастырь располагался на территории Кремля.

[16] Успенский собор в Кремле.



ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

Суд Шемякин

В некоих местах живяше два брата земледелцы, един богат, други убог*. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чем бы ему себе дров привезти. Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же вземь нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошеди ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, пойде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, ино будет езд приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же

* бедный, нищий



«Шемякин суд». Гравюра на меди. XIX в.

не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку* и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, идеже живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до

* зыбку, колыбель, люльку



«Шемякин суд». *Гравюра на меди. XIX в.*

смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай». Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не

замай* до тех мест**, у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти. Поп ста искати*** смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверчены плат и паказа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у пападьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убиг отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судиа ж высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же, выняв из шапки завязаны камень, и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти». И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по

---

* не бери, не трогай

** до тех пор

*** требовать возместить

нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуяся и хваля Бога. Аминь.

Примечания

«Повесть о Шемякином суде» — одно из многочисленных произведений демократической сатиры XVII в. В ней, однако, не только высмеивается продажный судья, который в надежде на «посул» (подарок, взятку) оправдывает виновного, а тот вместо наказания неожиданно получает немалый «прибыток», но и рассказывается забавная история неудачника — без вины виноватого убогого, то есть малоимущего крестьянина.

Эта «Повесть», как и последующие произведения, печатается без перевода, устаревшие слова объяснены в подстрочных примечаниях или в Словаре.



СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО ВНИДЕ В РАЙ

Бысть неки бражник, и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом Господа Бога прославлял, и чясто в нощи Богу молился. И повеле Господь взять бражникову душу, и постави ю у врат святаго рая Божия, а сам ангел и прочь пошел.

Бражник же начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам верховный апостол Петр, и вопроси: «Кто есть толкущися у врат рая?» Он же рече: «Аз есмь грешны человек бражник, хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Он же рече: «Аз есть Петр апостол». Слышав сия бражник, рече: «А ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа[1]? О чем* ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамлен.

Бражник же начя еще у врат рая толкатися. И приде ко вратом Павел апостол, и рече: «Кто есть у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего не вем» — «Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «Ты еси Павел! Помниш ли, егда ты первомученика Стефана камением побил[2]? Аз, бражник, никово не убил!» И Павел апостол отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат толкатися. И приде ко вратом рая царь Давыд: «Кто есть у врат толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребыти». Давыд рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, имени твоего не вем».— «Аз есть царь Да-

---

* почему же

выд». И рече бражник: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию[3] послал на службу и веле его убити, а жену его взял к себе на постелю? И ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши!» И царь Давыд отъиде проч посрамлен.

Бражник начя у врат рая толкатися. И прииде ко вратом царь Соломон: «Кто есть толкается у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». — «Аз есмь царь Соломон». Отвещав бражник: «Ты еси Соломон! Егда ты был во аде, и тебя хотел Господь Бог оставити во аде, и ты возопил: Господи Боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди убогих своих до конца! А се еще жены послушал, идолом поклонился[1], оставя Бога жива, и четыредесять* лет работал еси им! А я, бражник, никому не поклонился, кроме Господа Бога своего. О чем ты в рай вшел?» И царь Соломон отъиде проч посрамлен.

Бражник же начя у врат рая толкатися. И прииде ко вратом святитель Никола: «Кто есть толкущися у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «Бражником зде не входимо в рай! Им есть мука вечная и тартар неисповедим!» Бражник рече: «Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече Никола: «Аз есть Николай». Слышав сия бражник, рече: «Ты еси Николай! И помниши ли: егда святи отцы были в Никейском соборе и обличали еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария безумнаго? Святителем не подобает рукою дерзким быти. И писано есть: не убий, а ты убил рукою Ария треклятаго!» Николай, сия слышав, отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И прииде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкается?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Отвещав Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Бражником есть не наследимо царство небесное, но уготована им мука вечная, что бражником отнюдь не входимо в рай!» Рече ему бражник: «Кто есть тамо? Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю». — «Аз есть Иоанн Богослов». Рече бражник: «А вы с Лукою написали во Евангели: друг друга любяй. А Бог всех любит, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите, Иоанне Богослове! Либо руки своея отпишись, либо слова отоприся!» Иоанн Богослов рече: «Ты еси наш человек, бражник! Вниди к нам в рай». И отверзе ему врата.

Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

---

* сорок

И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь.

Примечания

Древнерусская повесть на распространенный в фольклоре и литературе многих народов мира сюжет: умный простак (в данном случае — бражник, то есть пьяница) своими остроумными репликами ставит в тупик мудрецов. В «Повести...» бражник укоряет за совершенные проступки почитаемых праведников: апостолов, царей Давида и Соломона, святого Николу — и они вынуждены допустить его в рай.

[1] Апостол Петр — см. Словарь.

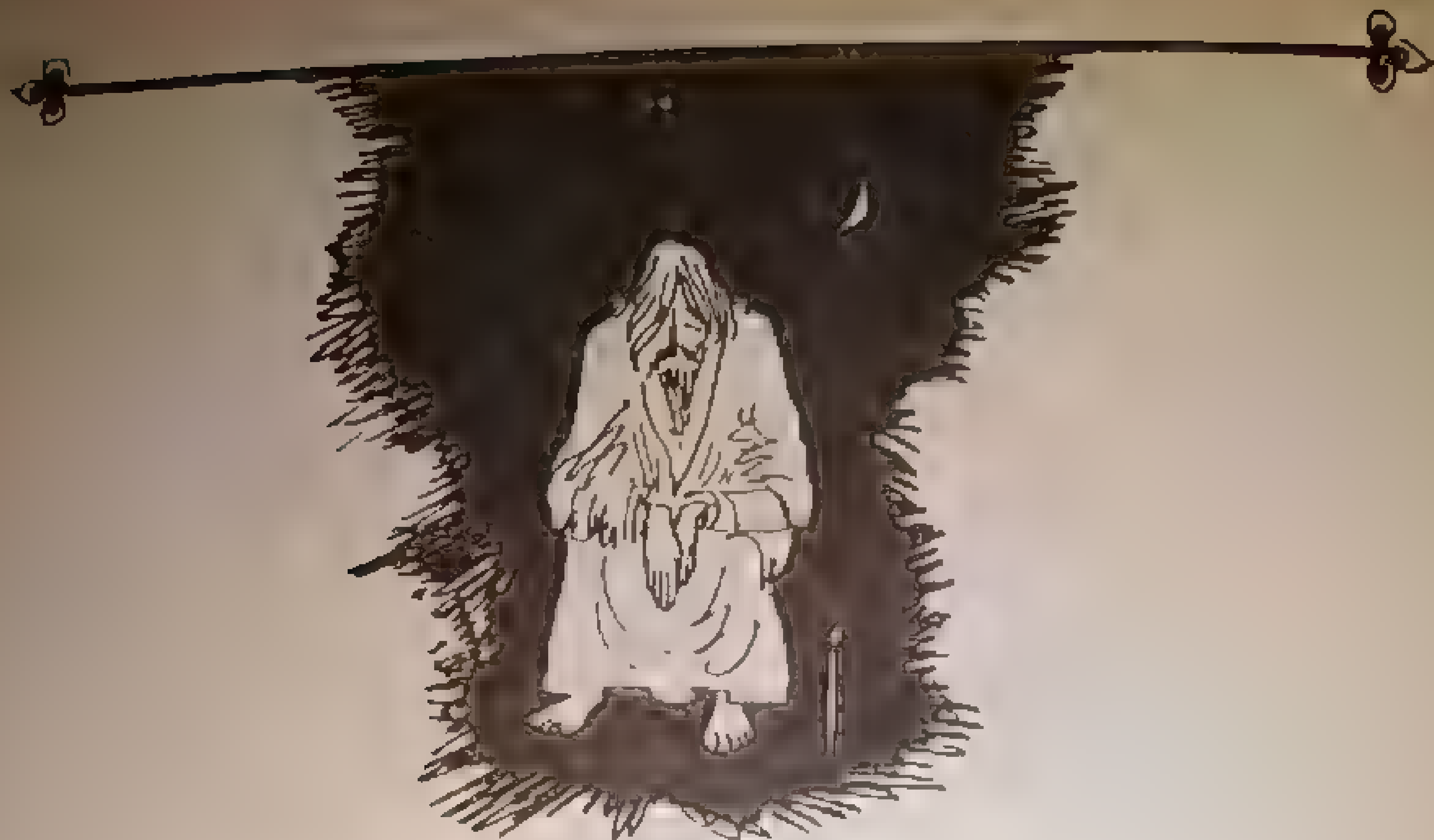
[2] Апостол Павел (см. Словарь), бывший первоначально ревностным гонителем христиан, участвовал в расправе над первым мучеником за Христа — Стефаном.

[3] В Библии рассказывается, как Давид (см. Словарь), пораженный красотой Вирсавии — жены своего военачальника, отсылает того на войну, а после его гибели делает Вирсавию своей женой.

[4] Соломон — см. Словарь. Здесь вспоминается, видимо, легенда о том, как Христос, сниходя в ад, выводит оттуда библейских пророков и праведников. Библия рассказывает, что Соломон под влиянием своих жен — урожениц различных стран — стал поклоняться почитаемым ими богам.

[5] Николай Мирликийский — византийский святой, чрезвычайно почитаемый на Руси. Существовало предание, что на церковном соборе в споре с Арием, которого церковь считала еретиком, Николай ударил его по щеке.

[6] Иоанн Богослов и Лука — евангелисты



ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин

Изволением Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческаго.
А в начале века сего тленнаго
сотворил *Бог* небо и землю,
сотворил Бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь Божественну:
не повелел вкушати плода винограднаго
от едемскаго* древа великаго.
Человеческое сердце немысленно и неуимчиво:
прелстилъся Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусили плода виноградного
от дивнаго древа великаго;
И за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама со Еввою
из святаго раю из едемскаго,
и вселил их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть, от земных плодов.

* райского

Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых детей.
Ино* зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добру *убожливи***,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в *неправде*,
в ечерине*** великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Бог разгневался, —
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие**** злое, сопостатныя находы[1],
злую немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь[2].
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, въ беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставлять
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины[3],
не садися ты на место бо́лшее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное*****,
не бойся мудра, бойся глупа,

---

* но
** скудные на добро
*** в распре
**** нищета
***** пустынное

чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт*,
не доспели бы** тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго***.
Не ходи, чадо, х костарем[4] и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать, и неправду *учинить.*
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай *богатства* неправаго,
не бу́ди по́слух[5] лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрыет Бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и *с* разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез**** он себе пятьдесят другов
Честь его яко река текла.
Дру́говя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил *надежен* друг,
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными*****,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей, ты братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие.
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!

* одежд
** не причинили бы
*** поношения бесчестного
**** приобрел
***** обманными

Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, —
я сяду стеречь и досматривать.
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, —
не хотелося ему друга ослушатца:
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился,
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробужаетца,
в те поры молодец озирается
а что сняты с него драгие порты,
чары* и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено**,
и вся собина*** у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою**** кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белыи ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое, —
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полуденги,

---

* башмаки
** украдено
*** собственность
**** обносками

так не стало ни друга, ни полдруга,
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чудным образом*,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися,
ведет он все по писанному учению,—
емлют его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовый стол,
не в бóлшее место, не в меншее, —
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные**.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца:
молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца,
и не чем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец,
зачем ты на пиру невесел седиш,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
ни пьешь ты, ни тешышся,
да ничем ты на пиру на хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или место тебе не по отчине твоей,
или *малые* дети тебя изобидили,
или глупыя люди немудрыя
чем тебе, молотцу, насмеялися,
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя!

* иконам
** купеческие

Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское,
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалося;
Господь Бог на меня разгневался
и на мою бедность вели великия
многия скорби неисцелныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изъсушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице уныливо,
и ясныя очи замутилися;
все имение* и взоры** у мене изменилися,
отечество*** мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
Скажите и научите,
как мне жить, на чюжей стороне, в чюжих людех,
и как залести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«*Доброй* еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя****,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают*****
и учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,

---

* имущество
** вид, облик
*** достоинство
**** хитрые увертки
***** узнают

и будут у тебя милыя други,
названыя братья надежныя».
И оттуду пошел, пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума
наживал он живота* болшы старова,
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелося молотцу женитися.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу
и по Божию попущению,
а по действу дияволю, —
пред любовными своими гостми и други
и назваными браты похвалилися.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба.
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочастие
хвастанье молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае**,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,
и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их въ могиле осталось.
Еще возграяло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусте же жить —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках![7]»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»

* богатства
** более искусные

Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой —
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное*,
надежи** ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца***:
за нагим-то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гаврилом[в] молотцу
по-прежнему *явилося*,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь.
Да не бьют, не мучат нагих-босых
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут****,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися своим милым другом.
Пошел молодец на чужу страну, далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,

---

* купеческое
** надень
*** отстанет
**** не вытолкают

миновался день до вечера, ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
До беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, —
уже три дни мне были нерадошны,
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба.
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного,
уйду ли я, я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано.
Богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец,
меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое,
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала!
О чем* тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучу я, Горе злочастное,
не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покарятися».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудряя на сем свете,
и ты будеш перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучюю,
покорился Горю нечистому,

---

* почему

поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику.
Идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила, —
хорошо ли мое чадо в драгих портах?
А в драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила!
Ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату[9] без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй.
Завечен[10] я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою»*.
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взели у него перевозного,
напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися** ты с своими родители,
со отцем и материю,
возми от них благословение родителское».
И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца въстретило,

* голоушкою
** вопроси прощения

учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалося,
хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилныя,
а кто в семью к нам примешается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую»
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми *выжлецы**
Молодец стал в поле ковыл-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастное насмеялося:
«Быть тебе, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с каменем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастырь пошел постригатися,
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжется
А сему житию конец мы ведаем
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай нам, Господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

* собаками

Примечания

«Повесть о Горе-Злочастии», сохранившаяся в единственном списке XVII века, рассказывает о судьбе безвестного молодца, безвольного неудачника, который, задумав жить «как ему любо», не совладал с искушениями, оступился разумных советов и традиций, а затем и окончательно оказался во власти своей непутевой судьбины - Горя-Злочастия, спасение от которого он нашел лишь в монастырской келье. Курсивом выделены исправленные слова.

[1] Сопостатные находы — нападения врагов.

[2] Спасенный путь — путь к спасению души, очищению ее от грехов перед Страшным судом.

[3] Братчина — пирушка вскладчину.

[4] Костарь — игрок в кости (азартная игра).

[5] Послух — свидетель, выступающий на суде.

[6] Ишем — хмельной напиток из меда.

[7] Вотчина во бражниках — живу я среди пьяниц.

[8] Архангел Гавриил — архангел, вестник Бога. В Евангелии рассказывается, что именно Гавриил возвестил Богородице о предстоящем рождении Христа

[9] Скарлат — дорогая ткань.

[10] Рожден по заветному желанию.



ИЗ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

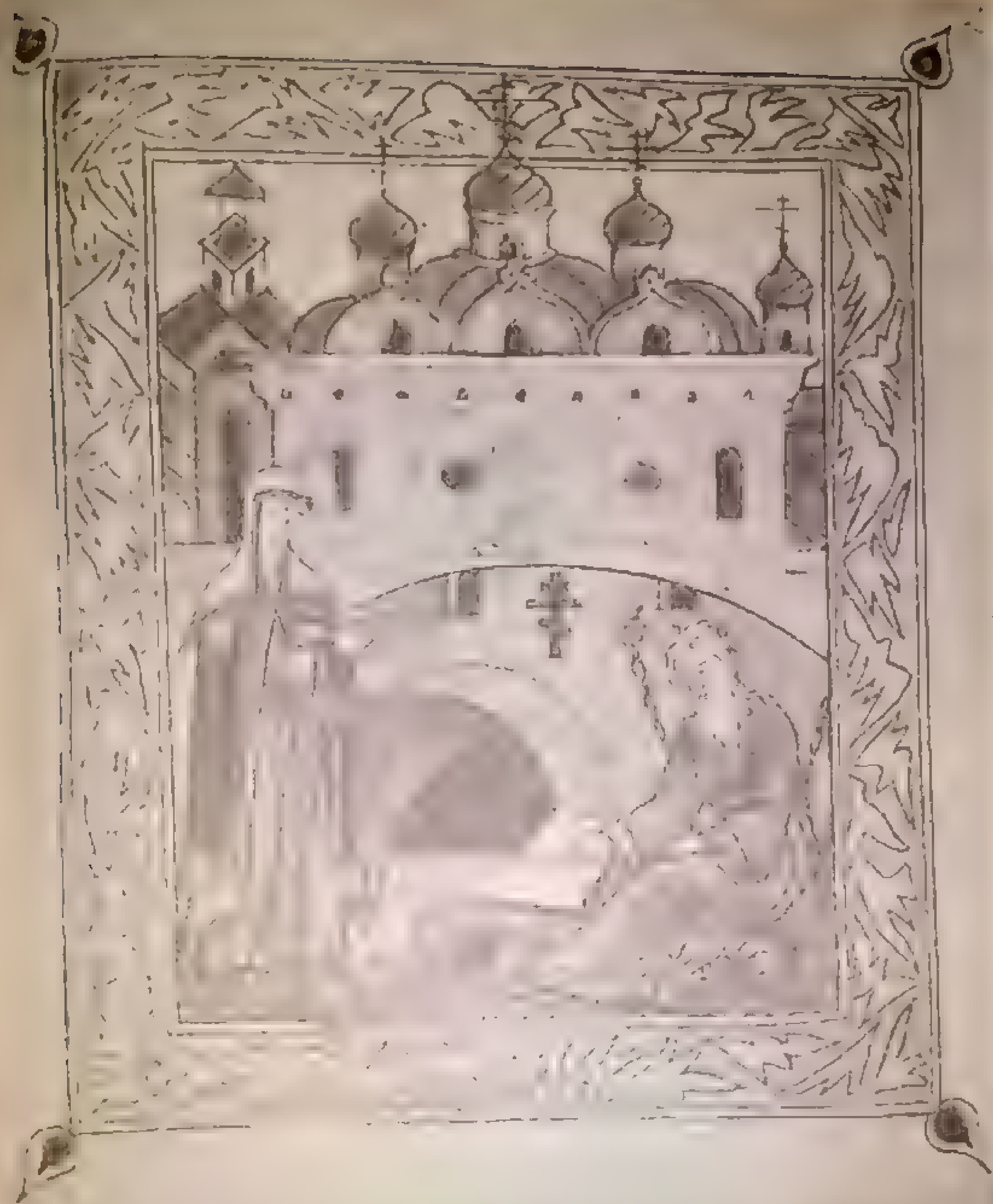
Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием[1], — понеж отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице, Боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду* со всеми избранными твоими. <...>

Рождение же мое в Нижегороцких пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове[2]. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока** Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмелнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня

* На страшном суде окажусь на стороне праведников.

** инока — в монашестве (получила имя)



Боярыня Мор[illegible]
рукописи конца XIX в. работы А. Т. [illegible]

совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен, живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священьство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных

много[3] — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибиръской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полътретьяцеть*.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии** всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелъся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою[4], и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа, не вем***, как плачю, а очи сердечнии при реке Волге****. Вижу: плывут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато, по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сия быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо*****, его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит, бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «Твой корабль! Да плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах и, седше, рассуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?»

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя; скорбь и болезнь обретох. У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом******, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научи ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин началник, во ино время, на мя рассвирепел, — при

---

* двадцать пять

** разврату

*** не ведаю

**** в видении, в мыслях вижу Волгу

***** пепельного цвета

****** толпой

бежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищалми[5] и, близь меня быв, запалил ис пистоли, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земле закопан[6]. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле[7]. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану[8] и к Неронову протопопу Иванну[9], они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы ж з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащилься: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари* и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василий Петрович Шереметев[10], пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца[11]. Аз же не благословил, но от Писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волъгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались**, а брату моему меншому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди!

На первое возвратимся. Таже ин началник на мя разсвирепел: приехав с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси*** судбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в нощ ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно****, бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батка

* маски, личины

** просили прощения

*** ведаешь

**** как не подобает, некрасиво, истошно

9 Заказ 1183

Аввакума! За него Бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают, ужасеся дух мой во мне. И се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя з Захариею-пророком; а буде в воду посадят, а ты, яко Стефана Пермъскаго[12], паки свободиш мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Ефримию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Болшо* у Христа-тово остра шелепутата**: скоро повинилъся муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «Ей, честный отче!» И я рек. «Востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я подням и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священым помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и з женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби христовы. Так-то Господь гордым противится, смиреным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и Божиею волею государь меня велел и протопопы поставить в Юрьевец-Повольской[13] И тут пожил немного — только осм недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб — пришли к патриархову приказу[14], где я дела духовные делал, и вытаща меня ис приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами***. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. <...>

Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинилъся печален****: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут, — опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек з дват-

---

* видно, что; знать
** плеть
*** ухватами
**** был много огорчен

цеть, в Юрьевце остались; неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

По сем Никон, друг наш, привез ис Соловков Филиппа митрополита[15]. А прежде его приезду Стефан духовник, моля Бога и постяся седмицу з братьею, — и я с ними тут же, — о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками*, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвещенному митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому и всея Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами, яко лис: челом да здорово! Ведает, что быть ему в патриархах и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую[16] пускать! А се и яд отрыгнул. <...>

Люто время, по реченному Господем, аще возможно духу антихристову[17] прелстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися Богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всеношнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп посадили ночью. Егда ж розсветало в день неделный**, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку*** — ушла в землю, и сидел три дня, ни ел, ни пил, во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох доволно. Бысть же я в третий день приалчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши! — И рекл мне: «Полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человек; а что ж ангел? Ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. Наутро архимарит з братьею пришли и вывели меня: журят мне: «Что патриарху не покорися?» А я от Писания ево браню да лаю. Сняли большую чеп да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

---

* со своими подписями

** воскресный

*** небольшая каморка

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса[18] снял патриарх со главы у архидьякона дискос[19] и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олътаря, при дверех царских стоял. Увы, разсечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однорятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил: и чюдно! растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух[20]. А в то время и царица в церкве была. На Логина возложили чеп и, таща из церкви, били метлами и шелепами* до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему же Бог в ту нощ дал шубу новую да шапку, и наутро Никону сказали, и он розсмеявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

По сем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и стязався** много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день[21] ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь, и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ[22] и отдали дьяку Третьяку Башмаку[23], что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрме. Спаси ево, Господи! И тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, — больную в телеге и повезли до Тобольска: три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами, и водою, и саньми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказали на меня[24], и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьяволским научением напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою, — и въскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе*** за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул, и никово не пустил, — один он, Струна, в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил

* плетями
** споря
*** место для певчих в церкви

ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочии, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними Духом Святым. И покаяние от Струны прияв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай: иное* в церкве начюю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрму просилъся — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, — опосле на Москву у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг: тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правилною виною ево[25], Струну на чеп посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову[26], за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же в душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве большой. Той же Бекетов Петр пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час ис церкви пошед, взбесилъся, ко двору своему идучи, и умре горкою смертию злее. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждана оплачат согрешение его. А сами три дня прилежне стужали** Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честно тело его погребли. Полно того плачевнова дела говорить.

По сем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь никонову. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху[27], а оба умерли в мор и з женами и з детми, и многия друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиял*** гнева своего! Да не узналися**** горюны однако — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение. То и збылось во дни наша ныне. Но милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа, ожидая милосердия его и чаю воскресения мертвым.

---

* иногда

** докучали, надоедали

*** чаша

**** не догадались, не распознали

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, — другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк[28] — людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощеник* мой совсем: налилъся среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало и утонули в воде. По сем, оправяся на берегу, и опять поехали впредь**.

Егда приехали на Шаманъской порог, на встречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галъки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята инъдейские[29], и бабы[30], и лебеди и иные дикие — многое множество, — птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волъки, бараны дикие — воочию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами витать***. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! Убойся Бога, седящаго на херувимех и призирающаго**** в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство***** показуеш», — и прочая: там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и оне, бедные, и едят и дро-

* плоскодонное речное судно
** вперед
*** жить; здесь — находиться, пребывать
**** глядящего, взирающего
***** непокорство, своеволие

жат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или роспоп?»[31] и аз отвещал: «Аз есм Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног, и чекан[32] ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши* по той же спине семъдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи, Исусе Христе, сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьеш? Ведаеш ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть** кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощ под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что ты, сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил! Бытто доброй человек! — Другой фарисей*** з говенною рожею, — со Владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так[33], да он праведен, непорочен, а се и Писания не разумел, вне Закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое — грешен, второе — на Законе почиваю и Писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемять и жилы-те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялься пред Владыкою, и Господь-свет милостив, не поминает наших беззаконий первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка**** чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно***** было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю

---

* раздев

** поперечную перекладину

*** лицемер

**** порога

***** неприятно, тяжко

уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «Сыне, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщаетется ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речми тешил себя.

По сем привезли в Брацкой острог и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста[31] в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батошка* не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» Да сила Божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманагами** и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю — лаяла да укоряла. Сын Иван невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось; а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен*** ход ею был, — и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучился. От водяные тяготы люди изгибали, а у меня ноги и живот сини были. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь**** делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумках; все с тех мест перегнило, — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаешь за посмех!»

---

* палки
** заложниками
*** труден, тяжел
**** ведь

И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака-тово!» Так она-надежда уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, — стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленькие были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту* зделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотах по Инголе реке поплыли на низ. Четверътое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой[45]. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелъкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие - огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступилъся. У протопопицы моей однарядка московская была, не згнила, - по русскому рублев в полъ-третьяцеть** и больши, по тамошнему — дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающиеся и по полям траву и коренья копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну***, а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых**** ели волъков и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающиеся по горам и по острому камению наги и босы, травою и кореньем перебивающиеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен***** кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы, грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачю бедную душу свою, ю же зле погубих житейскими сластями? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полъпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму ис корыта нагребет. Дочь моя, бедная

* сани
** двадцать пять
*** кору сосны
**** замерзших
***** пробовал (мясо)

горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! Иногда ребенка погонят от окна без ведома бояронины, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов, — девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебивается кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят[36]. Да што же делать? Пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божиею помощию. На том положено: ино мучитца веры ради Христовы. Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: не начиный блажен, но скончавый*. Полно того; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. <...>

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко** дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем — голодные и томные*** люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кользко гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалилъся; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батько, меня задавил?» Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долъго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петровичь, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу Божиим повелением, нужде нашей помогая, Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по греху. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, помолилъся о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил — корыто им зделал, ис чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-

---

* не начавший счастлив, а окончивший

** пожитки

*** усталые



Сожжение протопопа Аввакума в Пустозерске в 1682 г.
Миниатюра рукописи конца XIX в. работы А. А. Великанова.

то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодни так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе[37]. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Ирьгень озеро. Бояроня пожаловала — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи* наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссо-

---

* каши

рил, еще сын у нея был Симеон — там родилъся, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома: занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику[18]. Я, сведав, осердилъся ж на нея, и меж нами пря* велика стала быть. Младенец пущи занемог: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор** пришла; не ведает, что делать, а Бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко Владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый Бог, умягчил ниву сердца ея: прислала наутро сына среднева Ивана ко мне, — со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы кольдуна». Потом и болнова принесли, — велела пред меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель*** и масло священное нашол. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою излечевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодни кающихся есть Бог! Наутро прислала нам рыбы да пирогов, — а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесеньском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца, — она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит: «Спаси Бог! Отечески твориш — не помниш нашева зла». И в то время пищи доволно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать, слушай, за что. Отпускал он сына своего Еремея в Мунгальское царство[19] воевать, — казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек, — и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волъхв же той мужик, близ моего зимовья привел барана живова в вечер, и учал над ним волъхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать, и, много кричав, о землю ударилъся, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удастъся ли поход?» И беси сказали: «С побе-

---

* спор, ссора

** в смущение, раскаяние

*** епитрахель (часть облачения священника)

дою великою и с богатъством болшим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «Богаты приедем!» Ох, душе моей, тогда горко, и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «Господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, якоже и Илия сотвори»[40]. Обращ же ся Исус и рече им: «Не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь. А я, окаянной, зделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко Господу: «Послушай мене, Боже! Послушай мене, царю небесный — свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же Бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибель молю. Иные, приходя, прощаются ко мне, а я им говорю: «Погибните там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолилъся за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погналъся за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — Бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как-то Бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует Бог! Напрасно ты протопопа-тово кнутом-тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «Господи, помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль[41],— никогда не лжет*,— приложася на сына, курок спустил, и Божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил: пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався, и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно

* не дает осечки

протопопа бил; за то меня наказует Бог!» Чюдно, чюдно! По Писанию: яко косен* Бог во гнев, а скор на послушание,— дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды. Потянули — он и взбежал на тихое место тотъчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «Прости, барте**, Еремей,— правду ты говориш!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! Я пред Богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек; уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по Писанию и надобе так: Бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал Владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил: ведаю ево стряпанье,— после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живем, Господеви*** живем, аще умираем, Господеви умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело Господне и неизреченны судьбы Владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских**** людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седм дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явилъся и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадовалъся и на путь выбрел. Егда он отцу розсказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст! — вздохня, говорит: «Так-то делаешь? Людей-тех погубил столко!» — А Еремей мне говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошел.

Десять лет он меня мучил или я ево — не знаю; Бог розберет в день века. Перемена ему пришла и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме

* медлен
** пожалуйста
*** для Господа
**** монгольских

своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи,— от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми – семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормъчию[42] дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал: в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь его вывез, от смерти к животу,— пускай ево беднова! – либо покаятся о гресех своих <...>

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо несуша; и тем лето питалися, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил, и детей крестил с кумом – с прикащиком, да дочь моя болшая — кума, а я у них поп. Тем же образцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех – велено так делать. <...>

Поехали из Даур, стало пищи скудать, и з братиею Бога помолили, и Христос нам дал изюбря*, болшова зверя, – тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица** соболиная, рыбу промышляют; рады, миленькие, нам, и с карбасом*** нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи, плачют, миленкие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько надобно, осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Бог, батюшко, на твою часть Бог в запоре**** нам дал, – возми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столко?» Погостя у них и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода окинула[43] на море, и мы гребми перегреблись: не болно о том месте широко — или со сто, или с осмьдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— дватцеть тысящ верст и болши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши*****, врата и столпы, ограда каменная

* изюбря, сибирского оленя, марала
** артель соболятников
*** большая лодка
**** ловушке
***** строения

и дворы,— все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок,— болши романовскаго луковицы, и сладок зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей,— по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия* в нем: во окияне море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо — нелзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа-тово-света наделано для человеков, чтоб упокояся хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь, съесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит, Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тму,— день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевает, но паче молва бывает. Опечаляся, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие, или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И, виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятьством** и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе, говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи, помилуй! Что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал, апостольскую речь: привязался еси жене, не ищи разрешения, егда отрешишися, тогда не ищи жены. Аз тя и з детми благословляю: деръзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи, дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудню*** еретическую!» Я-су ей за то челом**** и, отрясше от себя печалную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со деръзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торъгах кричал, проповедуя слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземьских оръд и жилищ. Много про то говорить!

---

* разновидность тюленя
** с почтительностью
*** заблуждения
**** с поклоном

Бывал и в ыноземъских руках. На Оби — великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним, и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и объскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, что с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною стали,— медведен[44] я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тобольск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехав на Верхотурье, Иван Богданович Камынин, друг мой, дивится же мне: «Как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес и пречистая Богородица провела; я не боюсь никово, одново боюсь Христа».

Таже к Москве приехал и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел[45]: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословилъся от меня, и учали говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь[46] меня тотъчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здоров ли де, протопоп, живешь? Еще-де видатца Бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «Жив Господь, и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволить Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное коечто было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялъся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, муръманку[47], снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя-тово и бояр-тех не жалеть? Жаль, о-су! Видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединилъся в вере; аз же вся сия яко уметы* вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет[48].

А се мне в Тобольске в тонце сне** страшно возвещено (блюдися, от меня да не полъма*** растесан будеши). Я вскочил и пал

---

* грязь, нечистоты

** чутком, неглубоком

*** напополам

пред иконою, во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, Боже мой!» Был я у завтрени в сборной церкви на царевнины имянины, шаловал* с ними в церкве-той при воеводах; да с приезду смотрел у них просвиромисания[49] дважды или трожды, в олътаре у жертвенника стоя, а сам им ругалъся; а как привык ходить, так и ругатца не стал — что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «По толиком страдании погибнуть хощеш? Блюдися, да не полъма разсеку тя!» Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил. Боярин миленькой, князь Иван Андреевич Хилъков, плакать стал. И мне, окаянному, много столко Божия благодеяния забыть? <...>

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу[50], чтоб я мольчал. И я потешил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренок до меня, — чаял либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править[51], и я рад сильно, — мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десять рублев денег, царица десять рублев же денег, Лукьян духовник[52] десять рублев же, Родион Стрешнев десять рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть, а про иных нечева и сказывать, всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна[53], дочь же моя. Светы мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был. А к Феодору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче мольва бывает, паки заворчал, написав царю многонко-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую: святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волъка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда писмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеся на виселицу. Он же с письмом приступил к цареве корете со дерьзновением, и царь велел ево посадить и с писмом под Красное крылцо[54], не ведал, что мое; а опосле, взявше у него писмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и Божиею волею железа разъсыпалися на ногах пред

* дурачился

людми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи подбираючи, ест. Так черицы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват* стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Въласти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайловичь Салътыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей Божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтора года держав, паки одново к Москве възяли, да два сына со мною — Иван да Прокопей — съехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорять: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску** им тут з бранью з болшою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма-та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты старова-того благочестья; велик ты будеш у Христа человек, как до конца претерпиш; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть***, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; болши тово нечева мне делать с ним, ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подеръжав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? Волъки-то есть, не

---

* сердит

** письмо с объяснением

*** сказать

жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу. <...>

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные* люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей[55], и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоево благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне силно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня,— соединись со вселенскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрети ми Бог изволит, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесныя, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем Бога молю.

Таже, братию казня[56], а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания, первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братии дьяконово снискание[57] послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блядь. Писана в ней правда о догматех церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных, — преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука-та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь** чином, юноша лет в полтретьятцеть, приехал на Мезень по смерть з детми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, вопросил его Пилат[58]: «Как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренно-мудро: «Я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех*** повесил. Он же от земных на небесная взыде. Болши тово что ему могут зделать? Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадалъся! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопия, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинилися. Так их и с

---

* придворные, близкие к царю

** кожевник

*** перекладинах, балках

матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть — недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, изшед вон, плакася горько, и слез ради прощен бысть[59]. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

По сем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки,— мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинъскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многонко, и Никону, завотчику* ересям, досталось небольшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восем и больши, да братья паки есть велели.

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленых обличает! Я на третей день у нево во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все — без языка, а не болит. Дал Бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан, а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая.

По сем взяли соловецькаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же, у руки отсекли четыре перъста. И сперва говорил гугниво**. По сем молил пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешьней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во ръте. Дивна дела Господня и неизреченны судбы Владычни! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мъгновении ока воскресит. Да кто о том разъсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

По сем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оста-

---

* зачинщику, начинателю

** невнятно, картаво

вили кусочик небольшой во рте, в горле накось резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленко. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал Бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежнева и чисто.

Также осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырми замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном Божиим, песни песням, их же Соломан воспре, зря на матерь Виръсавию[60]: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но Господем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татаръской Бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны, яко шиши* антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают: по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы** имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением Спасителя нашего Христа пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перъст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти яко же приях: не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во

* те, кто послан на зло
** назови

веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жерътвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить,— крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олътаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви святя, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят, явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — Дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! Вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Аръсен[61], книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж*!

По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,— апостоли о себе возвещали же, егда что Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ничто ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной». Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею, а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая. Но аще и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом. <...>

Примечания

Аввакум Петров — церковный деятель, претерпевший годы ссылки, заключения и погибший в огне, но не изменивший своим убеждениям в истинности «старой веры», на которую посягнул в своих реформах патриарх Никон (1652—1658),— ни в коей мере не ощущал себя писателем. Он был священником (протопопом), богословом, проповедником и свое «Житие» рассматривал не как литературную автобиографию, а как своего рода проповедь, обращенную к единомышленникам. Рассказывая о своей трудной жизни и борьбе с никонианами, Аввакум хотел показать, как стойко нужно хранить верность традициям, как мужественно сносить все муки и лишения, не поддаваясь соблазну отказаться от борьбы и вернуть утраченное благополучие и по-

* трижды

чет. И в то же время необыкновенные природные дарования Аввакума, его чувство слова и стиля, высокое литературное мастерство поставили его «Житие» в ряд с лучшими произведениями древнерусской литературы.

Текст «Жития» приводится со значительными сокращениями; трудные для понимания слова и выражения объясняются в подстрочных примечаниях или в «Словаре».

[1] Епифаний — единомышленник Аввакума, вместе с ним находившийся в заключении, а затем в ссылке в Пустозерске (Архангельская область). Епифания жестоко истязали: ему отрезали язык, отрубили пальцы, а после 15-летнего пребывания в земляной тюрьме 14 апреля 1682 г. Аввакум, Епифаний и другие пустозерские узники были сожжены на костре. Епифаний признавал, что он побудил Аввакума написать «Житие», чтобы не было предано забвению «дело божье».

[2] Григорово — село в Нижегородской области.

[3] Дети духовные — прихожане по отношению к тому священнику, которого они избрали своим постоянным духовным наставником (духовником).

[4] Налой — аналой: высокий столик, на который кладутся книги во время богослужения.

[5] Пищаль — огнестрельное оружие, подобное ружью.

[6] Жена Аввакума и его сыновья с 1670 г. содержались в земляной тюрьме в Мезени. В эти годы Аввакум и начал работать над «Житием».

[7] В новозаветной книге «Деяния апостольские» рассказывается о крещении эфиопа евнуха апостолом Филиппом.

[8] Стефан Вонифатьев — духовник царя Алексея Михайловича.

[9] Иван Неронов — единомышленник Аввакума (в описываемые годы — священник одной из московских церквей).

[10] В. П. Шереметев — боярин; его встреча с Аввакумом произошла, видимо, в 1647 г., когда Шереметев направлялся на воеводство в Казань.

[11] Бритье бороды в допетровской Руси сурово осуждалось.

[12] Митрополит Филипп был задушен по приказу Ивана Грозного Малютой Скуратовым в 1569 г., Захария — библейский пророк, Стефан Пермский — епископ, проповедовавший христианство у язычников-пермяков в XIV в.

[13] Юрьевец-Повольский — город на Волге, на востоке современной Ивановской области.

[14] Речь идет о «приказной избе», в которой располагалась администрация Патриаршего приказа, ведавшего, в частности, сбором податей в патриаршую казну.

[15] Мощи митрополита Филиппа были привезены в Москву в 1652 г.

[16] Крестовая полата — парадная палата Патриаршего дворца в Кремле.

[17] Антихрист — см. Словарь.

[18] Перенос — момент богослужения, когда переносят святые дары.

[19] Дискос — блюдо, употребляемое при богослужении.

[20] Возду́х — легкое покрывало, плат, используемый в церкви.

[21] День святого Никиты, когда совершался крестный ход из Кремля в Никитский монастырь.

[22] Сибирский приказ ведал управлением Сибири.

[23] Третьяк Башмак — приказной, впоследствии постригшийся в монахи и известный как стихотворец.

[24] Произнести формулировку «слово и дело государево» значило обвинить кого-либо в государственном преступлении.

[25] «Правилною виною» — то есть за нарушение церковных правил.

[26] Петр Бекетов — землепроходец, основатель Братского острога.

[27] «Верхом» назывались царские хоромы.

[28] Афанасий Пашков — воевода, посланный в 1655 г. с отрядом стрельцов осваивать земли в Даурии — к востоку от оз. Байкал.

[29] Горные индейки

[30] Бабы — пеликаны.

[31] Распоп — священник, лишенный сана, расстрига.

[32] Топорик — знак сана

[33] Иов — праведник, подвергнутый Богом жестокому испытанию, но оставшийся благочестивым и богобоязненным.

[34] Филиппов пост отмечается в ноябре.

[35] То есть строительный лес

[36] См. прим. 6.

[37] Святые Козьма и Дамиан (Демьян) почитались как покровители домашнего скота.

[38] Мужик-шептун — знахарь, колдун

[39] Мунгальское царство — Монголия.

[40] Зеведеевичи — ученики Христа, призывавшие жестоко покарать обидевших его поселян, как библейский пророк Илья, призвавший небесный огонь на воинов, посланных привести его к царю Охозии.

[41] Пищаль (см. прим. 5) с колесным замком.

[42] Кормчая книга — сборник церковных правил и церковного законодательства.

[43] Погода окинула — то есть разыгралась буря.

[44] Изделия из шкуры медведя.

[45] Федор Ртищев — боярин, приближенный царя Алексея Михайловича.

[46] Государь — царь Алексей Михайлович.

[47] Мурманка — шапка с меховой опушкой.

[48] Авторитет Аввакума был велик, поэтому царь и многие бояре пытались склонить мятежного протопопа к признанию ре-

форм Никона, а сам Аввакум не раз пытался убедить царя стать на свою сторону.

[49] Просвиромисание — обряд приготовления просвир, «святых даров».

[50] Родион Стрешнев — окольничий, близкий родственник царя, возглавлявший Сибирский приказ.

[51] «Править книги» — то есть заниматься редакторской работой, следить за точностью печатания книг.

[52] Протопоп Лукьян Кириллов был царским духовником.

[53] Упоминаются боярыни — единомышленницы Аввакума: Федосья Морозова (она изображена на известной картине В. А. Сурикова) и ее сестра — княгиня Евдокия Урусова. Обе они были уморены голодной смертью в монастырской тюрьме в Боровске.

[54] Красное крыльцо — парадное дворцовое крыльцо; под ним было помещение для дворцовой стражи.

[55] Артамон Матвеев — ближний боярин царя; Дементий Башмаков — дьяк Приказа тайных дел, секретарь царя.

[56] Некоторым сподвижникам Аввакума перед ссылкой вырезали языки.

[57] Аввакум упоминает сие словесное сочинение дьякона Федора, своего сподвижника, сожженного вместе с ним в Пустозерске.

[58] Пилатом (см. Словарь) здесь назван стрелецкий подполковник Иван Елагин.

[59] Вспоминается, как, согласно евангельскому рассказу, от Христа трижды отрекся его ученик — апостол Петр.

[60] Аввакум приводит цитату из «Песни песней» (одной из книг Ветхого завета), считая ее похвалой церкви и ошибочно полагая, что она обращена к матери Соломона (см. Словарь) — Вирсавии.

[61] Арсений Грек — монах, помощник Никона, редактор церковных печатных книг.

СЛОВАРЬ ИМЕН, ТЕРМИНОВ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Авель — в библейском рассказе — сын первого человека — Адама, убитый своим завистливым братом Каином.

Авраам — один из библейских праведников, через своего сына Исаака — родоначальник евреев, а через Измаила — родоначальник арабов.

Агаряне — в средневековой христианской литературе так назывались восточные народы, происходившие от Агари, служанки Авраама, и их сына Измаила (их называли также измаилтянами).

аз — я.

антихрист — противник Христа, который в «конце времен» овладеет землей, удостоится всеобщего почитания, но будет побежден Христом; в переносном смысле — абсолютный грешник, нарушитель церковных заповедей.

апостолы — двенадцать учеников и последователей Христа. Из них наиболее известны апостолы Петр, Андрей Первозванный, Иоанн Богослов. Наравне с апостолами почитался и Павел — первоначально преследовавший христиан, но затем ставший ревностным проповедником Евангелия.

багряница — богатая одежда пурпурного цвета (порфира), которую носили византийские императоры; в переносном смысле — символ богатства, земной славы.

Библия — книги Священного писания: Ветхий завет (см.) и Новый завет (см.).

Благовещение — церковный праздник (25 марта) в память о явлении архангела Гавриила Богородице с вестью о предстоящем рождении у нее Иисуса Христа.

Борис и Глеб — сыновья великого князя киевского Владимира, убитые в 1015 г. своим сводным братом Святополком (см. «Житие Бориса и Глеба»). В Древней Руси они почитались как святые покровители Русской земли, помощники русских князей в битвах с врагами.

Ветхий завет — первая часть Библии, созданная еще в Иудее. В нее входят книги, рассказывающие о создании мира и истории евреев, а также пророческие книги, в которых осуждались пороки людей и предвещались бедствия за нарушение божественных заповедей. Христиане находили у библейских пророков предсказания о пришествии Христа.

Вознесение — церковный праздник, отмечавшийся на сороковой день после Пасхи, в память о вознесении на небеса Иисуса Христа.

гривна — древнерусская денежная единица, а также равный ей по стоимости кусок драгоценного металла; гривной называли также дорогое нашейное украшение.

Давид — царь Израильско-Иудейского государства (умер около 950 г. до н. э.). В Библии рассказывается, что в юности Давид был пастухом, в поединке одолел богатыря Голиафа, стал оруженосцем царя Саула, а затем и царем. Давиду приписывается составление Псалтири (см.), поэтому его именуют иногда Песнотворцем.

десной — правый; переносно — правильный, справедливый.

дивий — дикий.

ектения — молитва, содержащая ряд прошений к Богу.

забрала — помост по верху крепостной стены, огражденный снаружи бруствером с отверстиями для стрельбы.

Иосиф — библейский праведник. Мальчиком он был продан братьями в рабство в Египет, стал там впоследствии знатным вельможей. Часто упоминается, что Иосиф был очень красив и что был связан нежной дружбой со своим младшим братом Вениамином.

Каин — убийца Авеля (см.), в переносном смысле — убийца, преступник, злодей.

камо — куда.

Константин Великий — римский император (306—337 гг.). В 336 г. избрал столицей своей империи городок Византий, который назвал своим именем — Константинополь. При Константине христианство из преследуемой превратилось в почитаемую государственную религию; поэтому Константин высоко чтим церковью.

Константинополь — столица Византийской империи, крупнейший город на востоке Средиземноморья. На Руси Константинополь называли Царьград.

Мамай — беклярибек (второй после хана властитель, визирь) Золотой Орды, женатый на дочери хана Бердибека, фактический правитель Орды при слабом хане Абдуллахе.

ми — мне

Моисей — по Библии, предводитель евреев, обитавших в Египте. Несмотря на противодействие фараона, Моисей вывел евреев из Египта и привел в Палестину, в «землю обетованную» (то есть обещанную, предназначенную). Через Моисея

Бог провозгласил свои религиозные и нравственные предписания евреям; именно они составляют основу Ветхого завета, в отличие от изложенных в Новом завете заповедей Иисуса Христа.

нарочито — сильно.

насад — речное судно, использовавшееся как для перевозки грузов, так и в военных целях.

Новый завет — вторая часть Библии, содержащая повествование о земной жизни Иисуса Христа и изложение христианского вероучения. В состав Нового завета входят четыре Евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна), книга «Деяния святых апостолов», послания апостолов и «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис).

окол — вокруг, по сторонам.

опять — снова, назад.

отрок — подросток, юноша; чаще всего в текстах это слово обозначает слугу, княжеского оруженосца, младшего дружинника.

паки — снова, опять.

пастырь — пастух; в христианской литературе это слово часто употреблялось применительно к священнику.

паче — (еще) более, сильнее, лучше

полъма — пополам.

поприще — мера длины, в разных текстах она имеет различные значения — 185 м, около 1480 м и даже расстояние в день пути.

Пилат — прокуратор (наместник) римской провинции Иудея в I в. нашей эры. Известен тем, что, согласно Евангелию, не воспрепятствовал казни Христа, хотя не верил в его виновность.

протопоп — священник высшего чина

Псалтирь — одна из ветхозаветных библейских книг. Она содержит 151 псалом — короткие религиозные песнопения. Автором их считали царя Давида (см.), хотя в действительности это творчество нескольких авторов. Псалмы постоянно распевали монахи, часто повторяли особо благочестивые люди. Псалтирь читали над умершими, ее использовали и как гадательную книгу.

седмица — неделя.

Соломон — царь Израильско-Иудейского царства, сын Давида (умер около 928 г. до н. э.). При нем был построен огромный Иерусалимский храм. Традиция отмечает мудрость Соломона, ему приписывают авторство входящих в Библию книг: «Притчи Соломоновы», «Песнь Песней» и «Екклесиаст».

Троица — По христианскому вероучению, Бог проявляет себя в трех ипостасях: Бога Отца, Бога Сына (воплотившегося в Иисусе Христе) и Духа Святого.

успевать — добиваться успеха.

успение — кончина, смерть.

фимиам — благовонное вещество, ладан, применяется при богослужении.

Издания литературных памятников Древней Руси

Памятники литературы Древней Руси.— М., 1978—1993 (серия из двенадцати книг).
За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков.— М., 1981.
Повести Древней Руси XI—XII веков.— Лениздат, 1983.
Воинские повести Древней Руси.— Лениздат, 1985.
Изборник. Повести Древней Руси.— М., 1986.
Русская литература XI—XVIII вв.— М., 1988.
Литература Древней Руси. Хрестоматия / Составитель Л. А. Дмитриев.— М., 1990.

Оглавление

О литературе Древней Руси 4
Из сборника 1076 года. Перевод О. В. Творогова 20
Из «Слова о Законе и Благодати» Илариона. Перевод Л. А. Дмитриева 21
Из «Повести временных лет». Перевод Д. С. Лихачева 25
Житие Бориса и Глеба. Перевод Л. А. Дмитриева 42
Из «Жития Феодосия Печерского». Перевод О. В. Творогова 58
Чудо со змеем, бывшее со святым великомучеником Георгием. Перевод В. В. Колесова 73
Из «Поучения» Владимира Мономаха. Перевод Д. С. Лихачева 77
Слово о полку Игореве. Древнерусский текст 86
Слово о полку Игореве. Перевод О. В. Творогова 96
О походе Игоря Святославича на половцев (из Ипатьевской летописи). Перевод О. В. Творогова 109
Повесть о разорении Рязани Батыем. Перевод Д. С. Лихачева 117
Слово о погибели Русской земли. Перевод О. В. Творогова 128
Повесть о житии Александра Невского. Перевод В. И. Охотниковой . . 130
Задонщина. Перевод Л. А. Дмитриева 141
Из «Сказания о Мамаевом побоище». Перевод В. В. Колесова 152
Из «Жития Сергия Радонежского». Перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина 168
Повесть о Петре и Февронии Муромских Ермолая-Еразма. Перевод Л. А. Дмитриева 190
Из «Домостроя». Перевод В. В. Колесова 200
Повесть о Тверском Отроче монастыре. Перевод С. А. Семячко 209
Повесть о Савве Грудцыне. Перевод Т. А. Ивановой и Ю. С. Сорокина 217
Повесть о Шемякином суде 234
Слово о бражнике, како вниде в рай 239
Повесть о Горе-Злочастии 242
Из «Жития» протопопа Аввакума 254
Словарь имен, терминов и устаревших слов 283
Издания литературных памятников Древней Руси 286

Учебное издание

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Составитель Олег Викторович Творогов

Заведующий редакцией В. П. Журавлев
Редактор Е. П. Пронина
Художественный редактор А. П. Присекина
Технические редакторы Н. Н. Матвеева, Н. Н. Бажанова
Корректоры Н. В. Бурдина, Л. Г. Новожилова

ИБ № 15664

Лицензия ЛР № 010001 от 10.10.91. Сдано в набор 29.01.95. Подписано к печати 30.03.95. Формат 60 × 90[1]/[16]. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18+0,29 форз. Усл. кр.-отт. 18,69. Уч.-изд. л. 18,75+0,42 форз. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1183.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Комитета Российской Федерации по печати. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Повѣсть о горѣ и злочастии

Како горе злочастие довело молодца во иноческий чинъ

Изволением Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя от начала века человеческаго. А в начале века сего тленнаго сотворил небо и землю, сотворил Бог Адама и Евву, повелел им жити во святом раю, дал им заповедь божественну: не повелел вкушати плода винограднаго от едемскаго древа великаго. Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво: прелстился Адам с Еввою, позабыли заповедь божию, вкусили плода винограднаго от дивнаго древа великаго; и за преступление великое Господь Бог на них разгневался, и изгнал Бог Адама с Еввою из святаго раю едемскаго.

